ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Издательство

КВАДРИГА

ИСТОРИКО ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Национальная академия наук Беларуси
Институт истории

МОСКВА
Квадрига
2009

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В. Н. Темушев

ГОМЕЛЬСКАЯ ЗЕМЛЯ
В КОНЦЕ XV - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в.

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ПОГРАНИЧНОМ РЕГИОНЕ

МОСКВА
Квадрига
2009

УДК 94(47+57) "14/5"
ББК 63.3(4Бел)5
Т32

Утверждено к печати Институтом истории
Национальной академии наук Беларуси

Рецензенты:
доктор исторических наук, профессор Ю. М. Бохан
(Белорусский государственный экономический университет)
кандидат исторических наук М. Ф. Спиридонов
(Институт истории НАН Беларуси)
кандидат исторических наук А. А. Метельский
(Институт истории НАН Беларуси)

Темушев В. II.

Т 32 Гомельская земля в конце XV - первой половине XVI в. Территориальные трансформации в пограничном регионе. / Виктор Темушев. - М.: Квадрига, 2009. - 192 с.+карты. - (Историко-географические исследования).

ISBN 978-5-904162-10-8

Книга В. Н. Темушева - первая специальная работа, посвященная судьбе Гомельщины, оказавшейся на порубежье великих княжеств Литовского и Московского, где шла ожесточенная борьба за утверждение их геополитических интересов. К середине XV в. земли Древнерусского государства были поделены Вильной и Москвой. В конце века началась борьба за их перераспределение. За короткое время в результате войн 1486/87-1494 и 1500-1503 гг. московские владения приблизились к территории современной Республики Беларусь. Единственным ее регионом, побывавшим в 1500-1537 гг. под московской властью, была Гомельщина.

Автором осуществлена локализация населенных пунктов региона, реконструированы межгосударственные и внутренние границы, определен его внутренний состав периодов литовского и московского управления; рассмотрена история порубежья. Работа осуществлена на большой источниковой базе московско-литовских договоров, посольских книг, актов Литовской метрики, реестров границ, описаний волости; поздние материалы использованы ретроспективно.

Регион ярко иллюстрирует трансформацию территории административной единицы в связи с ее пограничным положением. На гомельском участке в первой трети XVI в. началось формирование границ, разделяющих в настоящее время Республику Беларусь и Российскую Федерацию.

УДК 94(47+57) "14/5"
ББК63.3(4Бел)5

ISBN 978-5-904162-10-8

ВВЕДЕНИЕ

К середине XV в. русские земли, составлявшие некогда территорию Древнерусского государства, были объединены или распределены на сферы влияния между двумя основными центрами - Вильней и Москвой[1]. В конце XV в. началась борьба за перераспределение владений. В силу ряда причин (рассмотрение которых выходит за рамки представленной работы) Великое княжество Литовское (далее: ВКЛ) оказалось значительно слабее своего конкурента Великого княжества Московского[2]. За короткое время в результате двух войн (1486-1494 и 1500-1503 гг.) ВКЛ потеряло огромные пространства, а пределы московских владений приблизились к тем районам, которые в настоящее время составляют часть территории Республики Беларусь.

Единственным регионом современной Беларуси, который в первой трети XVI в. побывал под московской властью, была Гомельская земля. Этим обобщенным названием будет обозначен ряд территорий, в разное время административно принадлежавших Гомелю. За треть столетия Гомельская земля несколько раз весьма существенно меняла свои очертания. Гомельские волость (повет), уезд и староство (волость) хоть и преемственны в большей части своей территории, но тем не менее далеко не равнозначны.

[1] *Кром М М.* Меж Русью и Литвой. Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV - первой трети XVI в. М., 1995. Имеется в виду московско-литовский договор 1449 г., определивший сферы влияния и господства обеих сторон в русских землях (ЦЦГ. М.; Л., 1950. № 53. С.160-163;LM.V., 1994.Kn..5:(1427-1506).№78.1.С.131-133;№136.С.251-254;Skopinska Z.Traktat 31 sierpnia 1449 roku w świetle polityki Litwy I Moskwy w latach 1440-1453// Ateneum Wileńskie. 1928. Z. 15. S. 108-150; *Темушев В. Н.* Литовско-московский договор 1449 года. Раздел сфер влияния в Восточной Европе // Вссці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. 2005. № 5. Ч. 2. С. 77-80). Части «древнерусского наследства» приобрели также другие государства: Королевство Польша, Королевство Венгрия, Молдавское княжество, Ливонский орден и некоторые другие. Но основная борьба развернулась между Великими княжествами Литовским и Московским.

[2] Данная проблематика рассматривается, например, в работах: *Пашушо В. Т., Флоря Б.* Я, *Хорошкевич А. Л.* Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982; Зимин Л. *А.* Россия на рубеже XV-XVI столетий. М., 1982; Кром М *М.* Меж Русью и Литвой. Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV - первой трети XVI в. М., 1995; *Бычкова М. Е.* Русское государство и Великое княжество Литовское с конца XV в. до 1569 г.: опыт сравнительно-исторического изучения политического строя. М., 1996.

Так, в 1500 г. вместе с собственно Гомельской волостью (иногда именовавшейся поветом) осколки нескольких соседних волостей вошли в состав Великого княжества Московского и составили отдельную административную единицу - уезд. В результате Гомельский уезд сложился из части стрешинских, горвольских и чечерских сел (все на территории современной Беларуси) и всех гомельских поселений. Он просуществовал до 1535 г., когда в результате похода литовского гетмана Юрия Николаевича Радзивилла 16 июля Гомель был взят и возвращен в состав ВКЛ[3]. Окончательно город был признан в литовской стороне по перемирию 1537 г.

Характерно, что Гомель в московско-литовских договорах между 1500-1537 гг. последовательно обозначен как город, к которому, согласно обычной системе административного деления восточной окраины ВКЛ и значительной части Великого княжества Московского, должны были «тянуть» волости. В договорных грамотах обычно использовалась формула «Гомей с волостми»[4]. Однако спецификой, видимо, именно Гомеля было то, что его территориальную структуру составляли села. До начала XVI в. существовала Гомельская волость, иногда называемая поветом, но ни одной гомельской волости не известно.

Представляется, что к этому времени значение Гомеля переросло уровень волостного центра. Город занимал очень важное стратегическое положение и являлся центром густозаселенной округи. Немногие волости имели столько сел, сколько относилось к Гомелю. После присоединения к Москве в состав Гомельской земли было включено большое количество новых сел, появлялись и волости. Гомель, таким образом, приобрел значение настоящего города (в административном отношении), центра московского уезда. Впрочем, обозначение гомельской округи уездом в сравнительно короткий период московского господства (между 1500-153 5 гг.) в источниках не встречается. Причину этому отчасти можно видеть в том, что до конца второго десятилетия XVI в. Гомель по-прежнему оставался в составе Стародубского удела князей Семена Ивановича и Василия Семеновича Можайских, между тем как уездами в Великом княжестве Московском становились территории, принадлежавшие государю (правда, были и исключения). Уезд - формирование именно великокняжеской, стремящейся к централизации, власти. Оставаясь во владении стародубских князей, Гомель не мог получить статус

[3] О дате захвата Гомеля московскими войсками см. ниже.

[4] Договор 1503 г.: «города Гомъя з волостми»; договор 1508 г.: «в город в Гомси з волостми»; договор 1522 г.: «города Гомья съ волостми»; договор 1527 г.: «города Гомъя съ волостми»; договор 1537 г.: «города Гомя с волостьми» (Гомель уже в составе ВКЛ) (LM. Кл. 5: (1427-1506). V, 1994. № 118.13. P. 210; LM. Kn. 8: (1499-1514). V., 1994. №80. P. 126; СИРИО.Т.35.СПб., 1882.№94.С.638;СИРИО.Т.35.№102.С.744;LM.Kn. 15: (1528-1538). V.,2002. №164. P. 212).

уездного центра. Получил ли он его после 1517г. (год присоединения выморочного Стародубского удела к московским великокняжеским владениям)? Источники не дают ответа на этот вопрос. Однако тот факт, что Гомель имел своих наместников, прямо свидетельствует о его уездном статусе[5]. В данной работе условно на весь период московского господства по аналогии с другими подобными административными единицами Гомельская земля будет называться уездом.

Уже вскоре после захвата Гомеля, в сентябре 1535 г., было создано Гомельское староство[6], в состав которого вошла не только старая Гомельская волость (память о территориальном составе которой была очень устойчивой), но и московские к ней присоединения, а также некоторые другие земли между Днепром и Сожем. При этом часть числившихся в составе Гомельского уезда бывших чечерских земель, которые упирались в левый берег р. Сож, Москва не вернула (они вошли в состав выделившегося в это время Поповогорского уезда). Так в ВКЛ сформировалась территория Гомельского староства (часто продолжавшего называться волостью), границы которого в восточной части (за р. Сож) в основном соответствовали пределам Гомельской волости XV в., а в западной части (междуречье рек Днепр и Сож) значительно изменили первоначальные очертания.

Что касается названия центра Гомельской земли - Гомель, то в такой форме оно неизвестно источникам рассматриваемого периода[7]. В подавляющем большинстве случаев название города писалось как «Гомей», реже «Гомий»[8]. Тем не менее в данном исследовании будет использоваться более привычное для современного читателя наименование как самого города, так и производного от него обозначения территории (Гомельская земля, Гомельская волость и т. д.)[9].

Безусловно, история Гомельской земли конца XV - первой половины XVI в. не осталась без внимания исследователей.

---

[5] *Пашкова Т. И.* Местное управление в Русском государстве первой половины XVI в. (наместники и волостели). М., 2000. С. 25. Мысль о прямой связи между наличием в городе наместника и уездном статусе этого населенного пункта подсказана автору М. М. Кромом.

[6] *Виноградов Л. А.* Гомель: Его прошлое и настоящее. М., 1900. С. 13-14. Первый староста (державца) - князь Александр Андреевич Сангушко-Коширский *(Boniecki A.* Poczet rodów w Wielkim Ksigstwic Litewskim. Warszawa, 1887. S. XXIX).

[7] *Макушников О. А.* В поисках древнего Гомия. Гомель, 1994. С. 25. Публикация в Сборнике Муханова привился князю Ивану Андреевичу Можайскому с употреблением названия города в форме «Гомель», видимо, является ошибочным. Модернизация текста источника- типичная ситуация для археографии XIX в. (Сборник Муханова. СПб., 1866. № 58. С. 87, 88). На это обратил внимание О. А. Макушников *(Макушников О. А.* Гомель с древнейших времен до конца XVIII в. Гомель, 2002. С. 91. Прим. 17).

[8] Форма написания «Гомий» более характерна для древнерусского периода *(Макушников О. А.* В поисках древнего Гомия. С. 26).

[9] Л. А. Виноградов сделал, видимо, справедливый вывод о том, что город стал называться Гомелем (Homcl) «при польском владычестве, под влиянием латинского языка» *(Виноградов Л. А.* Гомель. С. 6).

Все участки гомельских границ в разное время были частью общей линии границы между Великими княжествами Литовским и Московским. Поэтому историки, чьи работы посвящены изучению московско-литовского порубежья конца XV - первой половины XVI в., в той или иной степени касались и пределов Гомельской земли. Здесь уместно упомянуть исследования *Я.* Натансона-Леского и Н. Б. Шеламановой, осветивших, образно говоря, с противоположных сторон московско-литовскую границу и пограничные территории. *Я.* Натансон-Лески реконструировал «московскую» границу со стороны ВКЛ[10], Н. Б. Шеламанова посвятила свою диссертационную работу формированию западной территории России в XVI в.[11] Судя по комментариям исследовательницы, многие выводы польского коллеги соответствовали представлениям, выработанным на материале московской стороны, однако нашлись и расхождения. Так, Н. Б. Шеламанова не согласилась с ошибочным мнением Я. Натансона-Леского, что гомельская территория XVII в. не изменилась по сравнению с XVI в. Вообще же, диссертация Н. Б. Шеламановой (к сожалению, в большей части неопубликованная), отражающая, в частности, территориальное устройство и границы Гомельской земли, до настоящего времени остается наиболее полным и глубоким исследованием по рассматриваемой проблематике.

В качестве составной части больших регионов Гомельская земля рассматривалась в работах М. К. Любавского (выделена в Чернигово-Стародубском княжестве)[12], С. М. Кучиньского и Е. В. Русиной (в составе Северской земли)[13]. М. К. Любавского отличала скрупулезная выборка всех упоминающихся в источниках населенных пунктов, относящихся к той или иной территориальной единице, хоть, как правило, и без серьезных попыток их локализации. С. М. Кучиньский дал подробное описание Гомельской и смежных с ней волостей. Е. В. Русина особое внимание обратила на политическую историю Северской земли, но отдельно ею был проанализирован уникальный комплекс

[10] *Natanson-Leski J.* Dzieje granicy wschodniej Rzeczypospolitej. Cz. 1: Granica Moskiewska w epoce Jagiellońskiej. Lwyw; Warszawa, 1922.

" *Шеламанова Н. Б.* Образование западной части территории России в XVI в. в связи с се отношениями с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой: Дис. ... канд. истор. наук. Науч. рук-ль М. Н. Тихомиров. М., 1970.

[12] *Любавский М. К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого литовского статута. М., 1892. С. 287-290.

[13] *Kuczyński S. M.* Ziemie czcrnihowsko-sicwicrskic pod rządami Litwy // Prace Ukraińskiego institutu naukowego. T. 33. Warszawa, 1936; *Русина О. В.* Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського. Кйі'в, 1998.

документов первой четверти XVI в. («Реестры границ»), получивший общий заголовок «Память 1527 г.». Из всех реестров Е. В. Русина прокомментировала только те, что касались черниговских и любечских границ. К ним была составлена карта, на которой, правда, самих границ показано не было[14].

Территория и границы Гомельского староства второй половины XVI в. в рамках Речицкого повета ВКЛ отражены на картах М. Ф. Спиридонова[15]. Основа его исторических карт - результат длительного исследования, представляющего собой обработку огромного количества источников и выраженного в картотеке по исторической географии Беларуси[16]. Кроме того, отдельно необходимо упомянуть о малоизвестной работе М. Ф. Спиридонова, представляющей собой тезисы его доклада на одной из конференций[17]. Тем не менее данная работа важна тем, что она посвящена ценному источнику - «Реестру ревизии господарской Гомельской волости» 1560 г., содержащему уникальные сведения по исторической географии данного региона.

Непосредственно история Гомеля и его окрестностей рассматривается в историко-краеведческих и научно-популярных работах Л. А. Виноградова[18] и О. А. Макушникова[19]. Последняя, несмотря на свой научно-популярный характер, является серьезным исследованием, в котором нашлось место

[14] *Русина О. В.* Сіверська земля. С. 216.

[15] *Спірыдонаў М. Ф.* Рэчыцкі павет ў канцы XVI ст. 1: 2 200 000 // Энцыклапсдыя гісторыі Беларусі: У 6 т. Мінск, 2001. Т. 6. Кн. 1. С. 181; *Он же.* Рэчыцкі павст у канцы XVI ст. // Атлас гісторыі Бсларусі ад старажытнасці да нашых дзсн. Мн., 2006. С. 42; *Он же.* Рэчыцкі павст у другой паловс XVI ст. // Вялікас княства Літоўскас: Энцыклапсдыя. У 2 т. Т.2. Мінск, 2006 (2-е выд.: Мінск, 2007). С. 533. См. также далеко не полный перечень карт М. Ф. Спиридонова, иллюстрирующих территорию Беларуси в XVI в.: Беларусь в конце XVI в. 1: 3 000 000 // Родина. 1993. № 4. С. 93; Беларусь в конце XVI в. 1:1 000 000 // Закрепощение крестьянства Беларуси (XV-XVI вв.) Минск, 1993. Приложение; Беларусь у канцы XVI ст. 1:2 578 000 // Энцыклапсдыя гісторыі Бсларусі: У 6 т. Мінск, 1994. Т. 2. С. 394-395; Беларусь у канцы XVI ст. 1:2 578 000 // Ілюстраваная храналогія гісторыі Бсларусі: Ад старажытнасці да пачатку XXст.Мінск, 1995. С. 90-91; Беларусь у другой паловс XVI ст. 1:1 500 000//Нацыянальны атлас Беларусі. Мінск, 2002. С. 266-267; Беларусь у канцы XVI ст. // Бсларуская энцыклапсдыя: У 18 т. Т. 18. Кн. 2. Мінск, 2004. С. 158-159; Беларусь у канцы XVI ст. // Вялікас княства Літоўскае: Энцыклапсдыя. У 2 т. Т.1. Мінск, 2005 (2-е выд.: Мінск, 2007). С. 16-17; Баларусь в конце XVI в. // Республика Беларусь: Энциклопедия: В 6 т. Т. 1. Минск, 2005. С. 212-213; Беларусь у канцы XVI ст. // Атлас гісторыі Бсларусі ад старажытнасці да нашых дзён. Мн., 2006. С. 22-23.

[16] Полную библиографию работ М. Ф. Спиридонова см.: Памяць стагоддзяў на карце Айчыны: Спіс публікацый М. Ф. Спірыдонава // Зборнік навуковых прац у гонар 70-годдзя Міхаіла Фсдаравіча Спірыдонава. Мн., 2007. С. 397-429.

[17] *Спиридонов М. Ф.* Гомельская волость в 1560 г.////Тез. докл. 1-й Гомельской обл. научн. конф. по историческому краеведению (февраль 1989 г.). Гомель, 1989. С. 52-53.

[18] *Виноградова. А.* Гомель. Его прошлое и настоящее. М., 1900.

[19] *Макушников О. А.* Гомель с древнейших времен до конца XVIII в. Гомель. 2002.

для глубокого анализа источников и точных локализаций населенных пунктов, относящихся к Гомелю.

Не претендуют на строгую научную основу, но тем не менее обладают большой информативной ценностью работы филолога А. Ф. Рогалева о географических названиях Гомельщины[20]. Исследователь в течение многих лет собирал сведения о местных названиях урочищ, лесов, болот и т. д., данные об археологических памятниках, легенды о возникновении населенных пунктов, вырабатывал собственное мнение об истории заселения и развитии структуры поселений в окрестностях Гомеля.

По решению правительства в Беларуси осуществлено уникальное издание Книг Памяти, представляющих собой своеобразную историко-документальную хронику событий по городам и районам республики (1985-2005 гг., 146 книг)[21]. К работе привлекались разные коллективы авторов, поэтому в форме подачи и уровне проработки материала для каждого тома есть существенные различия. Древний период истории от тома к тому рассматривался по-разному: от беглого поверхностного обзора до скрупулезного анализа источников с привлечением архивных материалов. Структурное деление не везде соблюдалось, но, как правило, к разделам, посвященным тому или иному историческому периоду, придавались выборки источников («Дакументы сведчаць»), обычно - отрывков из уже опубликованных документов. Однако, например, в книгу «Памяць» Чечерского района вошла до этого не публиковавшаяся люстрация Чечерского староства за 1765 г., переведенная на белорусский язык[22]. Во многих томах серии присутствуют разделы «З гісторыі населеных пунктаў», в которых собраны сведения о первых упоминаниях поселений района, обозначены археологические памятни-

---

[21] *Рогалев А. Ф.* Родные названия: Топонимический словарь Гомеля и окрестностей. Гомель, 2003; *Он же.* Топонимический словарь Ветковского района Гомельской области. Гомель, 2004; *Он же.* От Гомиюка до Гомеля: Городская старина в фактах, именах, лицах. Гомель, 2006.

[21] В работе использовались следующие тома серии: Памяць: Брагін. р-н: Гіст.-дакум. хронікі гарадоў і р-наў Беларусі / Уклад. І.Ф. Ганжураў. Мн., 2003; Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Буда-Кашалсўскага р-на. У 2 кн. Кн. 1 / Уклад. У. Я. Райскі. Мн., 2001; Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Веткаўскага р-на. У 2 кн. Кн. 1 / Уклад. У. Я. Райскі. Мн., 1997; Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Веткаўскага р-на. У 2 кн. Кн. 2 / Уклад. У. Я. Райскі. Мн., 1998; Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Гомельскага р-на. У 2 кн. Кн. 1 / Уклад. М. З. Башлакоў, Т. А. Карасік. Мн., 1998; Памяць: Пст.-дакум. хроніка Гомельскага р-на. У 2 кн. Кн. 2 / Уклад. М. 3. Башлакоў, Т. А. Карасік. Мн., 1998; Памяць: Пст.-дакум. хроніка Рагачоўскага р-на. Мн., 1994; Памяць: Пст.-дакум. хроніка Рэчыцкага р-на. У 2 кн. Кн. 1 / Уклад. П. П. Рабянок. Мн., 1998; Памяць: Пст.-дакум. хроніка Чачэрскага р-на / Уклад І.Я. Райскі, Я. А. Шыпснка. Мн., 2000.

[22] З люстрацыі Чачэрскага староства... // Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Чачэрскага р-на. С. 66-73.

ки в их окрестностях, кратко рассказано о событиях, с ними связанных, памятных местах, знаменитых местных уроженцах и т. д.

Некоторые полезные наблюдения и замечания можно почерпнуть из работ, посвященных внешней политике России. Так, в исследовании К. В. Базилевича подробно описывается новая московско-литовская граница 1503 г., оставившая Гомель на московской стороне[23]. Историк ошибался в определении состава гомельских сел, что свидетельствовало о его невнимании к изучаемой территории, но приложенная к монографии подборка карт, выполненная И. А. Голубцовым, и иллюстрирующая, например, присоединение к Москве «исконных русских земель»[24], несомненно, значительно увеличила научную значимость его труда.

Исследования, посвященные генеалогии и биографии князей, составлявших цвет православной российской и литовской аристократии, дают необходимые сведения о политических деятелях, чья жизнь в той или иной степени была связана с Гомелем (удельные князья Стародубского княжества, наместники пограничных волостей ВКЛ и т. д.)[25].

Особое внимание необходимо уделить исследованиям М. М. Крома[26]. Несмотря на приоритет в рассмотрении московско-литовских политических отношений конца XV- первой трети XVI в. и второстепенность внимания к историко-географическим характеристикам рассматриваемых событий, историк освещает проблемы, связанные и с

---

[23] *Базилевт К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952. С. 518-52).

[24] Приведенная часть названия карты для современного читателя может показаться тенденциозной. Однако идея перехода прав на все русские земли от Киева к Москве (и связанные с этим претензии на территории соседних государств) достаточно традиционна и корнями уходит ко времени московско-литовских конфликтов конца XV в. Взгляд на захват Россией территории ВКЛ, а затем Речи Посполитой как на «возврат» исконных русских земель господствовал в российской дореволюционной историографии и утвердился в среде советских историков. К сожалению, и в исторических исследованиях современной России можно встретить отголоски не так давно господствовавшей идеологии, в соответствии с которой московско-литовские войны конца XV - первой трети XVI в. являлись шагами «в освобождении русских земель от литовского владычества» *(Алексеев Ю. Г.* Победа на Ведроше // Rossica antique 2006. Исследования и материалы. СПб., 2006. С. 342).

[25] *Boniecki A.* Poczet rodów w Wielkim Kscstwic Litewskim; *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. W., 1895; *Зимин А. А.* Служилые князья в Русском государстве конца XV - первой трети XVI в. // Дворянство и крепостной строй России XVI-XVIII вв. Сб. ст. М., 1975. С. 28-56; *Он же.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV -первой трети XVI в. М., 1988; *Бычкова М. Е.* Состав класса феодалов России в XVI в. М., 1986.

[26] *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV- первой трети XVI в. М., 1995; *Он же.* Стародубская война (1534—1537 гг.) // Очерки феодальной России. Вып. 3. М., 1999. С. 85-148.

территорией Гомельской земли. Так, им был реконструирован процесс формирования территории Стародубского княжества во второй половине XV в. (в него входил и Гомель), раскрыты причины возвращения Гомельской земли в состав ВКЛ в 1537 г. Ответы на многие другие вопросы, связанные с взаимоотношениями двух соседних государств, ходом московско-литовских войн конца XV- первой трети XVI в., имеющих второстепенное значение для настоящей работы, читатель может найти в исследованиях М. М. Крома. Выводы историка были подтверждены и прекрасно проиллюстрированы благодаря изданию им части архива Радзивиллов, относящейся к первой половине XVI в.[27] Публикация М. М. Крома ввела в научный оборот уникальные сведения по истории Гомеля и относящейся к нему территории.

Таким образом, можно утверждать, что территория Гомельской земли уже являлась объектом исследования. Определен состав ее населенных пунктов, на основе письменных источников и данных археологии сделаны попытки реконструировать пределы волости в XII-XIV вв. Намечены отрезки гомельских границ, являвшихся в разное время частями государственной границы между Великими княжествами Литовским и Московским. Однако не существует специальной работы, в которой бы рассматривались трансформация территории Гомельской земли от волости-повета к уезду и от уезда к староству, обстоятельства и причины таких перемен. Так, Н. Б. Шеламанова хоть и заявляла об изменчивом характере гомельских границ, но не проследила их динамику. Укоренились представления о соответствии и прямой преемственности территории Гомельской волости древнерусского периода с временами ВКЛ и кратковременного московского управления, без внимания к изменениям, которым она подверглась на рубеже XV-XVI вв.

Изучение усложняется узостью источниковой базы. Единичные упоминания в письменных источниках населенных пунктов XV в., относящихся к Гомелю, - это все, чем располагают исследователи. Для XVI в. доступен следующий круг источников: московско-литовские договоры, материалы посольских книг, акты Литовской метрики, реестры границ первой четверти XVI в., описание (инвентарь) Гомельской волости 1560 г. По ним воссоздается достаточно полная картина территориального устройства Гомельской земли в XVI в. и реконструируется его состояние в предшествующее время.

---

[27] Памятники истории Восточной Европы. Источники XV-XVII вв. М.; Варшава, 2002. Т. 6. Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки. Первая половина XVI в. / Составитель М. М. Кром.

Подавляющее большинство использованных письменных источников относится к группам делопроизводственных (актовые материалы, посольские книги, инвентари и др.) и нарративных (летописи, хроники). При этом последняя группа имеет второстепенное значение.

Археологические данные служат только для вспомогательных целей - они используются, при работе с письменными источниками, как правило, для подтверждения локализаций населенных пунктов. Поселения, впервые упоминающиеся в XV-XVII вв. и позже, по сведениям археологии, существовали и в более раннее время, что позволяет с большей точностью определить территориальный состав Гомельской земли для того времени, когда сведения письменных источников крайне малочисленны. Также в случаях сомнения в локализации какого-либо населенного пункта определенная степень уверенности возникает, если в окрестностях либо на территории самого поселения имеется археологический памятник (городище, селище, могильник и т. д.).

Источники летописного характера предоставляют даты территориальных приобретений московской или литовской сторон, сведения об осуществленных договорах между соседями, разделах владений между наследниками и т. д., не раскрывая в подробностях ни масштаба приобретений, ни областей разделенных сфер влияния, ни границ розданных земель. В летописях и хрониках совершенно отсутствуют сведения о территориальной структуре Гомельской земли. Так, еще в статье за 1142 г. встречается косвенное свидетельство о существовании вокруг Гомеля группы поселений[28], но названия некоторых из них начинают проявляться в источниках только со второй половины XV в.

В то же время даже единичные сведения о гомельских населенных пунктах, разбросанные по книгам Литовской метрики, в итоге заполняют пространство вокруг Гомеля и позволяют сделать выводы о структуре его поселений начиная с середины XV в. Именно поэтому делопроизводственные источники составляют основу исследования.

Пограничное положение Гомельской земли отразилось в московско-литовских договорах XVI в. (1503, 1508, 1522, 1526, 1537, 1542, 1549, 1553, 1556, 1567 (планировался), 1570, 1578 и 1582). Специфика документа подразумевает точное определение пограничной линии в тех местах, где нарушалась целостность крупных административно-территориальных единиц. И действительно, в районе Гомеля называется ряд населенных пунктов, четко обозначающих сформировавшийся в начале XVI в. участок московско-литовской границы.

[28] ПСРЛ. Т. 2..М., 2001. Стб. 311.

Московско-литовские договоры XVI в. являются неотъемлемой частью посольских книг[29]. Они органично вплетаются в структуру источника, как бы суммируя и подводя итоги всем посольским речам, обращениям, жалобам, самому ходу переговоров. Информационная недостаточность договоров, на которую обращали внимание исследователи, отходит на второй план, так как предшествующий им в посольских книгах долгий переговорный процесс раскрывает содержание неясных мест и умолчаний договорных грамот[30].

Районы военной напряженности в окрестностях Гомеля четко фиксируются благодаря указаниям посольских книг, на какие села и волости производились нападения, что за территории были заняты той или иной стороной, откуда и куда увели людей и скот и т. д. Посредством локализаций упоминаемых географических объектов определяется пограничный регион, а после обозначается с достаточно большой точностью линия московско-литовской границы.

Посольские книги не только помогают определить линию гомельской границы, в то время как другие источники недостаточны, но и показывают неустойчивый ее характер и, в общем, выявляют процесс постепенного распространения московской власти на земли ВКЛ.

Кроме того, книги предоставляют уникальные сведения о территориальной структуре пограничных регионов Великих княжеств Московского и Литовского. Мы наблюдаем слом сложившегося административного деления ВКЛ и мероприятия по созданию новых административно-территориальных единиц в составе Великого княжества Московского.

В годы московско-литовской конфронтации были составлены реестры границ черниговских, любечских, мглинских, рославльских и мстиславских[31]. Появление этого уникального источника исследователи относят ко времени между 1523-1527 гг.[32]

---

[29] В исследовании использовались следующие публикации посольских книг, касающиеся московско-литовских отношений и охватывающие период с конца XV до середины XVI в.: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. I // СИРИО. Т. 35. СПб., 1882; Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. 2 // СИРИО. Т. 59. СПб., 1887; Памятники истории Восточной Европы. Источники XV-XVII вв. М.; Варшава, 1997. Т. 2. «Выписка из посольских книг» о сношениях Российского государства с Польско-Литовским за 1487-1572 гг. / Составитель Б. Н. Морозов.

[30] О посольских книгах как источнике по изучению московско-литовской границы см.: *Темушев В. Н.* Сведения о московско-литовском пограничье в посольских книгах времени Ивана III // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. [СПб. ГУ-та.]. [Том 1]. СПб., 2006. С. 294-306.

[31] Границы Литовского государства с вел. кн. Московским, с показанием числа домов в пограничных селениях//МАМЮ. М., 1897. Т. 1. С. 63-67; "Пам'ять" 1527 р. // *Русина О. В.* Сіверська земля. С. 207-215.

[32] М. В. Довнар-Запольский, составитель первой публикации «Реестров»- к 1523 г. (МАМЮ. Т. 1.С. 63), М. К. Любавский - к 1526 г. *(Любавский М. К.* Областное деление.

Реестры границ детально выявляют пограничную зону в изучаемом регионе, причем охватывают не только межгосударственные границы (между ВКЛ и Великим княжеством Московским), но и внутренние границы московских уездов. Комплекс реестровых данных, по мнению Е. В. Русиной, принадлежит к последним десятилетиям XV в., и в связи с этим составление большинства их них не преследовало целью фиксирование московско-литовской границы (тогда она была еще далеко), а скорее представляло собой опись утраченных в начале XV в. ВКЛ владений[33].

Вся совокупность реестров 1526 г. дает сведения только о южных рубежах Гомельской земли, причем по обеим сторонам р. Сож. Заявленный в мглинском реестре рубеж, который «пришол из из Гомглия Ипуть река»[34], не касается непосредственно гомельской границы, как посчитала Е. В. Русина[35], а просто констатирует факт того, что р. Ипуть впадает в р. Сож возле Гомеля. Мглинская граница начиналась от Ипути, условно, придя, от самого Гомеля. На самом деле Гомельская и Мглинская волости не имели общих границ, между ними лежали большие пространства Стародубского уезда.

Наиболее значимый документ, фиксирующий состояние Гомельского староства (волости) в середине XVI в., -так называемый «Реестр ревизии господарской Гомельской волости». Большинство исследователей безоговорочно относят его к 1560 г. и дают ему указанное название[36]. Однако в двух публикациях данного источника поставлена дата 1640 г. или 164... г. (с пропуском). Также и заголовок звучит иначе: «Опись королевской волости, принадлежащей к Гомельскому староству...» и «Инвентарь Гомельского староства»[37].

Н. Б. Шеламанова использовала «Реестр», не сомневаясь в том, что его сведения отражают состояние Гомельской волости на середину XVII в. Не случайно исследовательница посчитала мнение *Я.* Натансона-Леского ошибочным, а он заметил соответствие описания 1640 г.

С. 288). Е. В. Русина обосновывает иную датировку - 1527 г. Весь комплекс документов назван исследовательницей «Памятью» 1527 г. *(Русина О. В.* Сівєрська земля. С. 14). Сама Е. В. Русина признает, что более распространена датировка 1526-м годом. Она отвергает дату 1523 г. на том основании, что текст реестра рославльско-мстиславской границы вошел в состав литовско-московского договора 1526 г. *(Русина О. В.* Сівєрська земля. С. 18). Однако и в договоре 1522 г. присутствует идентичный фрагмент текста (СИРИО. Т. 35. № 102. С. 744-745).

[33] *Русина О. В.* Сівєрська земля. С. 21.

[34] «Пам'ять» 1527 р. С. 211.

[35] *Русина О. В.* Сіверська земля. С. 17.

[36] Возможно, первым датировал указанный документ 1560 годом Л. А. Виноградов *(Виноградов Л. А.* Гомель. С. 15).

[37] АЗР. СПб., 1853. Т. 5. № 16. С. 37-67; АВАК. Вильна, 1886. Т. 13. № 100. С.343-377.

(как он думал) гомельской границе 1537 г. и даже находил объяснение упоминанию «московской границы» в том районе, где она не могла быть в середине XVII в. (Северщина с 1618 г. вошла в состав Речи Посполитой), ее новизной[38]. На самом же деле, обращаясь к Описанию-Инвентарю 1640-х гг., замечая даже прямые указания на его составление при гомельском старосте Александре Служке (как раз то время), мы пользуемся документом, по содержанию, безусловно, относящимся к середине XVI в. Как видим, интуитивно *Я.* Натансон-Лески понимал это, но для полного убеждения следует сопоставить текст «Описи» с «Выписью из донесения ревизоров Нарушевича и Воловича», составленной в 1560 г. и описывающей владения церкви св. Спаса в Гомеле[39]. Упоминание всех лиц, угодий, владений, даже крупные фрагменты текста полностью идентичны документу, отнесенному к 1640 г. Даже о некоторых людях ведется речь в настоящем времени как в первом, так и во втором документах.

Еще одно указание на составителей, время и даже заголовок рассматриваемого документа дает «лист» короля Сигизмунда Августа, адресованный господарскому маршалку, гомельскому старосте и шерешовскому державце, пану Каленицкому Васильевичу Тишкевичу и датированный 10 январем 1566 г.[40] Из содержания письма выясняется, что «будучи у Гомъи ревизоромъ ... марьшалок нашъ, староста слонимъскии, пан Григореи Воловичъ а писарь и секретарь нашъ, державъца марковъскии и мяделскии, панъ Миколаи Нарушевичъ» ошибочно приписали к замку землю Поколюбичи (Поколюбовщину), принадлежавшую местному боярину Ивану Хоморовичу, о чем «и в реестре своемъ описали»[41]. Теперь, по приказу короля, земля Поколюбичи со всеми сеножатями возвращалась своему прежнему владельцу[42].

Дополнительные сведения о ревизорах, проводивших описание Гомельской волости, важны еще и тем, что в тексте сохранившегося Реестра и, соответственно, в его публикации есть значительные пропуски. Упоминается только ревизор Волович (Wołłowicz), маршалок, хотя сказано, что ревизия замка, города и волости («rewizyi zamku, miasta y włości») проводилась панами («przez zeszłych imć panów»)[43].

[38] *Nalanson-Leski J.* Dzieje granicy wschodniej Rzeczypospolitej. S. 135. Prz. 235.

[39] АЮЗР. СПб., 1863. Т. 1. № 142. С. 153.

[40] Мстрыка Вялікага княства Літоўскага: Кніга 44: Кніга запісаў 44 (1559-1566) / Падрыхт. А.І. Груша. Мн,, 2001. № 91. С 105-106.

[41] Там же. С. 105. В «Реестре» действительно говорится о том, что земля Поколюбицкая с сеножатями была «на фольварок замковый зоставлено» (АВАК. Т. 13. № 100. С. 375).

[42] Метрыка Вялікага княства Літоўскага: Кніга 44. С. 106.

[43] АВАК. Т. 13. № 100. С. 343-344.

Из второй публикации рассматриваемого документа становится понятно, что он является так называемым включенным актом в книгу Главного литовского трибунала (за 1752 г.). Но, что характерно, в эту высшую апелляционную инстанцию ВКЛ был подан документ именно 1640-х гг.[44], а вот в составе последнего оказался реестр 1560 г., вернее выдержка из него, судя по словам из вводной части документа («extrakt inwentarza y ograniczenia starostwa Homelskiego»[45]). Может быть, в этом причина того, что описания собственно замка и места (города) далее не обнаруживается - есть в наличии только реестр волости замка господарского Гомельского.

Можно также предположить, что Троцкого воеводу Александра Служку описание замка и места на тот момент вовсе не интересовало. Для его целей необходимы были сведения именно о гомельских землях. Дело в том, что 27 августа 1646 г. А. Служка получил от короля право на 10 лет эксплуатировать лесные ресурсы гомельских пущ[46]. Поэтому из «Реестра» 1560 г. и была сделана выписка только с описанием волости. Также можно осторожно предложить иную датировку составления этой выписи - 1646 г.

Характерно, что менее чем за 3 года до этого (2 декабря 1643 г.) тот же Александр Служка - Троцкий воевода и староста пропойский - получил такое же право на 10-летнюю эксплуатацию лесных угодий, но в Пропойском старостве[47]. В 1646 г. А. Служка назван уже гомельским старостой. Приобретя еще одну должность, он, конечно, и заинтересовался описанием подчиненной территории[48].

Полное описание Гомельского староства, осуществленное ревизорами Г. Воловичем и М. Нарушевичем, очевидно, носило название «Реестр ревизии замка, места и волости староства Гомельского»[49], однако до нас дошла лишь выдержка (extrakt) из него, описывающая «волость замку

[44] «Roku rysiąc sześćset cztyr...», далее пропуск (АВАК. Т. 13. № 100. С. 343).

[45] Там же.

[46]Буквально: на производство в течение 10 лет лесных товаров в гомельских пущах («па robienie przes dziesięć lat towarów lesnyh w Puszczach Homelskich») (НИАБ. КМФ-18. Оп. 1. Д. 119. Л. 659).

[47]НИАБ. КМФ-18.0П. 1.Д. 114. Л. 301.

[48] В. Голубович приводит ссылки на два упомянутых документа, но пишет только о пожаловании права эксплуатировать гомельские пущи и леса. При этом вопреки тексту указывается иная дата этого события - 28 февраля 1643 г. *(Галубовіч В.* Дакументы па гісторыі Рэчыцкага павета ў кнігах запісаў метрыкі Вялікага княства Літоўскага за перыяд праўлення Уладзіслава IV Вазы // Трэція Міжнародныя Доўнараўскія чытанні. Рэчыца, 14-15 всрасня 2001 г. Мн., 2002. С 251). Между тем «dnia XXVII msca sierpnia roku Pańskiego MDCXLVI» - это, безусловно, 27 августа 1646 г. (НИАБ. КМФ-18. Оп. 1. Д. 119. Л. 659).

[49] Оно угадывается во вводной части документа, изобилующей пропусками: «extrakt... rewizyi zamku, miasta y wtości... Homelskiego» (АВАК. Т. 13. № 100. С. 343).

господарского Гомельского»[50]. Поэтому сохранившийся документ был справедливо озаглавлен как «Реестр ревизии господарской Гомельской волости». Для целей данного исследования именно эта третья часть «Реестра» наиболее интересна.

Документ первоначально был написан на русском языке («po ruski»), но затем транслитерирован латинскими буквами («z ruskiego języka na polski język przetłumaczonego»)[51]. Вероятно, уже при «переводе» были искажены названия некоторых поселений. При публикации же документа неясные места в нем могли подвергнуться очередным искажениям. Во всяком случае, между вариантами текстов, изданных в 1853 и 1886 гг., имеются расхождения.

Составление описания Гомельской волости проводилось в рамках реорганизации системы землепользования и обложения крестьян в господарских Поднепровских («Русских») волостях ВКЛ (Бобруйской, Гомельской, Кричевской, Могилевской, Мозырской, Свислочской и др.)[52]. «Постановенье и поровнанье платов и пожитков» явилось более мягким аналогом аграрной реформы («померы водочной»), которая проводилась на остальной территории ВКЛ[53]. При этом осторожное отношение властей ВКЛ к традициям и нормам, устоявшимся в Поднепровских волостях, было самым тесным образом связано с их пограничным положением[54].

Реализация реформы на востоке ВКЛ была поручена слонимскому старосте пану Григорию Воловичу (получившему значительный опыт в подобном деле при ревизии господарских пущ) и господарскому секретарю, марковскому и мядельскому державце пану Миколаю Нарушевичу[55]. В течение 1560-1561 гг. они осуществили «поравнения кгрунтов» «для постановенья платов», то есть провели учет качества и количества крестьянских наделов для назначения с них платежей[56]. Составление

---

[50] Там же. С. 344.

[51] Там же.

[52] *Спірыдонаў М. Ф.* Сялянства ў перыяд усталявання паншчыны і прыгонніцтва // Гісторыя сялянства Беларусі: у 3 т. Мн., 1997. Т. 1. С. 78, 84-85.

[53] *Спиридонов М. Ф.* Закрепощение крестьянства Беларуси (XV-XVI вв.). Мн., 1993. С. 73.

[54] *Голубеў В. Ф.* Абшчына ў сацыяльным і гаспадарчым жыцці насельніцтва Горвальскай воласці Рэчыцкага павста (Паводлс інвентарных апісанняў пршай паловы-сярэдзіны XVIII ст.) // Чацвертыя Міжнародныя Доўнараўскія чытанні. Рэчыца, 18-19 верасня 2003 г.: В 2 ч. Гомель, 2004. Ч. 2. С. 64.

[55] *Пичета В. И.* Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве. М., 1958. С. 243; *Спірыдонаў М. Ф.* Сялянства ў перыяд усталявання паншчыны і прыгонніцтва. С. 78.

[56] *Пичета В. И.* Аграрная реформа Сигизмунда-Августа. С. 244; *Спірыдонаў М. Ф.* Сялянства ў перыяд усталявання паншчыны і прыгонніцтва. С. 84-85; *Голубеў В. Ф.* Сялянскае зсмлеўладанне і землскарыстаннс на Бсларусі: XVI-XVHI стст. Мн., 1992. С. 53.

инвентарных описаний (инвентарей, реестров ревизии, реестров) явилось одним из главных мероприятий проводимой реформы.

В дальнейшем контроль состояния того или иного имения и составление реестров, инвентарей, люстрации стали обыкновенным явлением. Для вспомогательных целей (локализация исчезнувших поселений, наблюдение за изменениями территориального состава и т. д.) в работе активно привлекались описания XVII-XVIII вв. как самого Гомельского старосства, так и соседних с ним административно-территориальных единиц.

Специфические источники, использованные в данном исследовании, - списки населенных мест и картографические материалы.

Списки населенных мест предоставляют данные об административно-территориальном делении рассматриваемого региона, названия существовавших на определенный момент времени населенных пунктов с указанием их местоположения и статистическими данными (количество дворов, населения и т. д.). Для изучения территории Гомельской земли применялись списки поселений Могилевской губернии (Гомельского, Рогачевского и др. уездов) с данными переписи 1897 г.[57] и Гомельского округа с данными 1926 г.[58] Населенные пункты смежного региона прослеживались по спискам населенных мест Черниговской губернии (1866 и 1924 гг.)[59]. Кроме того, помимо карт Генерального межевания конца XVIII в. использовался список населенных пунктов, взятый из экономических примечаний к ним[60].

Списки населенных мест благодаря своей специфике не пропускают ни одного поселения и создают исчерпывающую картину заселения той или иной территории. В то же время информация, отображенная на картах, бывает далеко не полной и зависит как от масштаба самой карты, так и от многих других факторов (предназначения карты, уровня знания местности и т. д.)[61]. Определенный интерес представляют карты, появляющиеся с конца XVIII в. Карты, составленные до этого времени, в большинстве характеризуются условным характером отображения местности, границ, местоположения населенных пунктов. Даже распределение населенных

[57]Список населенных мест Могилевской губернии. Могилев, 1910.

[58] Список населенных мест Гомельского округа. Гомель, 1927.

[59] Список населенных мест Российской империи: Черниговская губерния. СПб., 1866; Список населенных мест Черниговской губернии. Чернигов, 1924.

[60] Спіс населенных пунктаў усходнсбеларускіх губерняў у 1783-1785 гг. // *Анішчанка Я. К.* Гснеральнас межаванне ў Бсларусі: Дапаўненнс да кнігі "Гснсральнас межаванне ў Бсларусі". Горкі-Магілёў, 2002. С.38-120.

[61] Обзор картографических источников XVII - первой половины XIX в.: *Медушевская О. М.* Картографические источники XVII-XVIII вв. М., 1957; *Она же.* Картографические источники первой половины XIX в. М., 1959.

пунктов между административно-территориальными единицами ВКЛ иногда не соответствовует действительности. Например, Могилев и Быхов вплоть до последней четверти XVIII в. на картах причислялись к составу Мстиславского воеводства[62], хотя на самом деле эти города принадлежали к Оршанскому повету Витебского воеводства[63]. Типичной ошибкой было проведение границы России с Речью Посполитой вдоль реки Сож или чуть на восток от нее, то есть в непосредственной близости от Гомеля[64].

Масштаб карт, созданных до середины XVIII в., также оставляет желать лучшего. Только немногие карты, например Кароля Германа де Пертееса (Перти), составленные накануне разделов Речи Посполитой, очень подробно иллюстрируют области огромного государства[65].

Гомель вошел в состав Российской империи уже в результате первого раздела Речи Посполитой (1772 г.). Вскоре в новых российских владениях (в образованных Полоцком и Могилевском наместничествах[66]) стало осуществляться так называемое Генеральное межевание. Уже в 1772-1782 гг. с помощью межевой канцелярии было закартографировано и описано большое количество имений Белицкого, Климовицкого и др. поветов (округов) Могилевского наместничества (губернии)[67].

Основные мероприятия по обмежеванию Могилевского и Полоцкого наместничеств проводились в 1783-1785 гг. Смоленской межевой конторой во главе со статским советником В. С. Вакселем[68]. Ее работа выразилась в создании Генеральных планов уездов в масштабе 500 саженей в дюйме и разномасштабных Генеральных карт наместничеств[69] и представлена в фонде № 1356 Российского государственного архива древних актов.

[62] См., например: *Perthees deH.K.* Polonia secundum legitimas proiectionis stcrcographicac regulas et iuxta recentissimas observationcs adhibitis. MDCCLXX // *Madej J.* "Polonia... 1770" Karola dc Pcrthiłcsa na tle osiemnastowiecznej kartografii polskiej i krajyw ościennych. Warszawa, 1987; Carte generale de la Polognc avec tous les Etats qui en dependent dressec... par M. Rizzi Zannoni de la Societc Cosmog. dc Gottingue. [po 1772]. Skala ok. 1:4 000 000 // POLONIA. Atlas map z XVI-XVIII w. W., 2005. S. 24.

[63] *Спірыдонаў М. Ф.* Беларусь у другой паловс XVI ст. // Нацыянальны Атлас Беларуси Мн., 2002. С. 266-267; *Анішчанка Я. К.* Беларусь у другой палове XVIII ст. // Там же. С. 270-271.

[64] См., например: Magn Ducatus Lituaniae infuos Palatinatus et Districtus divisus dcliniatus a Revcr Parte Ioannc Nieprecki. Norimbcrga, 1749 // *Казлоў Л. Р.* Старажытная картаграфія Беларусі. Мн., 2005. Вып. 1. С. 24-25.

[65] *Perthees de H.K.* Polonia. Рукописная карта состоит из 48 частей размером 17,8 х 23,6 см, масштаб: 1:934 000 (*Казлоў Л. Р.* Беларусь у працах польскіх картографаў (XVI-XX ст.). Мн., 2004. С. 53, 56).

[66] Часто назывались также губерниями, а составляющие их административно-территориальные единицы - не уездами, а поветами или округами.

[67] *Анішчанка Я. К.* Генеральнае межаваннс на Беларусі. Мн., 1996. С. 12.

[68] Там же. С. 22-23.

[69] Там же. С. 63-65.

Картографические материалы Генерального межевания на протяжении долгого времени служили основой для создания новых карт. Приобретенные на западе территории были представлены в Атласе, изданном в 1792 г. и изображающем 42 наместничества Российской империи[70]. Для изучения Гомеля и его окрестностей важны Могилевское, Черниговское и Новгород-Северское наместничества (масштаб: в 1 дюйме - 8 верст). Военно-топографическая карта 1850 - 1860-х гг. (так называемая «трехверстка»)[71] также заимствовала сведения, собранные еще в конце XVIII в.

Характерно, что местные губернские чертежники не привлекались к работе над межеванием. Они готовили только обзорные карты административно-территориального деления, основных поселений и дорог[72]. Результатом их деятельности стало создание Генеральной карты Могилевской губернии с отдельными картами составляющих ее округов (всего 12, масштаб: в 1 дюйме - 5 верст (1:210 000))[73].

В Атласе, «сочиненном» подполковником Пядышевым в 1821 г. (масштаб: в 1 дюйме- 10 верст), наблюдаются уже Могилевская губерния и соседняя с ней в районе Новобелицкого уезда (в качестве местечка в него входил Гомель) Черниговская губерния[74]. (Новгород-Северский к этому времени вошел в составе последней.)

Карты Могилевской губернии, составленные во второй половине XIX в.[75], а также подробный Атлас Маркса 1910 г.[76] позволяют составить представление о структуре поселений вокруг Гомеля в дореволюционный период.

Из картографических работ советского времени особое значение имеют топографические карты (масштаба: в 1 см - 2 км), составленные Генеральным штабом Красной Армии в 1942 г. на основе 500-метровых

[70] Российской атлас, из 44 карт состоящий и на 42 наместничества империю разделяющий. СПб., 1792; *Медушевская О. М.* Картографические источники XVII-XVIII вв. С. 22.

[71] В данном исследовании использовались, например, следующие номенклатурные листы: Военно-топографическая карта. Могилевская губерния. СПб, 1850. 3 версты в дюйме. Ряд 18. Лист 9; Ряд 17. Л. 9-10; Ряд 16. Л. 10.

[72] Там же. С. 65.

[73] Атлас, состоящий из 12 окружных и 1 генеральной карты, представляющей Могилевскую губернию. Могилев, 1777. Л. 1-13.

[74] Географический атлас Российской империи, Царства Польского и Великого кн. Финляндского, расположенный по губерниям на двух языках / Соч. и грав.: 6-го Кл. Пядышсв. СПб., 1821. № 13, 21. Карты атласа были переизданы в 1824 и 1829 гг.

[75] Карта Могилевской губернии / Испр. и доп. А. Ильин. СПб., 1871. Масштаб: в 1 дюйме- 15 верст (1:630 000); Карта Могилевской губернии. СПб., 1880. Масштаб: в 1 дюйме - 20 верст (1:840 000).

[76] Большой всемирный настольный атлас Маркса / Под ред. Э. Ю. Петри и Ю. М. Шокальского. СПб., 1910. Л. 10. Масштаб: в 1 см-20 км (1:2 000 000).

и километровых карт[77]. На них отображена местность, еще не пострадавшая от военных действий. Карты, составленные Генеральным штабом по результатам топографических съемок 70-80-х гг. XX в. (масштабы: в 1 см - 1 км и в 1 см - 2 км) представляют территорию уже совсем в ином виде. Многочисленные переименования населенных пунктов, исчезновение их в связи с ростом городов, укрупнения и ликвидации колхозов и совхозов, ускорившегося процесса урбанизации сильно изменили структуру сельских поселений в районе Гомеля.

Современные географические атласы[78] и отдельные листы топографических карт часто оказываются бесполезными при работе со сведениями древних источников. Тем не менее они удобны для первоначального поиска и локализации географических объектов.

Таким образом, благодаря картам и спискам населенных мест с конца XVIII в. через каждые 10-30 лет можно проверять существование населенных пунктов, близких к Гомелю, фиксировать изменения в их названии и местоположении.

Списки населенных мест и картографические материалы выступают одним из обязательных компонентов метода локализации географических объектов, разработанного М. В. Битовым. По замыслу исследователя, необходимо прослеживать историю изучаемого поселения от первого его упоминания в источниках до момента, когда его можно обнаружить на современных картах[79]. К сожалению, ввиду частого отсутствия каких бы то ни было сведений источников, такой метод (генетико-географический) далеко не всегда может быть применим к изучаемой территории. Сам же М. В. Битов работал на новгородском материале[80], сравнительно полно отражающем географию Северной Руси.

В связи с недостаточностью сведений источников, которые позволили бы реконструировать территорию и границы Гомельской земли, а в большем масштабе - московско-литовскую границу, особое значение приобретает методика исследования.

При определении московско-литовской границы и пределов Гомельской земли можно пойти двумя путями (ориентируясь по времени). Эти два пути

[77] Генеральный штаб Красной Армии. Карты. М., 1942. Масштаб 1:200 000. Л. N-36-XXVII, N-36-XXVIII, N-36-XXXIII, N-36-XXXIV.

™ Гомельская область: Атлас. Мн., 2006. Масштаб 1:200 000.

[79] *Витое М. В.* Приемы составления карт поселений XV-XVII вв. по данным писцовых и переписных книг (на примере Шунгского погоста Обонсжской пятины) // Проблемы источниковедения. М., 1956. Вып. 5. С. 240-245.

[80] *Витое М. В.* Историко-географические очерки Заонсжья XVI-XV1I вв. М., 1962; Он же. Севернорусская топонимия XV-XVIII вв. // Вопросы языкознания. 1967. № 4. С.75-91.

(метода) обозначают способ получения результатов -двигаясь от прошлого к будущему и от будущего к прошлому.

Прежде всего, границы территориальных формирований рассматриваемого времени естественным образом реконструируется с помощью сведений, предшествовавших концу XV в. При этом учитываются изменения, связанные с присоединением новых территорий, появлением новых владений и т. д.

Вторым путем нужно идти, опираясь на сведения источников конца XVI - XVIII вв. Здесь можно использовать информацию, почерпнутую из договорных грамот, писцовых книг, посольских речей, реестров границ и других источников. Границы, определенные благодаря первому пути исследования будут значительно уточнены данными второго пути (методы ретроспекции и ретрогрессии), однако при этом нужно учитывать демографический и колонизационный факторы.

С течением времени увеличивалось количество населения, осваивались новые, пустовавшие до той поры земли, расширялись территории волостей, появлялись новые территориальные единицы. С другой стороны, бывает, что сохранившиеся источники фиксируют состояние территорий после пережитых трудных для населения времен. Поэтому нередки случаи сокращения освоенных земель, появления пустошей на месте деревень и сел. Так, акты XVII в. не могут дать сведений о пределах многих земель, запустевших после Смутного времени начала столетия[81]. Ю. В. Готье затруднялся определить для XVII в. местонахождение таких можайских станов, как Ворский, Старковский, Ренинский, Тарусицкий, Тешинов и Загорье, Зубатый и др., так как в них почти не фиксируются населенные пункты. Территории волостей оставались, но выявить их затруднительно, поэтому часть станов историк отмечает не на своих местах, известных по актам более раннего времени[82]. Гомельские земли в связи со своим пограничным положением переживали тяжелые времена на протяжении всего XVI в., а в середине XVII в. они стали полигоном казацко-крестьянской и очередной московско-литовской войны.

Отметим необходимость комбинирования еще двух путей (методов) изучения московско-литовской границы и пределов Гомельской земли (двигаясь в пространстве). Локализуемые у рубежей пункты Великого княжества Литовского или, конкретно, Гомельской земли выявляют их пределы как бы изнутри. Определяемые пограничные области соседних с

[81] *Дегтярев А. Я.* Русская деревня в XV-XVII вв: Очерки истории сельского расселения. Л., 1980. С. 125, 128-129.

[82] *Готье Ю. В.* Замосковный край в XVII в: Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М, 1937. С. 574 и карта.

ВКЛ и Гомелем поветов, уездов, волостей и т. д. (Любечский повет ВКЛ, Стародубский уезд России, Чечерская, Стрешинская и др. волости) извне подтверждают и уточняют уже намеченные границы.

На первом этапе работы с обнаруженными в источниках названиями поселений применяется обыкновенный метод лингвистического соответствия. На современной карте в районе Гомеля отыскиваются населенные пункты с тождественными или близкими по написанию названиями. В дальнейшем справедливость этого в общем-то ненадежного метода во многих случаях подтверждается генетико-географическим методом и археологическими данными.

Безусловно, для рассматриваемого времени понятие «граница» весьма условно. Под гомельской границей следует понимать предел земель, относящихся к Гомелю, причем не всегда эти пределы соприкасались с владениями соседей. Также и в целом московско-литовская граница на многих участках была условной. Характерно, что проведенная на карте граница могла и не отделять, скажем, территорию Гомельской волости от любечских земель, и между ними могли находиться пространства, никем не занятые, не освоенные и не колонизированные.

Регион Гомеля особенно ярко иллюстрирует процесс трансформации территории и границ отдельно взятой административно-территориальной единицы в связи с ее пограничным положением. Здесь шла наиболее ожесточенная борьба за утверждение своих геополитических интересов московской и литовской сторонами.

Таким образом, цель данной работы - на конкретном примере Гомельской земли показать, какие изменения происходили со сложившимися территориальными единицами в сравнительно короткое время в связи с их пограничным положением. Попутно будут решаться задачи локализации населенных пунктов, относящихся к рассматриваемому региону; реконструкции границ как межгосударственного уровня, так и внутренних, между волостями, уездами и т. д.; определения внутреннего состава Гомельской земли в разные периоды ее существования (до, в период и после московского управления); анализа московско-литовских переговоров, материал которых помогает достигнуть поставленной цели и решить некоторые задачи. Отдельный очерк посвящен истории развития московско-литовского порубежья со времени первых контактов территорий двух великих княжеств до начала XVI в., когда московские владения приблизились непосредственно к Гомельской земле.

Утверждение в первой трети XVI в. нового участка московско-литовской границы показательно тем, что он, хоть и с существенными изменениями, явился началом формирования государственных границ, которые в насто-

ящее время разделяют Республику Беларусь и Российскую Федерацию. Определенная преемственность между событиями пятисотлетней давности и современным состоянием территориального устройства белорусского государства придает актуальность избранной теме исследования.

Представленная книга написана в тяжелое для исторической науки Беларуси время и в сложных для автора условиях. Тем не менее ощущение постоянной поддержки, заботы и сочувствия коллег и родных способствовало продолжению работы. Особую признательность выражаю рецензентам за внимательное прочтение рукописи книги и замечания; - отдельно Михаилу Федоровичу Спиридонову за теплые слова и напутствие в дальнейшей работе по изучению древних белорусских земель. *Я* очень благодарен Михаилу Марковичу Крому, указания которого на недостатки книги, послужили серьезным уроком и стимулом для совершенствования работы и осмысления исторических событий и явлений. Автор осознает, что новые достижения базируются на уже сделанных наблюдениях и выводах предшественников и коллег. Отдельное спасибо Андрею Валентиновичу Кузьмину за содействие в написании и продвижении этой книги.

Глава 1.
ФОРМИРОВАНИЕ МОСКОВСКО-ЛИТОВСКОЙ ГРАНИЦЫ В XV-НАЧАЛЕ XVI в.

Прежде чем приступить к непосредственному рассмотрению конкретного участка московско-литовского порубежья в районе Гомеля, необходимо дать общий обзор истории возникновения и развития территориальных контактов Великих княжеств Московского и Литовского со второй половины XIV до начала XVI в. Тем самым станет более понятной ситуация, сложившаяся к началу XVI в., когда территориальные изменения коснулись Гомельской земли.

Московско-литовская граница сложилась в начале XV в. (точнее, между 1403-1408 гг., когда к ВКЛ были присоединены Вяземское, Смоленское и некоторые Верхнеокские княжества, непосредственно соседствовавшие с московскими владениями). Но и до этого времени между двумя государствами, проводившими активную политику собирания русских земель, возникали территориальные связи. В то время интересы обеих сторон пересекались в Ржевской земле и на некоторых территориях в районе Верхней Оки (Серенск- совместное московско-литовское владение[1], Любутск и Козельск - кратковременные московские держания) шла борьба за влияние на разделявшие оба государства княжества (Смоленское и Брянское). Еще в середине XIV в. между московскими князьями Семеном Ивановичем, а затем Иваном Ивановичем, с одной стороны, и литовским князем Ольгердом, с другой стороны, были заключены соглашения, основным содержанием которых, очевидно, было распределение сфер влияния в русских землях[2]. Уже тогда, как утверждал князь Семен Иванович Ряполовский в конце

[1]О городке Серенскс как совместном московско-литовском владении имеется уникальное известие в посольскихк нигах конца XV века. Литовские послы выразили желание восстановить ситуацию, которая существовала в середине XIV в.:«.. .как было при Олгерде; ино половина Серснска была великого князя, а половина к Литве» (СИРИО. Т. 35. № 24. С. 120).

[2] Текст их не сохранился и неизвестен. Договор Семена Ивановича с Ольгердом был заключен в 1352 г. Тогда «Князь де великий Семен Иванович, не оставя Олгордова слова,

XV в., было решено, «что при них прислухало к нашему государьству, к великому княжству [Московскому. - *В. Т.]*, и к их государьству, к великому княжству Литовскому»[3]. Литовской стороне предлагалось вернуться к ситуации полуторавековой давности и на тех условиях заключить соглашение («по тому с ним [великим князем литовским Александром. -*В. Т.]* хотим любви и докончанья и доброго пожитья»)[4]. Конечно, для московской стороны было весьма заманчиво возвратиться к тому положению, при котором Смоленск и Брянск находились в сфере ее влияния[5]. Воспоминание об уже существовавшем некогда разграничении сфер влияния между Москвой и Вильно служило обоснованием московских претензий на многие земли ВКЛ. Характерно, что эти претензии действительно имели свое основание, опору на традицию, историческую реальность XIV в., и литовская сторона не могла их отрицать.

Во второй половине XIV в. при литовских правителях Ольгерде Гедиминовиче и Ягайло Ольгердовиче был составлен ряд договоров с московским великим князем Дмитрием Ивановичем, действовавшим совместно с удельным серпуховским князем Владимиром Андреевичем Храбрым[6]. Однако в дошедшем до нас договоре (1372 г.) ничего не сказано о территориальных контактах между двумя великими княжествами. В районах верховий Волги и Оки литовские и московские владения время от времени уже приходили в соприкосновение (Ржева, Серенск), существовали также претензии обеих сторон на влияние в разделявших

мир взял, а послы отпустил с миром» (ПСРЛ. М., 2000. Т. 5. Вып. 1. Стб. 60-61). О существовании другого московско-литовского договора середины XIV в. прямо свидетельствует опись архива Посольского приказа 1627 г.: «Тетратка, а в ней писаны списки с докончальные грамоты великого князя Ивана Ивановича с великим князем Ольгердом и з братом ево со князем Ксстутьсм; да тут же против того и Ольгсрдова грамота докончалная к великому князю Ивану Ивановичу, а которого года, и того не написано» (Опись архива Посольского приказа 1626 г. М., 1977. Ч. 1. С. 33. Анализ судьбы тетрадки с 12 московско-литовскими и литовско-московскими договорами XIV в., а также уточнение даты составления описи архива Посольского приказа после пожара в мае 1626 г. см.: *Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV в.: внешнеполитические договоры. М., 2003. С. 119-120, 119. Прим. 3). Очевидно, грамота относилась к периоду между 1353-1359 гг. - в это время московским князем был Иван Иванович Красный. О распространении московского влияния в середине XIV в. на Смоленское и Черниговское княжества см.: *Флоря Б. Н.* Борьба московских князей за смоленские и черниговские земли во второй половине XIV в. // Проблемы исторической географии России. М., 1982. Вып. 1. Формирование государственной территории России. С. 65-67.

[3] СИРИО. Т. 35. № 24. С. 114-115.

[4] Там же. С. 115.

[5] *Флоря Б. Н.* Борьба московских князей... С. 61-65.

* Опись архива Посольского приказа 1626 г. С. 34-35. Сохранился только один литовско-московский договор 1372 г. (ДДГ. № 6. С. 21 -22; *Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV в. С. 119-120).

их русских княжествах и землях, однако как таковая московско-литовская граница в то время еще не сформировалась[7].

Известно о существовании договора Витовта с Василием I, заключенного 4 сентября 1407 г.[8] Содержание его сохранилось лишь во фрагментах[9], но сложилось ошибочное убеждение, отраженное в Хронике Быховца и подхваченное Н.М. Карамзиным, о прохождении с того времени московско-литовской границы вдоль р. Угры[10]. На самом деле ничто не свидетельствует о таком размежевании между Москвой и Вильней в начале XV в., тем более что даже во второй половине XV в. московские владения занимали только низовья р. Угры".

От середины и конца XV в. известны два московско-литовских договора, которые, по мысли исследователей, должны были определить пограничную линию между двумя крупнейшими государствами Восточной Европы. Но, к сожалению, за малым исключением, свидетельства о московско-литовском порубежье, как в соглашении от 31 августа 1449 г., так и в грамоте от 5 февраля 1494 г., отсутствуют. В свое время данное обстоятельство явилось предлогом для отказа от реконструкции московско-литовской границы второй половины XV в.

Так, замечательная исследовательница западной границы России XVI в. Нина Борисовна Шеламанова в предисловии к своему диссертационному исследованию писала: «Безусловно, отправной датой исследования следовало бы взять 1494 г. - год первого договора единого Российского государства с Литвой - "вечного мира" 1494 г. Однако источники не позволяют в настоящее время с необходимой точностью

---

[7] *Темушев В. Н.* Западная граница Великого княжества Московского к 1380 г. // Куликовская битва в истории России: Сб. статей. / Под ред. А. Н. Наумова. Тула, 2006. С. 82-109.

[8] Дата 4 сентября указана в самой грамоте. А. Л. Хорошксвич, нашедшая и опубликовавшая документы, сделала вывод о заключении договора именно в 1407 г. Это хорошо согласуется с летописными данными. В Воскресенской летописи сообщается, что в «Спасов день» (1,6 или 16 августа) московское войско вышло против Витовта, сожгло город Дмитровой на р. Угре и возле Вязьмы встретилось с силами Витовта. «И ту всемши псрсмйріе разыдошяся». Следом в летописи, под датой 14 сентября, идет рассказ о смерти князя Юрия Святославича Смоленского (ПСРЛ. Т. VIII. М., 2001. С. 81; *Хорошкевич А. Л.* Документы начала XV в. о русско-литовских отношениях // Культурные связи России и Польши XI-XX вв. М., 1998. С. 47, 51).

[9] *Хорошкевич А. Л.* Документы начала XV в. С. 39-47. На с. 51-52 приведена сохранившаяся часть договора 1407 г.

[10] ПСРЛ. Т. XVII. М., 2008. Стб. 520; *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. V.М., 1993. С. 106.

" *Темушев В. Н.* Река Уфа- вековой страж московско-литовской границы // Новая локальная история. Ставрополь, 2004. Вып. 2. Новая локальная история: пограничные реки и культура берегов: Материалы второй Международной Интернет-конференции. Ставрополь, 20 мая 2004 г. С. 306-307; *Он же.* Западная граница Великого княжества Московского к 1380 г. С. 96.

установить территорию западных российских областей в конце XV в. Но достаточно определенной западная граница России вырисовывается уже для начала XVI в. - по перемирию 1503 г.»[12] Исследователи территории и границ ВКЛ второй половины XV в. (на это обратила внимание Н. Б. Шеламанова) также не смогли обозначить его восточные рубежи более или менее определенно[13]. М. К. Любавский вообще не отобразил московско-литовскую границу середины и конца XV в. на карте к работе о территориальном устройстве и управлении ВКЛ[14], Я. Натансон-Лески - польский исследователь московско-литовской границы - считал, что «в настоящее время тяжело точно разграничить ее на карте»[15].

Таким образом, уже несколько поколений историков считали неразрешимой проблему реконструкции московско-литовской границы второй половины XV в. Они исходили из единого подхода - отыскать все необходимые данные в тексте самих договоров. В документах почти не найти необходимых ориентиров для точного фиксирования линии границы. Отсутствие подробной информации служило предлогом для отказа от дальнейшего исследования.

Чем же было вызвано, на первый взгляд необоснованное, молчание документов, из которых впервые можно узнать о существовании московско-литовской границы? Обычно межгосударственные соглашения богаты географической номенклатурой. В отношениях между договаривающимися сторонами требовалась точность в определении общей границы. Неопределенность, двусмысленность того или иного пункта договора могла создать в дальнейшем предлоги к территориальным претензиям, привести к обоснованию захватов, конфронтации и, наконец, войне. В этой связи содержание обоих договоров (1449 и 1494 гг.) может вызвать удивление. Присоединение к Москве в 1494 г. из состава ВКЛ Вяземского княжества должно было сопровождаться точным определением состава волостей последнего, перечислением вяземских князей, которые перешли вместе со своими вотчинами на сторону Москвы и т. д. Но этого мы не наблюдаем. Формулировка грамоты «Так же мне, великому кн(я)зю Александру, не вступатис(я) в тебе і в твоих детей у вашу отчину, в город у Вязму, і в городы, і в волости, во вси земли і воды Вяземские, что к Вязме потягло, ни кн(я)зеи мне вяземских к себе

[12] *Шеламанова Н. Б.* Образование западной части территории России. С. 6.

[13] Там же. С. 9.

[14] *Любавский М. К.* Областное деление. Вкладыш.

[15] *Natanson-LeskiJ.* Dzieje granicy wschodniej Rzeczypospolitej. Cz. 1: Granica Moskiewska w epoce Jagiellońskiej. S. 81.

не приимати»[16] выглядит крайне недостаточной. Это резко контрастирует с вышеприведенной в документе делимитацией участка ржевской границы[17]. Но так кажется только на первый взгляд. Крайняя бедность основного источника по изучению московско-литовской границы второй половины XV в. в некоторых случаях свидетельствовала об отсутствии необходимости в обозначении точной протяженности той или иной территории, которая присоединялась к Москве или оставалась у Вильны. В случае с Вязьмой все объясняется просто: весь массив Вяземского княжества целиком, без исключений перешел к Москве. Этот факт, между прочим, подтверждается в посольских речах такой фразой московских бояр, которые обращались к литовским послам: «ино Вязме всей пригож быти за нашим государем»[18]. Очевидно, что описание в договоре вяземской территории было излишним.

Таким образом, если есть убежденность в компактности присоединенной к Москве территории, мы можем привлечь к изучению границы значительно большее количество источников, чем две договорные грамоты. Целью становится определение территории и границ отдельных териториальных формирований в составе ВКЛ или Великого княжества Московского. Возможности реконструкции московско-литовской границы второй половины XV в. значительно расширяются.

Кроме того, помня о целостности московских территориальных приобретений, по грамоте 1494 г. мы можем рассуждать не только о границе, которая была установлена во время заключения договора, но и на предшествовавший период. Необходимо только отнять от московских владений ее новые приобретения. Определение западных и восточных границ одного Вяземского княжества позволяет проследить московско-литовскую границу на некотором протяжении до и после 1494 г. Однако нужно твердо знать о том, какие территории в конкретное время принадлежали Москве, а какие являлись новыми приобретениями, так как в тексте договора 1494 г. представлен сплошной перечень владений, признанных московскими.

Незнание географии региона может также привести к ошибочным выводам. Например, довольно легко можно отождествить такие рязанские населенные пункты грамоты 1494 г., как Рославль и Мстиславль, с городами с соответствующими названиями в глубине ВКЛ.

Первым договором, который определил существование московско-литовской границы и сферы влияния в Восточноевропейском регионе

[16] ДДГ. № 83. С. 330.
[17] Там же. С. 329.
[18] СИРИО. Т. 35. № 24. С. 119.

двух крупнейших государств, было «перемирье вечное» от 31 августа 1449 г., которое было заключено между великим князем московским Василием II Васильевичем и великим князем литовским и королем польским Казимиром Ягайловичем[19]. Оба великих княжества (Московское и Литовское) только-только избавились от внутренних неурядиц, утвердили единодержавие и начали укреплять свое положение на международной арене. Безусловно, одним из главных мероприятий стало установление общей границы, с одновременной попыткой определения зависимых территорий.

Договор 1449 г. можно оценивать как своеобразный рубеж, после которого экспансия двух государств на восточнославянские земли приостановилась. Однако значение договора глубже. В нем декларировалось распределение сфер влияния между двумя крупнейшими государствами Восточной Европы. Приближалось завершение процесса объединения русских земель двумя центрами. В полной мере два лидера решали судьбу еще не присоединенных к их владениям независимых государств, которым было суждено стать добычей более мощных соседей.

В 1449 г. происходил определенный перелом в отношениях между двумя государствами, когда стремление к дальнейшему увеличению территории на запад (для Великого княжества Московского) и восток (для ВКЛ) неизбежно вело к военному конфликту. До конца XV в. полномасштабных войн между ними, по существу, не велось. Локальные столкновения территориальных интересов (из-за Ржевской земли, верхнеокских земель и др.), естественно, возникали. Существовали и определенные, обоснованные традицией претензии на некоторые русские княжества и земли. Однако долгое время между Москвой и Вильней существовал значительный буфер еще нераспределенных территорий. Поэтому в отношениях господствовало стремление к союзу перед лицом общего врага - Орды. Союзные отношения были закреплены династическими браками. Некоторое время Великое княжество Московское находилось в русле политики великого князя литовского Витовта. Именно тогда Москва сдала свои позиции в Смоленске, Вязьме, Верхнеокских княжествах, фактически не вмешивалась в действия войск ВКЛ против Новгорода и Пскова. Наконец, во второй четверти XV в. внимание обоих государств было отвлечено внутренними проблемами. И вот, в 1449 г. произошли серьезные изменения политической ситуации в Восточной Европе. Два крупнейших государства упорядочили свои отношения и распределили сферы господства. В дальнейшем, как выяснилось, далеко не все усло-

---

[9]ДДГ. № 53. С. 160-163; LM. Kn. 5. №78.1. С. 131-133; № 136. С. 251-254.

вия «вечного» мира исполнялись, и прежде всего московской стороной. Связано это с многочисленными причинами, одна из которых - недостаточное внимание центральной литовской власти к восточным рубежам, пренебрежение Казимиром IV интересами ВКЛ.

Распределение зон московского и литовского влияния в Восточной Европе в некотором смысле остановило и завершило процесс объединения русских земель Москвой и Вильней. По существу, договор 1449 г. не вызвал значительных изменений московско-литовской границы, он только очертил границу, которая существовала до этого. Точно описывался только небольшой не разграниченный до того момента участок Ржевской земли.

Необходимость твердого определения границ Ржевской земли стала актуальной, вероятно, только в середине XV в. До этого времени Ржева[20] часто переходила из рук в руки между Москвой, Вильней и Тверью[21]. Кроме того, внутренние непорядки в Великих княжествах Московском и Литовском во второй четверти XV в. долго не позволяли обратить внимание на возможные пограничные вопросы. Неуверенность владения Ржевой не способствовала стремлению к заботе о ее территориальном устройстве и границах.

Как выясняется, для реконструкции всего ржевского участка московско-литовской границы фрагмент грамоты 1449 г., повторенный в 1494 г., является недостаточным. Начальный и конечный отрезки этой границы отсутствуют. Их помогают уточнить, казалось бы, второстепенные данные из посольских речей князя Тимофея Владимировича Мосальского (подробное описание захваченной вселукским наместником части соседней торопецкой волости Буец)[22], разводной грамоты великого князя Ивана III удельному Волоцкому князю Борису Васильевичу (описание рубежа ржевской волости Вселук с новгородской волостью Лопастица)[23]. Таким образом, определяется место стыка литовской, московской и новгородской границ на северо-западе московских владений, доказывается

[20] Таково тогдашнее название города Ржев, известное по источникам рассматриваемого времени.

[21] О перипетиях борьбы за Ржеву см.: *Кучкин В. А.* К изучению процесса централизации в Восточной Европе (Ржева и ее волости в XIV - XV вв.) // История СССР. 1984. № 6. С. 149-162; *Горский А. А.* Московские «примыслы» конца XIII-XV в. вне Северо-Восточной Руси // Средневековая Русь. Вып. 5. М., 2004. С. 138-143; *Темушев В. Н.* Начало складывания московско-литовской границы. Борьба за Ржевскую землю // Российские и славянские исследования: Сб. науч. статей. Мн., 2004. Вып. 1. С. 71-80.

[22] Прочитана в Москве 23 июля 1489 г., написана 30 мая того же года (СИРИО. Т. 35. № 8. С. 34).

[23] ДДГ. № 77. С. 290-293.

обособленность (до 1478 г.) Ржевской земли от основной территории Великого княжества Московского, выявляется специфика ржевской границы, которая проходила по заболоченной и лесистой местности, из-за чего даже в актах очерчивается только условно (Карта I)[24].

Вероятно, до 1449 г. западная ржевская граница не была установлена на уровне межгосударственных соглашений. Тем не менее уже до середины XV в. сложились «старые рубежи» Ржевской земли. Очевидно, официальное размежевание основывалось на традиционно существовавших представлениях о границах волостей Торопецкого повета, Вельского княжества с одной стороны и Ржевской земли (уезда) - с другой стороны. Поэтому с некоторыми оговорками обозначенную для второй половины XV в. границу можно перенести и на более раннее время. Спецификой ржевской границы оставалась ее неопределенность в связи с особенностями местности, которая не позволяла точно размежевать неосвоенные и никем не занятые земли.

Московско-литовская граница к 1494 г. получила изменения только в двух направлениях: в результате присоединения к Москве Вяземского княжества и по причине перехода на московскую службу со своими вотчинами ряда так называемых верховских князей (Воротынские, Одоевские и Белевские часть Мезецких). Больше территориальных изменений не произошло, однако также существенным было признание некоторых территорий за московским или литовским великими князьями. Отказ от претензий на влияние в Великом Новгороде, Великом Пскове, Твери, Переяславле Рязанском, уступка ряда волостей совместного литовско-новгородского управления[25] литовским правителем Москве, безусловно, имели большое значение. Сами же территориальные потери ВКЛ в первую войну с Великим княжеством Московским не были значительными, хотя бы в сравнении со следующей войной 1500-1503 гг., когда была утрачена огромная территория, которую некоторые исследователи оценивают до трети всего государства.

[24] Подробно о Ржевском участке московско-литовской границы см.: *Темушев В. Н.* Ржевский участок литовско-московской границы в конце XIV - начале XVI в. // Материалы по археологии Беларуси. № 14: Памятники эпохи железа и средневековья Беларуси. Мн., 2007. С. 241-250.

[25] По договору 1449 г. за Великим княжеством Литовским еще сохранялось определенное влияние на новгородские земли. Примерно с 1326 г. (*Янин В. Л.* Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII-XV вв. М., 1998. С. 57) существовало так называемое «черно-кунство» - территория, с которой выплачивалась дань двум сторонам - Великому княжеству Литовскому и Великому Новгороду (Пусторжевская, Луцкая земли, Холмский погост, волости Велила, Морева и др., Березовский погост). («А который волости или оброки потягнули Новгородские к Литве зъдавна, и мне, кн(я)зю Василью великому, в то не вътупатисе по давному». ДДГ. № 53. С. 162).

Территория, которую приобрела Москва, имела важное стратегическое значение. Занятие верховья р. Днепр, продвижение к верховьям рек Оки и Угры создавали плацдармы для дальнейшего наступления на земли ВКЛ. Была разрушена первая линия обороны ВКЛ, сметены со своих владений пограничные князья, которые были ориентированы на противостояние возможному московскому наступлению. Надежда на активное сопротивление вяземских и верхнеокских князей не оправдалась, и новая граница после 1494 г. оказалась под сильной угрозой. Оборонительный рубеж вдоль р. Угры в основном сохранялся, но уже не было лиц, которые были бы способны обеспечить его защиту.

Наиболее крупным и территориально целостным приобретением Москвы в 1494 г. стало Вяземское княжество, которое с 1403 г. находилось в составе ВКЛ.

Вяземское княжество 90 лет определяло восточную границу ВКЛ, причем граница эта была, вероятно, очень стабильной, так как до его захвата войсками воеводы Данилы Щени (зима 1493 г.) не известно никаких изменений. Между тем не сохранилось ни одного документа, который очерчивал окраины Вяземского княжества. Договор о «вечном» мире 1494 г., в соответствии с которым Вяземское княжество отходило к Москве, не дает представления о границах территории, которая отрывалась от ВКЛ. В этой связи интересна параллель с присоединением к Москве Смоленска. Границы его территории определялись в перемирной грамоте очень точно. И связано это с тем, что Смоленская земля не полностью переходила под московскую власть. Вяземское же княжество единым массивом было присоединено к Москве.

Таким образом, несмотря на целостность вяземских земель и долговременную устойчивость вяземских границ, определение последних - дело довольно сложное. При выявлении вяземских границ необходимо прежде всего обратиться к исследованию размещения вотчин многочисленных местных землевладельцев (собственно Вяземских, Крошинских, Бывалицких, Козловских, Жилинских, Глинских). Затем нужно уточнить границы вяземских земель путем определения соседних с вяземскими территорий княжеств и земель.

Можно высказать предположение, что наделение вяземскими землями верных великому князю литовскому людей осуществлялось целенаправленно, с рассчетом обеспечить оборону крайних восточных пределов государства. Поэтому мы и видим вотчины пана Ивана Ходкевича (волость Рогачев)[26], князей Крошинских (волости Тешинов, Сукрумна, Ольховец, Надславль,

[24] Не нужно путать хлепеньский Рогачев с одноименным белорусским городом, как эти делали в XIX в. (*Дембовецкий Л. С.* Опыт описания Могилевской губернии. Кн. 2. Могилев, 1884. С. 94).

Карта 1. Ржевский участок литовско-московской границы
во второй половине XV в.

Лела, Отъезд)[27], Глинских (волости Турье, Судилов, Шательша)[28], на самой границе с московскими Ржевской, Тверской и Можайской землями[29].

Вероятно, к 1486/87 г. (началу первой московско-литовской войны) на можайско-вяземском участке московско-литовской границы не было никаких контактов. Если между литовскими (смоленскими) и тверскими владениями шло активное взаимодействие (что отразилось в договорных грамотах)[30], то между московскими (можайскими) и литовскими землями долгое время, вероятно, попросту не было соприкосновения. Посол германского императора в Москву барон Сигизмунд Герберштейн утверждал, что «во времена Витольда владения государей московских простирались на пять-шесть миль за Можайск» («... на шесть миль не доходили до Можайска»)[31]. В то же время известные литовские владения в этом регионе (волости в районе р. Гжать, принадлежавшие князьям Крошинским) размещались на значительно более дальнем расстоянии от Можайска.

Ситуация, возможно, изменилась в 1473 г., когда Можайск неожиданно получил в удел углицкий князь, брат Ивана III Андрей Васильевич[32]. Он (а может быть, и до него удельные князья Андрей Дмитриевич Можайский ((1389-1432 гг.), Иван Андреевич (1432-1454 гг.), Юрий Васильевич Дмитровский (1462-1471 гг.)) проводил активную колонизационную политику и довольно быстро продвинулся к литовским владениям. Вероятно, вплоть до территории, непосредственно занятой подданными ВКЛ, князь Андрей не нашел сколько-нибудь полезных

---

[27] СИРИО. т. 35. С. 6.

[28] Турье - Турьев духовной грамоты Ивана III. Находился, вероятно, в районе речки Турси. Судилов - Сулидов духовной Ивана III; отождествляется с современным Судимовым. Шательша - Шатешь духовной Ивана III; современная Шатсша на р. Ворс *(Любавский М. К.* Областное деление. С. 283; ДДГ. № 89. С. 355).

[29] О крупных литовских земельных владениях на границе с Великим княжеством Московским см.: *Цемушаў В. М.* Псрыфсрыйныя княствы ў сістэмс абароны ВКЛ (Вязсмскас княства ў 15 ст.). // Канструкцыя і дэканструкцыя Вялікага княства Літоўскага: матэрыялы міжнар. навук. канф., Гродна, 23-25 крас. 2004 г. Мінск, 2007. С. 95-102; *Темушев В. Н.* К вопросу о московско-литовской границе XV в. (Владения князей Крошинских) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 3 (21). Сентябрь 2005. С. 102-103.

[30] Договор 1427 г.: ДДГ. № 23. С. 62-63; Ш. Кп. 5. № 140. С. 257. Договор 1449 г.: ДДГ. № 83. С. 329; LM. Кп. 5. № 141. С. 259; № 78.2. Р. 134. Подробно о литовско-тверской границе см.; *Темушев В. Н.* Литовско-тверская граница (проблемы интерпретации источников) // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 2. Мн., 2007. С. 135-142.

[31] *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 144.

[32] Много раз правленный список текста договорной грамоты Ивана III с князем Андреем Васильевичем первоначально не содержал никакого пожалования великого князя своему удельному брату. Но в последнем варианте грамоты появилась формулировка: «...и что яз, князь велики, пожаловал тобя...», в которой сначала было прибавление к уделу князя Андрея «Колуги», потом переправленной на Можайск (ДДГ. № 70. С. 248).

в хозяйственном плане земель. Здесь господствовали леса и болота[33]. Непосредственный контакт с территорией ВКЛ князя Андрея Васильевича не только не остановил, а, наоборот, придал энергии, так как теперь появилась возможность заселять и присоединять уже освоенные земли. Очевидно, в других частях своего удела (Углич, Бежецкий Верх, Звенигород и др.) князь не мог так активно увеличивать свои владения. Здесь же вмешательство в дела соседнего государства могло быть, во-первых, согласовано с центральными властями, а во-вторых, остаться безнаказанным со стороны администрации ВКЛ. Все, что смогли сделать князья Крошинские, на вотчину которых и был направлен интерес московского удельного князя, - это жалобы, отразившиеся в посольских речах[34]. Наступление Великого княжества Московского развивалось так быстро, что Крошинские, потеряв свои владения, успели приобрести другие (в районе р. Угры), но вскоре лишились и их (Карта 2).

Характерно, что, только продвинувшись к вяземским землям, московская сторона начала предъявлять на них претензии как на исконные можайские[35]. Ряд волостей был объявлен тянущим к Можайску, и тем самым планы захватов приобретали легитимный характер с опорой на традицию, старину. Вскоре в составе можайских мы видим волости, которые еще совсем недавно составляли массивы владений князей Крошинских, Глинских, Вяземских[36].

По-другому объясняется отсутствие в грамоте 1494 г. точного определения вотчин многочисленных верхнеокских князей, которые служили московскому или литовскому великим князьям. Каждый землевладелец хорошо знал границы своих владений, при этом центральная власть имела к ним разное отношение: от пожалования «до господарской воли» до только номинального контроля. Как бы то ни было, обозначение в договорной грамоте только имен самих князей, а то и просто перечисление титулов князей было достаточным.

Характерно, что все спорные владения, а также различные наезды, захваты, грабежи вотчин верхнеокских, вяземских и других князей были зафиксированы в посольских книгах, которые дошли до нашего времени. Владения князей Мезецких, Воротынских, Вяземских и др. по данным источника представляются довольно подробно. Однако, к сожалению, распределить владения, например между князьями Мезецкими, практически

[33] *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии. М, 1962. С. 106. 121, 346.

[34] СИРИО. Т. 35. № 1. С. 3; № 2. С. 6; № 18. С. 74.

[35] Там же. Т. 35. № 2. С. 6.

[36] О Вяземском княжестве см.: *Цемушаў В. М.* Перыфсрыйныя княствы ў сістэме абароны ВКЛ (Вяземскае княства ў 15 ст.). С. 95-102.

невозможно. А это важно для определения московско-литовской границы 1494 г. Дело в том, что Мезецкие разделились, и часть их продолжали служить великому князю литовскому, а часть - великому князю московскому. При этом сам центр их владений г. Мезецк (Мезческ, Мещовск) управлялся совместно. Очевидно, что участок границы, который проходил через мезецкие земли, не мог быть стабильным. Положение в среде Мезецких князей усложнялось тем, что часть из них находилась в московском плену (князья Семен Романович и Петр Федорович). В соответствии с договором 1494 г. московский великий князь обязался отпустить в Мезецк «на их отчину» упомянутых князей, а сами они получили право решать, кому будут служить[37].

Таким образом, весь массив вотчин Мезецких князей необходимо обозначать на карте в качестве совместных владений Великих княжеств Московского и Литовского. Граница в районе Мезецка самим договором не была определена.

Распространение московской власти на верховья Оки во многом зависело от позиции местных землевладельцев[38]. Даже военный захват не гарантировал присоединения территории к Москве. Так, московские походы 1492-1493 гг. затронули такие города, как Любутск, Мценск, Мезецк, Серпейск, Мосальск, Опаков. Большинство из них, за исключением Мезецка и Серпейска, было сожжено. Однако ни один из князей Мосальских не перешел на службу к великому князю московскому[39], а три других сожженных города (Любутск, Мценск, Опаков) не принадлежали удельным князьям, а управлялись великокняжескими наместниками или частными владельцами. Присоединения их к Москве в 1494 г. не произошло. У Опакова была занята только часть территории его волости, которая заходила на левый берег р. Угры[40]. Таким образом, выравнивался участок границы, естественным обозначением которой именно теперь на более значительном расстоянии служила р. Угра.

Как видим, те территории, в которых московская власть не имела достаточно твердой опоры, оставлялись, возможно временно, с дальнейшим расчетом, за ВКЛ. Так, даже Любутск, окруженный теперь со всех

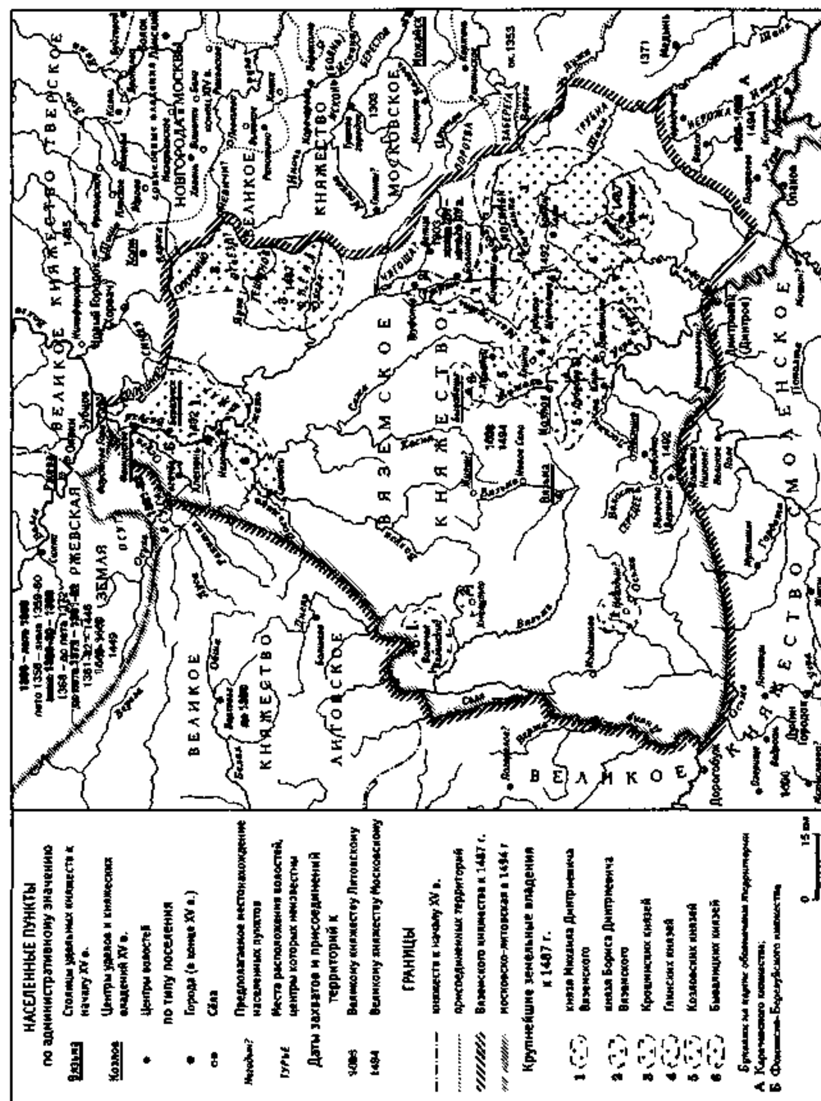
---

[37]ДДГ.№83. С. 330.

[38] *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. С. 91-92.

[39] Мосальскис князья по статусу находились ниже удельных князей и представляли собой обычных вотчинников на положении служилого провинциального боярства. *Бычкова М. Е.* Состав класса феодалов России в XVI в. С. 47, 50; *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. С. 18, 50-54, 84.

[40] В грамоте 1494 г. говорится о том, что за Великим княжеством Литовским остался Опаков по Угру (ДДГ. № 83. С. 330). Значит, можно сделать вывод о том, что у города была территория и за Угрой, которая теперь отходила к Москве.

Карта 2. Вяземское княжество в XV в.

сторон московскими владениями и оказавшийся, таким образом, эксклавом (владением одного государства, со всех сторон окруженным территорией другого государства), был признан отчиной великого князя литовского Александра[41].

С другой стороны, переход на московскую службу того или иного пограничного князя не гарантировал распространения новой власти на все его владения. Воротынские князья, которые владели огромным массивом земель вдоль течения р. Угры, после перехода на сторону Москвы практически все потеряли, даже несмотря на то, что эти земли являлись их вотчинными владениями. Вообще же в обороне границ государства на князей Воротынских правительство ВКЛ, очевидно, делало определенную ставку, которая в итоге не оправдалась.

Новосильские князья (а прежде всех Воротынские князья, как старшие в роде) заняли среди литовской аристократии привилегированное положение. Об этом свидетельствуют их участие в Луцком и Трокском съездах, намечавших коронацию Витовта, династические связи со значительнейшими литовскими княжескими родами. Литовские правители стремились превратить Воротынских князей в своих надежных вассалов. Не случайными поэтому выглядят многочисленные земельные пожалования князьям Воротынским, которые давали Казимир IV и Александр Казимирович, «чинячи их собе слугами»[42]. Характерна география этих пожалований - территории, примыкающие к рекам Оке и Угре, и смоленские земли. Владения князей Воротынских заняли практически все течение реки Угры (не только напротив московской территории). Лишь в нескольких местах (в районе Лучина-городка, Нижней Волсты, Опакова) эти владения переходили на левую сторону Угры. Вообще новая отчина князей Воротынских была значительно большей, чем их старое родовое владение вокруг города Воротынска.

Наиболее интегрирован во внутреннюю жизнь ВКЛ был князь Федор Львович Новосильский и Одоевский. Он был женат на дочери литовского князя Корибута (Дмитрия) Ольгердовича Марии, внучке Ольгерда. 20 февраля 1442 г. заключил договор с великим князем литовским Казимиром от имени всех удельных князей Новосильских, являясь старшим в своем роде[43]. С 1448 г. именовался по своему владению князем Воротынским[44]. В 1448 г. князь Федор явился посредником своего зятя можайского князя Ивана Андреевича в обращении последнего к великому

[41] ДДГ. №. 83. С. 330.
[42] СИРИО. Т. 35. № 24. С. 115.
[43] АЗР. СПб., 1846. Т. 1. 1340-1506. № 41. С. 55-56.
[44] Там же. №48. С. 61.

князю литовскому Казимиру с просьбой способствовать занятию московского престола[45]. В феврале 1447 г. кн. Ф. Л. Воротынскому было пожаловано несколько волостей «у Смоленской державе» (Городечна, Сколуговичи, Ужеперед, Ковылна, Демена с Снопотцом), а также Немчиновский двор в Смоленске в отчину[46]. Демена князю Федору Воротынскому подтверждалась в 1448 г.[47] В том же году князь Федор стал наместником в Козельске[48]. 28 марта 1455 г. отчинные владения князя Федора Воротынского становились таковыми и для его детей («дали есмо ему у вотчину и его детемъ»)[49]. К уже упоминавшимся волостям добавились Краишина («по обе стороне Высы реки»), Кцинь, Озереск, Перемышль, Логинеск[50]. Последним пожалованием князю Федору стала волость Лучин, полученная, «коли царь былъ на Угре», т.е. в 1480 г.[51] Волости первого пожалования (1447 г.) с Лучиным и появившиеся позже вместе с подтверждаемыми (1455 г.) разбиваются на два довольно далеко отстоящих друг от друга массива земель. Волости Городечна, Ужеперед, Ковылна, Демяна, Снопот, Лучин располагались у самого верховья реки Угры, в то время как Крайшина, Кцинь, Озереск, Перемышль и, вероятно, Логинеск примыкали непосредственно к Воротынску и вместе с находившимся южнее их Козельском (в котором наместником был также князь Воротынский) составляли единое целое в низовьях Угры. Очевидно, добавление к владениям князей Воротынских смежных с ними, только в 1455 г. захваченных земель свидетельствовало в достаточной мере о доверии со стороны великокняжеской власти в отношении к своему вассалу, о чем и было заявлено жалованной подтвердительной грамоте: «а узревши его верную службу к нам то учинили»[52].

Постепенно пространство между верховьем и устьем реки Угры заполнялось новыми владениями князей Воротынских. После смерти князя Федора Воротынского (между 1480-1492 гг.) его сын Семен получил от Казимира IV волость Мощин в среднем течении реки Угры[53]. Всего же до отъезда в Москву (1492 г.) князь Семен Федорович в своих руках сконцентрировал практически все течение реки Угры (в основном ее правобережную сторону). Ему принадлежали города Мосальск с

[45] ДДГ. № 50. С. 149-150.
[46] LM. Кп. 3 (1440-1498). V., 1998. P. 37.
[47] Там же.
[48] АЗР. Т. 1.№48. С. 61.
[49] Там же. № 57. С. 70; LM. V, 1998. Кп. 3 (1440-1498). P. 39.
[50] Там же.
[51] СИРИО. Т. 35. С. 136.
[52] АЗР. Т. 1. № 57. С. 70; LM. Кп. 3. P. 39.
[53] СИРИО. Т. 35. № 24. С. 136.

волостями Путогиным и Недоходовым, Серпейск с волостями, Бышковичи с волостями по Угру, Залидов с волостями по Угру, Опаков с волостями по Угру, Городечна с волостями, Лучин с волостями[54]. Кроме того князь Семен держал волости смоленского владыки (Любунь, Ближевичи, Печки)[55]. Мосальск с волостями незадолго до того был отчиной князя Тимофея Владимировича Мосальского[56].

Владения других князей Воротынских были поскромнее. Дмитрий Федорович держал волости Фоминичи, Погостищи, Лугань, Местилов, Куинь (Кцинь?), Хостци, Орень, Борятин[57]. Эти волости были разбросаны между реками Болвой (приток Десны) и Окой и тянули к Смоленску, Мезецку и Козельску. Последний был дан в держание князю Дмитрию Воротынскому 12 марта 1488 г.[58] Князю Ивану Михайловичу Воротынскому (еще в 1487 г. перешедшему на сторону Москвы) принадлежали волости Тарбеев, Олопов и Озереск[59]. Все три волости считались перемышльскими и находились юго-западнее Перемышля. Очевидно, всеми ими владел еще князь Федор Львович Воротынский (Карта 3).

Длинная полоса владений князей Воротынских, протянувшаяся вдоль правого берега реки Угры, представляла собой первую линию обороны ВКЛ против Российского государства. Правительство ВКЛ сделало ставку в данном регионе именно на князей Воротынских, хотя уже до них территории, примыкающие к реке Угре, отдавались во владение литовского князя Михаила Евнутьевича Жеславского (Опаков, Бышковичи и др.)[60]. Примерно только на четверть течения реки Угры распространялась московско-литовская граница, однако все течение реки Угры превращалось в оборонительный рубеж ВКЛ. Таким образом, даже после потери части владений (например, Вяземского княжества) река Угра могла продолжать выполнять функцию оборонительной линии на подступах к центральным землям ВКЛ.

События войны 1486-1494 гг. показали, что расчет на укрепление границы в районе реки Угры был правильным. Походы с московской стороны на Мезецк, Недоходов, Меск, Бышковичи, Лычино (1487 г.) следовали, очевидно, через реку Угру. Воротынск в 1489 г. выдержал осаду

[54] *Шеков А. В.* Всрховские княжества (Краткий очерк политической истории. XIII - середина XVI вв.). Тула, 1993. С. 41-42,46.

[55] СИРИО. Т. 35. № 24. С. 136.

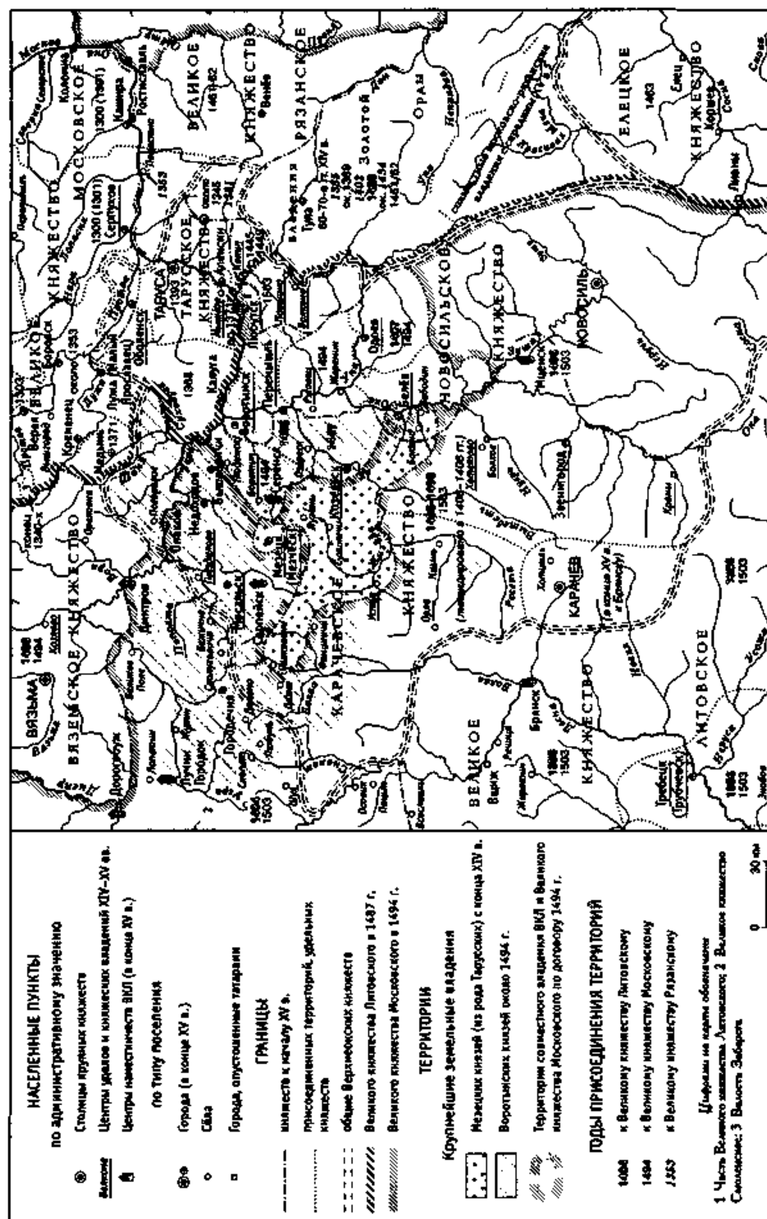
[56] Там же. № 1. С. 3; № 6. С. 20; № 8. С. 36.

[57] Там же. № 24. С. 136, 137.

[58] *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. С. 78-79.

[59] СИРИО. Т. 35. С. 136.

[60] *Русина О. В.* Сіверська земля. С. 107.

Карта 3. Верхнеокские княжества в XV - начале XVI в.

11 московских воевод[61], лересекших, вероятнеее всего, реку Угру, а не два раза Оку. Сами Воротынские князья из-за Угры совершали нападения на соседние медынские волости[62]. На втором этапе войны (1492-1494 гг.), когда в боевых действиях наряду с войсками местных князей были использованы великокняжеские силы, борьба шла за основные центры, укреплявшие литовскую границу в районе Угры (Серпейск, Мезецк, Опаков, Мосальск). В итоге территория правобережья Угры на участке московско-литовской границы контролировалась войсками Ивана III, но по условиям договора 1494 г. все пункты в этом регионе возвращались ВКЛ[63]. Московская сторона не могла быть уверена в прочности своих позиций в правобережье Угры, тем более что многие местные князья остались верны великому князю литовскому[64]. Таким образом, московско-литовская граница по реке Угре почти на всем своем протяжении (кроме маленького района, принадлежавшего Воротынску) сохранялась. Более того, она продлевалась за счет вяземских земель и левобережной части волости Опаков, отошедших к Москве. Московско-литовская граница по реке Угре после 1494 г. выросла вдвое.

Создание заслона из владений Воротынских стояло в одном ряду с целым рядом мероприятий по укреплению восточной границы ВКЛ. Учреждение ряда наместничеств в центре владений верховских князей (Мценск, Любутск и др.) в качестве своеобразных форпостов литовской власти преследовало цель своеобразного цементирования территорий не всегда надежных вассалов. По словам М. К. Любавского: «Литовское правительство держало свои гарнизоны в этих городах частью для более успешной обороны границ, частью для удержания в повиновении подручных «верховских» князей»[65]. Сохранение в некоторой степени самостоятельных, по сути буферных, территориальных образований позволяло без вмешательства центральных властей, местными силами решать пограничные конфликты. Наконец, все пограничные княжества и земли были подчинены в военно-административном отношении Смоленску, образуя отдельный военный округ во главе со смоленским наместником[66]. Все местные князья со своими людьми составляли смоленское ополчение. И, что характерно, даже города, до этого не относившиеся к Смоленскому княжеству (ликвидированному в 1404 г.), стали называться смоленскими «пригородами».

[61] СИРИО. Т. 35. № 8. С. 35.
[62] Там же. № 8. С. 39.
[63] ДДГ.№. 83. С.ЗЗО.
[64] *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. С. 91-92.
[65] *Любавский М. К.* Областное деление. С. 51-52.
[66] Там же. С. 286-287.

В числе таких пригородов стали фигурировать и города, расположенные вдоль реки Угры (Бышковичи, Залидов, Опаков, Городечна, Лучин)[67].

Но, в общем, отношения центральной власти ВКЛ с периферией были построены на довольно непрочной основе. Ряд привилегий, сохранявшихся и вновь появлявшихся у пограничных князей, оставлял возможность отказа от службы великому князю литовскому (послать великому князю литовскому «отказ» или «целование королю с себя сложить») и перехода на службу к соседнему государю вместе со своими вотчинными владениями. Князья Одоевские, Воротынские, Мезецкие и др. беспрепятственно перешли на московскую сторону вместе со своими владениями. Более того, уходившие князья оказывали давление на своих родственников и, бывало, занимали их и чужие владения. Так, в декабре 1489 г. князь Дмитрий Федорович Воротынский «бил челом» в службу великому князю московскому со своей и своего брата Семена отчинами (города Серенск, Бышковичи, волости Лычино и Недоходов)[68]. В 1492 г. князь Семен Федорович Воротынский по пути в Москву захватил города Серпейск и Мезецк, занял волости Великое поле (принадлежала Яну Гаштольду и тянула к Дорогобужу, а не Вязьме, как указал М. К. Любавский[69]), Верхнюю Волсту (вотчину князя Василия Дерличина), Слободку и Мощиновичи (князей Афанасьевичей, но известно, что «селцо Мошенское» принадлежало князю Сеньку Глинскому[70]), Середее (отчина князей Жолтых)[71]. Вяземские волости Верхняя Волста, Слободка, Мощиновичи и, вероятно, Середее, находились поблизости друг от друга в среднем течении реки Угры и составляли, видимо, единый массив земель. Огромные пространства с обеих сторон реки Угры, таким образом, были отданы под власть великого князя московского.

Однако, несмотря на то что земли вдоль реки Угры были пожалованы князьям Воротынским в вотчину, они, как и захваченные территории с левой стороны Угры (кроме входящих в состав Вяземского княжества), не были закреплены за Москвой по мирному договору Ивана III с Александром Казимировичем от 5 февраля 1494 г. Князья Новосильские, Одоевские, Воротынские, Перемышльские, Белевские объявлялись в стороне Ивана III и его детей «и з своими отчизнами, к вашему великому княжству»[72], но «...ни в Лучин, ни в Масалескъ, ни в Дмитровъ, ни в Жулин, ни в Лычино, так жо і в Залидов, і в Бышковичи, і во Іваков по

[67] СИРИО. Т. 35. С. 118; *Любавский М. К.* Областное деление. С. 280.
[68] СИРИО. Т. 35. № 12. С. 47-48.
[69] *Любавский М. К.* Областное деление. С. 283.
[70] LM. Кл. 3. Р. 47.
[71] ПСРЛ. Т. 28. М; Л., 1963. С. 157; СИРИО. Т. 35. № 24. С. 137.
[72] ДДГ.№. 83. С. 330.

Вгруни» Иван III обязался «не вступатися ничим, і блюсти, и не обидети, ни под(ъ)искивати подо мною всее моей отчины, великих княжствъ»[73]. Таким образом, князья Воротынские лишались всех своих владений и захватов вдоль реки Угры. Московско-литовская граница по реке Угре оставалась незыблемой. Но защищать ее было практически некому. Литовское правительство не рискнуло раздавать земли вдоль реки Угры, потерянные Воротынскими, снова в вотчину. Вдоль новой московско-литовской границы появились наместники: Ивашка Сопежич (с 1495 г. держал Дмитров «до живота»), Василий Сопежич (в 1494 г. - владел Опаковом, в 1496 г. получил два села пустых в Мощине). «До воли» великого князя литовского держал волость Городечну князь Федор Федорович Мезецкий[74]. В то же время бывшие хозяева волостей за р. Угрой, вероятно, стремились возвратить свои былые владения. Так, князь Семен Воротынский «засел» Бышковичи, Лычино, Вежичну, «взял» к Воротынску четыре залидовских села[75].

Таким образом, границы, которые были определены договором 1494 г., не приобрели стабильный характер, они только закрепили промежуточные результаты продвижения московской власти, которая почти беспрепят-ственно распространялась на земли ВКЛ. По мысли Н. Б. Шеламановой, опиравшейся на мнения Я. Натансона-Леского и К. В. Базилевича: «"Вечный мир" 1494 г. не только не разрешил территориального спора России и Литвы, но... еще более его обострил, так как к стремлениям России объединить земли Древней Руси прибавились еще обострившиеся споры верховских князей за свои вотчины, разделенные между Россией и Литвой. Иван III воспользовался и дальше этими спорами в своей объединительной политике»[76].

И вот, в 1500 г. московско-литовская граница на всем своем протяжении попросту исчезла. На службу в Москву со своими вотчинами (хоть это и было запрещено договором 1494 г.) потянулись бельский князь Семен Иванович, оставшиеся верховские князья (Мосальские, Мезецкие), северские князья (Семен Иванович Можайский и Василий Иванович Шемячич и др.)[77]. Возможно, не все делали это добровольно. Но в условиях войны 1500-1503 гг. московская сторона, безусловно, доминировала.

Масштаб боевых действий в московско-литовской войне 1500-1503 гг. был настолько велик, что затронул все протяжение границы между двумя государствами. В результате войны вся восточная граница ВКЛ изменилась.

[75]ДДГ.№. 83. С. 330.
[74] *Любавский М. К.* Областное деление. С. 278.
[75] СИРИО. Т. 35. № 28. С. 152.
[76] *Шеламанова Н. Б.* Образование западной части территории России. С. 4-10.
[77] ПСРЛ. Т. 12. М., 2000. С. 252.

Великий князь литовский Александр вынужден был уступить значительные территории, которые более чем полтора столетия входили в состав ВКЛ. Московско-литовская граница по договору о шестилетнем перемирии 1503 г. приобретала на всем протяжении новые черты, причем не всегда твердо установленные. Уже в ходе переговоров перед заключением перемирия, в процессе делимитации границы, происходила передача с московской стороны ряда волостей ВКЛ; граница выравнивалась и приобретала более устойчивый характер. В 1508 г. снова произошло усовершенствование границы, в результате чего был не только ликвидирован выступ в глубину Смоленской земли со стороны новых московских владений, но и переданы литовской стороне очень важные для нее в стратегическом плане территории (по обеим сторонам р. Днепр в районе Любеча).

Вопрос о площади потерянной в результате войны 1500-1503 гг. ВКЛ территории нужно считать дискуссионным. Эта территория складывалась из следующих частей: 1) не разделенных между Москвой и Вильной владений Мезецких князей; 2) территорий, лишь номинально принадлежавших ВКЛ, а фактически являвшихся владениями Большой Орды и Крымского ханства, периодически использовавшиеся в качестве кочевий (Поле);
3) земель, захваченных Москвой еще до начала войны (Пуповичи и др.);
4) владений северских и прочих князей, перешедших добровольно или под давлением на сторону Москвы и 5) господарских наместничеств.

Таким образом, не следует преувеличивать масштаб территориальных потерь ВКЛ, как минимум треть которых к началу 1500 г. ему фактически не принадлежала. Кроме того, несмотря на значительность площади, утраты представляли собой регион с низкой плотностью населения, по экономическому развитию отстававший от центральных областей ВКЛ и к тому же находившийся частично во владении удельных князей. Однако следует признать, что стратегически потери ВКЛ были весьма ощутимы. Для Великого княжества Московского открывались широкие возможности военных действий непосредственно на основной территории ВКЛ, нависла угроза над основным стратегическим, военным и экономическим центром региона - Смоленском. Кроме того, на короткое время Москва захватила ключевые пункты на реках Сож и Днепр (соответственно Гомель и Любеч), позволявшие контролировать жизнедеятельность ВКЛ на значительном пространстве и открывавших перспективу для укрепления московского господства на территории не только к востоку, но и к западу от Днепра.

Территории, захваченные московскими войсками в 1500-1503 гг., были значительно больше тех, которые в итоге были признаны за Москвой по договору 1503 г. В силу определенных причин в два этапа (в ходе перего-

воров 1503 г. и по договору 1508 г.) некоторые земли вернулись в состав ВКЛ. Прежде всего, на смоленском направлении выравнивалась граница путем возврата Литве тех волостей, в которых московская власть не могла на тот момент закрепиться. Официально московский великий князь «поступался» рядом волостей «для первого свойства со государемъ съ вашимъ»[78]. Были возвращены (или по крайней мере заявлены как возвращенные) ВКЛ такие древние смоленские волости, как Ельна, Руда, Щучья, Ветлица, а также чрезвычайно важные в стратегическом плане витебские волости Свято и Озерище.

Договорная грамота 1503 г. о шестилетнем перемирии имеет как будто совсем иной характер, чем договор 1494 г. В ней точно и последовательно обозначаются пограничные пункты с обеих сторон. При перечислении, например, полоцких волостей, называются только те из них, которые находились на пограничье и на которые могла претендовать противоположная сторона. Таким образом, реконструкция московско-литовской границы 1503 г. не представляется сложной. Большинство волостей локализировано исследователями, граница более или менее точно нанесена на карту. Однако наблюдений за динамикой территориальных присоединений к Москве не сделано, так же как не рассмотрена эволюция административно-территориального деления в Великом княжестве Московском в связи с новыми земельными приобретениями.

Для договора 1503 г. также отчасти присущи определенная неразбериха и умолчания. Так, ряд волостей князей Крошинских (Залоконье, Волста [Нижняя], Клыпино, Нездилово, Чарпа, Головичи), очевидно, был присоединен к Москве в ходе военных действий 1500-1503 гг. Однако в договоре ни одна из волостей князей Крошинских не упомянута. Причиной этому являлся, видимо, тот факт, что указанные волости уже не были пограничными (находились в верховье и среднем течении р. Угры), а грамота преимущественно фиксировала волости, которые маркировали новую московско-литовскую границу в рамках процесса делимитации. Кроме того, некоторые пограничные волости могли попросту выпасть из внимания составителей договора, что в дальнейшем стало предлогом для новых территориальных претензий со стороны Москвы.

Тем не менее в договоре 1503 г. впервые с большой точностью была обозначена московско-литовская граница. Однако сам текст грамоты 1503 г. не нужно воспринимать как новое явление. Так, в грамотах 1449 и 1494 гг.

[78] СИРИО. Т. 35. № 75. С. 396.

тоже был обозначен участок границы, который до этого времени попросту не существовал, не был определен (район Ржевской земли). А к 1503 г. сложилась новая граница почти на всем протяжении соприкосновения московских и литовских владений. Ни одна территориальная единица, оказавшаяся на пограничье, не была целиком присоединена к Москве. Отсюда необходимость подробного обозначения новой границы, которая прошла сквозь исстари существовавшие, исторически сформировавшиеся устойчивые регионы.

Правда, один, и довольно значительный, отрезок новой московско-литовской границы в грамоте 1503 г. остался без освещения. Территория на восток от Днепра, между городами Киев, Черкассы с литовской стороны и Чернигов, Новгород-Северский, Путивль с московской, осталась неразграниченной. В дальнейшем обозначенный регион стал местом длительного пограничного конфликта, и в результате именно там сформировалась этническая граница между русским и украинским народами. На момент же составления грамоты большая часть региона только формально входила в состав ВКЛ, а потом Великого княжества Московского и являлась частью Поля - слабо освоенного и не возделанного пространства, места татарских кочевий.

Для договора 1503 г. характерно перечисление волостей сразу для нескольких городов вместе, что может свидетельствовать о том, что новая власть нарушила устоявшееся административное деление ВКЛ, при этом в рамках Великого княжества Московского нового деления еще не сложилось. Целый список волостей придан к городам Чернигову, Стародубу, Путивлю, Рыльску, Новгороду-Северскому, Гомелю, Любечу, Почепу, Трубецку, Радогощу, Брянску. Отдельно перечислены волости, принадлежащие Мценску, Любутску, Серпейску, Мосальску.

Из тех волостей, что закреплялись за Москвой, был искусственно сформирован Дорогобужский уезд[79]. В его составе оказалось 28 волостей (!), отнятых в основном у Смоленска.

Также ряд волостей был отколот от своих исторически сложившихся центров, но не был причислен к соседним, уже московским. Поэтому некоторым волостным центрам было придано значение городов, а к ним, соответственно, были приписаны волости. Так, полоцкие волости Березай, Невель, Усвая, Ловец, Веснеболого были присоединены к выделенному из состава полоцких же волостей Острею (Острию)[80].

[79] Дорогобуж уже имел историю обособленного существования в качестве удела в составе ВКЛ. После 1440 г. город был пожалован великим князем Казимиром на правах вотчины Троцкому воеводе Яну Гаштольду (LM. Кп. 3. С. 46).

[80] СИРИО. Т. 35. № 75. С. 400.

Таким образом, в грамоте 1503 г. мы наблюдаем слом сложившегося административного деления ВКЛ и первые попытки создания новых административно-территориальных единиц в составе Великого княжества Московского (с центрами в Дорогобуже и Острие). Однако складывание нового устройства в недавно присоединенных землях только начиналось.

Дипломатическую борьбу, подкрепленную до этого военными действиями, за территории к западу от московско-литовской границы 1494 г. хорошо характеризует предлагаемая ниже таблица (Таб. 1). В ней в первой колонке перечислены волости, список которых представили литовские послы московским боярам. Согласно этому списку можно реконструировать административно-территориальное деление восточной части ВКЛ накануне войны 1500-1503 гг. Во второй колонке обозначены те волости, которые были признаны московской стороной принадлежащими ВКЛ. Рядом, в третьей колонке, дается информация о том, к какому административному центру были прикреплены приобретенные Москвой волости или кто конкретно ими завладел. В основном это мотивация их принадлежности к некоторым иным (не оставшимся за ВКЛ) центрам, отходящим к Москве. Наконец, в 4-й и 5-й колонках отражены результаты переговоров, включенные в условия договора о перемирии 1503 г. При этом в 5-й колонке, где фигурируют волости, закрепленные за Москвой, обозначена и их новая административная принадлежность. В таблице не указаны волости (Елна, Ветлица, Руда, Щучья, Свято, Озерище), которые Иван III уступил литовской стороне.

Табл. 1. Московско-литовское порубежье в начале XVI в.

Литовская сторона	**Московская сторона**	**Админ истартивная принадлежность в ВКМ**	**К ВКЛ по договору 1503 г.**	**К ВКМ по договору 1503 г.**
1	2	3	4	5
Смоленские волости				
Раславль	Рославль		Рославль	
Пацин		к Брянску		Панин
Святславль		Всеславль к Брянску		Всеславль
Вороночь		к Брянску		Вороничь (Воронина)
Лазаре во Городищо		целовали кн. И.Воротынскому		Лазарево Городище
Пруды	Пруды		Пруды	
Елная		к Дорогобужу	Елна(Ельна)	
Велик	Велик		Велик	

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5
Ужица				
Нежода	Нежеда	к Дорогобужу	Нежода	
				Нежелскис (к Дорогобу-жу)
Иванково	Иван ко		Иванково	
Прость		к Дорогобужу		Прость (к Дорогобужу)
Церковная волос-тка Пречистой Богоматери вла-дычня (Смоленс-кой епархии)				
Сверковы Луки		к Дорогобужу		Сверковы Луки (Свед-ковы Луки) (к Дорогобужу)
Ветлицкая		Ветлица, засел кн. С. Белской	Ветлица	
Буй-городок				Буй-город
Свадито	Свадито		Свадито	
Новоселье	Новоселье		Новоселье	
Монастыря Тро-ецкого волостка				
Ратщино	Радчино		Радшин (Ратщино)	
Жереспер	Жереспер		Жереспер	
Рудская		Руда, засел кн. С. Белской	Руда	
Щучья		засел кн. С. Белской	Щучья	
Ржавсск				
Поречье	Поречье		Поречье	
	Осовик			Осовик
	Шуя			Шуя
			Мушковичи	
Витебские во-лости				
Брус	Брус		Брус	
Дречьи Луки	Дречьи Луки		Дричьи Луки (Дречьи Луки)	
Велиж				Велижское (к Торопцу)
Усвят			Свято	
Озерища			Озрище	Озерище (к Дорогобужу)
Плавеец				Плавсецкое (к Торопцу)
Жижец				Жижецкое (к Торопцу)

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5
Озерца				Озерское (к Торопцу)
Полоцкие волости				
Замошье	Замошье		Замошье (Замошенье)	
Боровляне				
Мошники	Мошники		Мошники (Мошниково)	
Дрыса	Дрыса		Дрыса	
Освие	Освичьс		Освиа (Освис)	
Нещердо	Нещорда		Нещорда (Нещедра)	
Лисновяз	Листвина		Лисно	
Коротас				
Вязмо	Вязмо		Вязмо	
Клинно	Клино		Клино	
Ситняне	Ситняне		Ситняне	
Озерища				
Кубок	Кубок		Кубок	
Веснебологo				Веснебологo (к Острию)
Нспоротовичи	Нспоротовичи		Нспоротовичи	
Вербилова слобода	Вербилова слобода		Вербилова слобода	
	Себеж		Себеж	
			Остняны	
			Лисна	

Как видим, масштаб московского завоевания значительно превышал в итоге закрепленные за Москвой территории. Однако часть волостей была возвращена в состав ВКЛ. Этот возврат без опоры на карту может показаться естественным, связанным со стремлением сгладить границы или невозможностью укрепиться в ряде волостей. Однако, как выясняется, именно передача обратно ВКЛ перечисленных выше волостей как раз-таки и создавала два выступа в глубь территории ВКЛ (волость Буйгород) и Великого княжества Московского (Свято, Озерище). Для возврата ВКЛ части уже захваченной территории должны были быть серьезные причины. Очевидно, в некоторых волостях московская власть встретила активное сопротивление местного населения и литовских войск, в результате чего признала свою неспособность в них закрепиться. Это были волости, прочно интегрированные в состав ВКЛ, из внутренних пределов государства. Характерно, что даже после московско-литовской войны 1507-1508 гг.,

«вечный мир» 1508 г. закреплял за ВКЛ территории, выравнивавшие границу не в пользу Москвы (волость Буйгород), хотя войска последней снова захватили те смоленские волости, которые уже были возвращены в 1503 г. Таким образом, определяется регион, в котором за короткий срок была сформирована новая линия обороны ВКЛ, довольно долгое время противостоявшая московскому натиску.

Только в 1514 г., со взятием Смоленска, московско-литовская граница отодвинулась дальше на запад, что вынудило власти ВКЛ искать новые возможности для создания линии обороны от мощного соседа. В результате перемирия 1522 г. московско-литовская граница приобрела стабильный характер, а с 1537 г. (после возвращения великому князю литовскому Гомеля и передачи Москве Себежа) законченный вид. Рассмотрению трансформации московско-литовской границы в районе Гомеля и будет посвящена основная часть представленной работы.

Глава 2.
ГОМЕЛЬСКАЯ ВОЛОСТЬ В КОНЦЕ XV в.

Прежде всего, необходимо обратить внимание на те упоминания населенных пунктов, относящихся к Гомелю, которые относятся ко времени, предшествующему присоединению города к Великому княжеству Московскому (1500 г.). В этом случае есть возможность выделить ту часть исконно гомельских поселений, которые составляли территорию Гомельской волости до ее существенного изменения, произошедшего в связи с формированием под московской властью новой административно-территориальной системы.

До XV в. в источниках не было упомянуто ни одного населенного пункта Гомельской земли, хотя уже из летописной статьи 1142 г. становится известно, что окрестности Гомеля были плотно заселены. В тот год князь Ростислав Мстиславич со смоленским войском шел в Киев, но, узнав, что черниговские князья Ольговичи сражаются против его дяди и брата у Переяславля, «поиде на волость ихъ и взя около Гомия волость ихъ всю»[1]. Здесь имелась в виду вся совокупность владений Ольговичей - Черниговская волость, а около Гомеля была разграблена часть этой волости. Тем не менее уже для XII в. историки выделяют в составе Черниговского княжества ряд территориальных административных единиц, среди которых называют Гомийскую волость[2].

После 1142 г. Гомель еще несколько раз упоминался в источниках, но уже без связи с окружающей местностью. В качестве города «Гомій» назван в

[1] ПСРЛ.Т. 2.Стб. 311.

[2] *Зайцев А. К.* Черниговское княжество//Древнерусские княжества X-XIII вв. М, 1975. С. 104, 110; *Макушников О. А.* В поисках древнего Гомия. С. 29; *Он же.* Рубяжы Гомійскай воласці ў XII-XIVст. (спроба рэканструкцыі) //Гістарычна-археалагічны зборнік. Мн., 1993. Ч. 2. С. 43 и др. А. Н. Насонов, вопреки указанию О. А. Макушникова, не упоминает о Гомийской волости *(Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства: Историко-географическое исследование; Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. СПб., 2002).

«Списке русских городов дальних и ближних» конца XIV в.[3] До 18 января 1401 г. великий князь литовский Витовт передал кроме прочего своему брату Сигизмунду Кейстутовичу замок Гомель («castro, qui nomen Hoymi») вместе с местом Речицей («item quondam loco dieto Ryczhicza»)[4]. В так называемом «Списке городов Свидригайло», датируемом 1432 г., также замечаем Гомель (Homey)[5].

Как раз к деятельности Свидригайло Ольгердовича относится косвенное указание источника на существование трех гомельских сел - Даниловичи, Дуровичи и Волосовичи. В апреле 1483 г. король польский и великий князь литовский Казимир с панами-радой рассматривал судебное дело между князьями Андреем и Семеном Ивановичами Можайскими, с одной стороны, и полоцким наместником, паном Богданом Андреевичем - с другой[6]. В итоге села были присуждены пану Богдану[7]. Князья признались, что их отец, Иван Андреевич Можайский, взял те села себе после смерти родителя пана Богдана - Андрея Юковича (Саковича)[8], которому дал владения «князь Швитригайло»[9].

[3] ПСРЛ. Т. 7. М., 2001. С. 240; *Тихомиров М. И.* «Список русских городов дальних и ближних» // Исторические записки. 1952. Т. 40. С. 224, 229. Составлен «Список» был: по мнению М. Н. Тихомирова- между 1387 и 1392 г., по мнению Е. П. Наумова - между 1394 и 1396 г., по мнению В. Л. Янина- между 1375 и 1381 г., по мнению К. А. Аверьянова он являлся выжимкой из документа, составленного около 13 75 г. *(Наумов Е. П.* К истории летописного «Списка русских городов дальних и ближних»//Летописи и хроники. 1973 г.М., 1974. С. 155;*Янин В. Л.* Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII - XV вв. С. 67; *Аверьянов К. А.* Купли Ивана Калиты. М., 2001. С. 186).

[4] Vitoldiana: Codex privilegiorum Vitoldi Magni Ducis Lithuaniac 1386-1430/ Zebrał i wydał J. Ochmański. Warszawa-Poznań, 1986. № 7. S. 12.

[5] *КоцебуА.* Свитригайло, великий князь Литовский, или Дополнение к историям Литовской, Российской, Польской и Прусской. СПб, 1835. Прибавления. С. 8.

[6] Указанный документ, помещенный в IV Книге записей Литовской метрики, публиковался неоднократно: АЗР. Т. 1. С. 101-102; Литовская метрика. Отдел 1. Ч. 1. Книги записей // РИБ. Т. 27. СПб., 1910. № 62. Стб. 373-375; LM. Кп. 4 (1479-1491). V, 1994. №62. Р. 109-110.

[7] LM. Кн. 4. № 62. Р. 109. Энциклопедическое издание «Гарады і всскі Беларусі» ошибочно присваивает село Волосовичи князю Можайскому (Гарады і вёскі Бсларусі: Энцыклапедыя. Мн., 2005. Кн. 2. Гомельская вобласць. С. 481). Впрочем, и проведенное там отождествление гомельских Волосовичей грамоты 1483 г. с одноименным селом Речицкого района Гомельской области также сомнительно (См.: *Макушников О. А.* Гомель с древнейших времен до конца XVIII в. С. 90. Прим. 3).

[8] Андрей Сакович - староста трокский (1433-1440 гг.), наместник смоленский (1440 г.) и полоцкий (1444-1453 гг.), трокский воевода (1458-1465 гг.) *(Boniecki A.* Poczet rodów. S. 290; *Semkowicz W.* O litewskich rodach bojarskich zbratanych ze szlachta polska w Horodle roku 1413 // Lituano-slavica Posnanicnsia. Studia historica. III. Poznan, 1989. S. 115-116; Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego: spisy. Warszawa, 2003. T. 4: Ziemia smoleńska i wojewydztwo smoleńskie XIV-XVIII w. S. 49; *Вяроўкін-Шэлюта У.* Саковічы // Вялікае княства Літоўскас: Энцыклапедыя. Т.2. С 536).

[9] LM. Кн. 4. № 62. Р. 109.

Когда Свидригайло распоряжался гомельскими селами - вопрос спорный. Теоретически это мог быть период его короткого правления в Вильне (1430-1432 гг.)[10] или фактического владениям им Северской землей (1432 - конец 30-х гг. XV в.)[11]. Но также необходимо вспомнить еще один эпизод из жизни князя, когда он «сделался верным слугою Казимира»[12] и получил от великого князя часть домениальных владений. В Книге данин 1440-1455 гг. Литовской метрики[13] встречаем краткую запись (реестр): «Князю Швитригаилу Гомеи»[14]. Кроме того, здесь под отдельным заголовком «У Гомеи» было собрано несколько пожалований Казимира в Гомельской земле. Все они остались без датировок. Идущее за гомельским блоком пожалование Чагинским селом отнесено к 21 мая 11-му индикту и при этом замечено: «Пр(иказал) сам корол». Таким образом, становится очевидным, что указанное отдельное пожалование было дано после 1447 г. (коронации Казимира) и, очень вероятно, относилось к 1448 г.[15] Впрочем, принимать за верхний хронологический рубеж случайно оказавшуюся рядом с Гомельским блоком датировку для всех идущих выше пожалований, вряд ли корректно[16]. Тем не менее другие определяющие данные отсутствуют.

Уточнить время распоряжения Свидригайло гомельскими селами позволяет наблюдение за судьбой Гомеля в середине XV в.

С 1440 г. Гомелем, видимо, владел новый великий князь литовский Казимир. Но вот в феврале 1446 г. из Москвы в ВКЛ бежали активные сторонники свергнутого с трона и ослепленного великого князя Васи-

[10] По словам летописца, после смерти Витовта в Вильне «княжив великий князь Швитригаило 2 годы без дву месяцеи» (ПСРЛ. Т. 25. С. 76). За этот короткий период правления Свидригайло не сохранилось ни одного пожалования или упоминания о пожаловании этого князя.

[11] *Русина О. В.* Сіверська земля. С. 113-114. В феврале 1436 г. Свидригайло в письме тевтонскому магистру признавался, что утратил Смоленск и Стародуб, но последний был вскоре возвращен *(Коцебу А.* Указ. соч. С. 221). С. М. Кучиньский считал, что Свидригайло был вытеснен из Чрнигово-Северских земель на рубеже 1438-1439 гг. (*Kuczyński S. M.* Ziemie czernihowsko-siewierskie. S. 228).

[12] Фраза самого Свидригайло из письма магистру Тевтонского ордена 1446 г. *(Коцебу А.* Свитригайло, великий князь Литовский. С. 233).

[13] *Бережков И. Г.* Литовская метрика как исторический источник. М.; Л., 1946. Ч. 1. О первоначальном составе книг Литовской метрики по 1522 г. С. 140.

[14] LM. Kn. 3. C. 29.

[15] 11-й индикт приходится на год между 1 сентября 1447 г. - 31 августа 1448 г., но в тексте названа определяющая дата- 21 мая. Следующие 11-е индикты выпадают на годы, выходящие за пределы 1455 г., а именно последним определяется хронологический рубеж основной массы записей данной III книги Метрики *(Бережков Н. Г.* Литовская метрика как исторический источник. С. 74-76).

[16] К самой этой дате в тексте Метрики есть еще приписка: «Лета 6960. П(и)сан у Вилни» (LM. Кн. 3. С. 29.). Откуда появился еще и 1452 г. - непонятно.

лия II- князья Василий Ярославич Серпуховский и Семен Иванович Оболенский[17]. Бежавший чуть позже Федор Басенок прибыл в Брянск (Дебрянеск), которым к этому времени вместе с Гомелем, Стародубом и Мстиславлем уже владел князь Василий Серпуховский. Брянск был дан в держание князю Оболенскому и боярину Басенку, а сам Василий Ярославич остановился в Мстиславле. Казимир, отдавая столь обширные владения лишившимся опоры князьям, очевидно, расчитывал на какую-то политическую выгоду. Но, как бы то ни было, осенью 1446 г. все выходцы из Великого княжества Московского дружно снялись, пошли к Пацину, потом Ельне и в самом начале зимы покинули пределы ВКЛ[18]. На московский престол вновь был посажен Василий II.

Таким образом, в самом конце 1446 г. Гомель вновь вернулся к великому князю Казимиру[19] и, возможно, между самым концом 1446 г. - маем 1448 г. был пожалован Свидригайло[20]. Впрочем, если не обращать внимания на условно принятый временной рубеж, возможную датировку приобретения Гомеля нужно продлить до 10 февраля 1452 г. -даты смерти Свидригайло[21].

Следует обратить внимание также и на те гомельские пожалования, которые были розданы Казимиром до передачи Свидригайло самого города Гомеля. Виленским воеводой Довгирдом было зафиксировано пожалование двух владений: двора Хальче Гарману (Герману) Радивоновичу и села Пресно Евлашку Хурсовичу[22].

[17] ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 266.

[18] Там же. С. 268. Время ухода московских служилых людей из ВКЛ необходимо сопоставлять с действиями их противников - князей Дмитрия Юрьевича Шсмяки и Ивана Андреевича Можайского. Дело в том, что по ходу движения заговорщиков из ВКЛ к ним прибегали гонцы с известиями о перемещениях Шемяки и Ивана Можайского. Прибытие Василия Ярославича в Елну соответствовало стоянию в Волоке Ламском войск, возглавляемых Шсмякой. Происходило это на протяжении всего Филиппова поста (с 15 ноября по 25 декабря) (См.: *Зимин А. А.* Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М,, 1991. С. 119).

[19] Утверждение о том, что только в 1449 г. князь Василий Ярославич оставил свои владения, высказанное О. А. Макушниковым вслед за В. Л. Носсвичсм *(Макушников О. А.* Гомель с древнейших времен до конца XVIII в. С. 80; *Насевіч В. Л.* У складзе Вялікага княства Літоўскага // Памяць. Всткаўскі расн. Кн. 1. Мн., 1997. С. 45), ни на чем не основано. Московские гости уехали с территории ВКЛ уже в конце 1446 г. Об этом прямо пишет летописец, когда замечает о событиях осени 1446 г.: «Князь же Василеи Ярославич со всеми бояры и съ всеми людьми и з женами и з дстми поидоша изо Мъстиславля, а изъ Дсбряньска князь Семснъ да Басенок, тако же съ всем» (ПСРЛ. Т. 25. С. 268).

[20] Свидригайло получил Гомель в добавок к Луцку и всей Волыни *(Грушевсъкий М.* Історія Укра'ши-Руси. Том IV. Кйі'в, 1993. С. 234). Представляется, что это произошло уже после того, как из Гомеля ушли московские владельцы, так как в противном случае в начале 1446 г. город пришлось бы у Свидригайло отнимать.

[21] *Dlugosz J.* Dziejów polskich ksiąg dwanaście. Kraków, 1870. T. 5. Ks. 12. S. 96.

[22] LM. Kn. 3. C 29.

Кроме того, за подписью виленского воеводы и писаря Логвина 5 человек в Новоселках были даны Бумонту[23]. Учитывая тот факт, что Довгирд умер в 1442 г.[24], для первого упоминания трех гомельских поселений остается короткий временной отрезок - 1440-1442 гг.

Хальч (Хальче) стал известен уже до указанного времени. В 1437 г. от Свидригайло вместо Сновска (в Черниговской земле на границе с Гомельской волостью) его получил Павел Мишкович, родоначальник Халецких[25]. Прозвище Халецких было образовано именно от названия нового владения[26]. С потерей в конце 30-х гг. XV в. в регионе власти Свидригайло, видимо, и Павел Мишкович на время лишился Хальча. Однако во второй половине XV в. Халецкие, вероятно, вернули свое владение[27].

Еще два гомельских поселения -Шерстино и Немковичи были отданы, согласно Книге данин 1440-1455 гг., Юшке Дранице за подписью писаря Кушлейки[28]. Наконец, тот же Шерстин, видимо, после Юшки Драницы[29], снова жаловался Михаилу Монтовтовичу[30]. Время пожалования двух владений можно значительно уточнить, так как известно, что в начале 1445 г. «пан» Юшка Драница находился уже на московской службе[31]. В начале

[23] Деятельность писаря Логвина относится к 40-м гг. XV в. *(Груша АЛ.* Канцылярыя Вялікага княства Літоўскага. Мн., 2004. С. 142).

[24] *Boniecki A.* Poczet rodów w Wielkim Ksęstwie Litewskim. S. 47; Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego: spisy. Warszawa, 2004. T. 1. Wojewydztwo Wileńskie, X1V-XVIII w. S. I92. О смерти Довгирда см.: Хроника Быховца. М., 1966. С. 97.

[25] *Kuczyński S. M.* Ziemie czernihowsko-siewierskic. S. 366-367. Вопреки утверждению В. Л. Носсвича, Гарман Радивонович не имеет отношения к Халецким, а тем более не является их родоначальником *(Насевіч В. Л.* У складзе Вялікага княства Літоўскага. С. 45; *Он же.* Гомельская воласць // Вялікаt княства Літоўскае: Энцыклапсдыя: У 2 т. Мн., 2007. Т. 1. С. 543). Характерно, что во 2-м томе упомянутой энциклопедии родоначальником Халецких называется Павел Мишкович, получивший от Свидригайло вместо Сновска имение Хальч *(Вяроўкін-Шэлюта У.* Халсцкія // Вялікас княства Літоўскас: Энцыклапедыя: У 2 т. Мн., 2007. Т. 2. С. 711).

[26] О роде Халецких см.: *Halecki O.* Chalcccy na Ukrainie // Miesięcznik heraldyczny. 1910. № 8-12; *Kuczyński S. M.* Rodowód Michała Chalcckicgo // Miesięcznik heraldyczny. 1934. № 1. S. 6-12; №2. S. 17-23; Сліж Н.У. Шляхсцкі род Халтцкіх у гісторыі Рэчыцкага павtта // Шостыя Міжнародныя Доўнараўскія чытанні. Міжнародная навуковая канфtрэнцыя, 14-15 лістапада 2007 г.: [матэрыялы]. Ч. 2: Рэчыца ў часе і прасторы: 795 год заснавання горада. Гомель, 2008. С. 62-81.

[27] *Kuczyński S. M.* Ziemie czernihowsko-siewierskic. S. 367.

[28] Писарь Иван Кушлсйко работал в великокняжеской канцелярии между 1440-1460 гг. *(Груша А. І.* Канцылярыя Вялікага княства Літоўскага. С. 142).

2* *Kuczyński S. M.* Ziemie czernihowsko-siewierskic. S. 228.

[30] В. Л. Носевич в «Книге Памяти Ветковского района» перепутал некоторые пожалования. За подписью Довгирда отдавалось не Шерстино, а Пресно, и не двор, а село *(Насевіч В. Л.* У складзе Вялікага княства Літоўскага. С. 45). Датировки пожалований также вызывают большое сомнение. Однако все это без критики было воспринято О. А. Макушниковым.

[31] Уже в самом начале 1445 г. (с Крещения) воевода князь Федор Долголдов с Юрием (Юшкой) Драницей сидели в осаде в Нижнем Новгороде «Новом», обороняясь от хана Улу-Мухаммеда (ПСРЛ. Т. 23. М,, 2004. С. 151; *Зимин А. А.* Витязь на распутье. С. 102).

1447 г. он погиб, участвуя в штурме Углича войсками великого князя Василия II[32]. Таким образом, первое упоминание еще двух гомельских поселений следует отнести к периоду между 1440-1444 гг.[33]

ВкраплениямимеждудругимипожалованиямивКнигеданин 1440-1455гг. выглядят одиночные упоминания Гомеля («Гомъя»), связанные с какими-то владениями, названия которых, к сожалению, не указаны. Так, некоему Еску дается «свободка, отчина его у Гомъи»[34]. Возможно «свободка» - имя собственное, но отождествить ее с конкретным населенным пунктом пока затруднительно. Еско, видимо, был крупным землевладельцем. В тексте Книги данин встречаем ещє такой реестр: «Бумонъту у Гомъи село его, што был Еско подпросилъ Протасович подъ нимъ»[35]. Очень вероятно то, что Бумонту возвращалось его село уже после смерти Ески. Также возможно, что «Еско, местич смоленский» и Еско, гомельский землевладелец - одно лицо. Среди пожалований «У Смоленску» Еско упоминается еще раз в связи с тем, что «того деи Еска в животе не стало», и сельцо, которое он держал, передавалось другому[36]. Данный реестр имеет датировку: 20 мая, 15-й индикт. Следовательно, два гомельских владения, одно из которых могло называться Свободка, фигурировали в земельных отношениях между 1440-1452 гг.

К сожалению, больше упоминаний населенных пунктов Гомельской волости (повета) до конца XV в. в письменных источниках не встречается.

Таким образом, в круг известных по источникам XV в. населенных пунктов Гомельской волости входят: села Даниловичи, Дуровичи, Волосовичи (около 1447 г.)[37], Пресно, двор Хальче, Новоселки (1440-1442 гг.), Шерстино (Шерстин), Немковичи (1440-1444 гг.), возможно, Свободка (1440-1452 гг.).

---

[32]«.. .князь велики со Тфсри поиде на Углечь... и туто убиша подъ городомъ пана Юшку Драницю» (ПСРЛ. Т. 23. С. 154) или «Убиенъ же бысть тогда под градом Литвин, храбрый человекъ Юшко Драница» (ПСРЛ. Т. 26. М., 2006. С. 207).

[33] Датой всех гомельских пожалований Книги данин 1440-1455 гг. С. М. Кучиньский называет 1440-1448 гг. *(Kuczyński S. M.* Ziemie czcrnihowsko-sicwicrskie. S. 228).

[34] LM. Кл. 3. P. 51.

[35] LM. Kn. 3. P. 69. Датировать приобретение Бумонта 1442 г. в связи с тем, что к большой части записей, предпоследней из которых является рассматриваемая, стоит условный заголовок «[1442] 11.07», конечно же, нельзя.

[36] LM. Kn. 3. P. 43.

[37] В специальной работе, посвященной роду Саковичей, Е. Кельма, ссылаясь на А. Бонецкого, утверждает, что Андрей Сакович получил три гомельские села до 1432 г. Затем, якобы развивая мнение того же А. Бонецкого, исследовательница помещает села около границы Минского повета (Даниловичи), в Вилейском повете (Дуровичи) и в Борисовском повете (Волосовичи) *(Kelma E.* Ryd Sakowiczyw i jego majętności w XV i pierwszey połowic XVI w.

// Lituano-slavica Posnaniensia. Studia historica. III. Poznan, 1989. S. 164, 170, 174). При этом было не только проигнорировано прямое указание источников на гомельскую принадлежность всех трех сел, но и некорректно был использован авторитет А. Бонсцкого. Историк вовсе не писал о получении Саковичсм трех сел до 1432 г. и не помещал их в Вилсйском повете, как заявила Е. Кельма *(Boniecki A.* Poczet rodyw. S. 291).

Для большинства указанных населенных пунктов определяется местоположение на карте[38]. Только Волосовичи, Немковичи и Свободка остаются без уверенной локализации (Карта 4). История большинства поселений прослеживается по данным источников XVI-XVII в., их можно отыскать на картах XVIII-XIX вв., кроме того, археологические данные подтверждают их древность.

По отношению к первым известным гомельским поселениям вполне применим метод локализации географических объектов, разработанный М. В. Битовым. На первом этапе работы, конечно же, применялся обыкновенный метод лингвистического соответствия. Он сработал и при поисках села Волосовичи. Населенный пункт с идентичным названием был обнаружен на современной карте к северо-востоку от Чечерска на р. Покоть, правом притоке Сожа[39]. Характерно, что село Волосовичи с первой четверти XVI в. встречается среди чечерских сел[40]. Дальнейшее его существование тоже прослеживается. Село дожило до наших дней. Однако его местоположение и свидетельство источников о чечерской принадлежности все же подвергало сомнению проведенную локализацию. Глубокое знание О. А. Макушниковым территории Гомеля позволило ему прийти к другому выводу. В «Реестре ревизии господарской Гомельской волости» 1560 г.[41] было замечено село Волозковичи, которое, по мнению исследователя, и является тем гомельским селом Волосовичи, которое известно с XV в.[42] Находилось оно как будто совсем рядом с гомельским замком и селом Болотовым, также упомянутым в «Реестре»[43]. О. А. Макушников решил, что село Волосовичи исчезло примерно в середине XVII в., правда, никаких подтверждений этому не привел.

Следует заметить, что в обширном документе, изобилующем описаниями границ гомельских сел с постоянным упоминанием смежных с ними владений, село Волозковичи названо лишь один раз. И это неудивительно.

---

[38] Древность Новоселок (селище эпохи Киевской Руси), Хальча (городище и селище эпохи Киевской Руси), Шерстина (2 селища эпохи Киевской Руси) подтверждается археологическими данными (Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі: Гомельская вобласць. Мн., 1985. С. 123, 129; Гарады і вескі Беларусі: Энцыклапедыя. Кн. 1. С. 225, 252, 254).

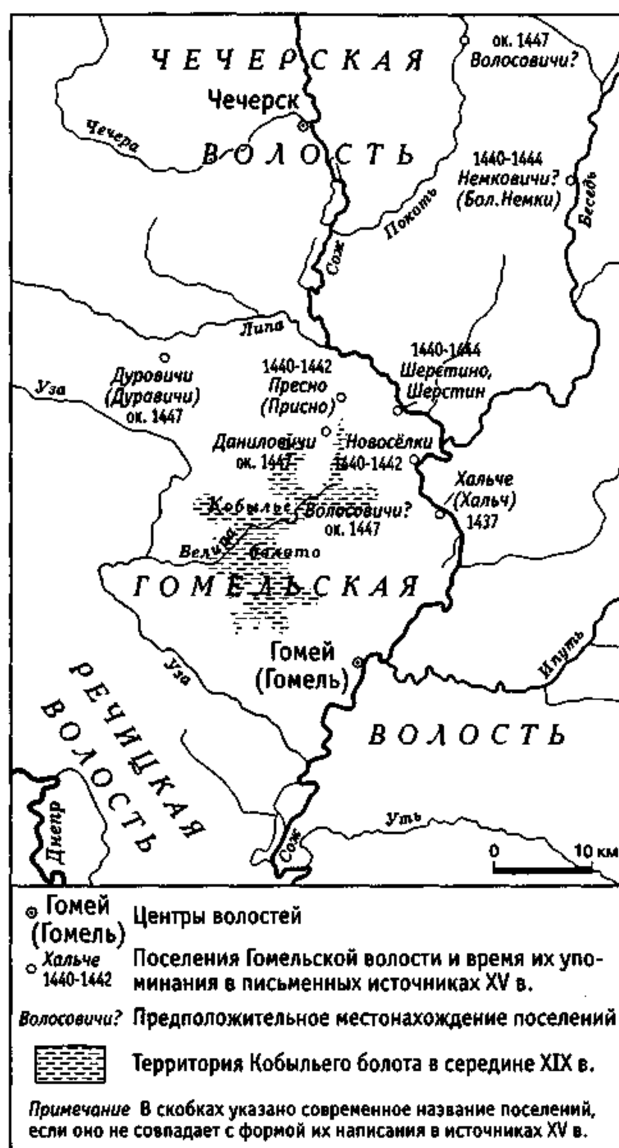
[39] Гомельская область. Атлас. С. 9.

[40] СИРИО. Т. 35. № 102. С. 751.

[41] АВАК. Т. 13. №100. С. 375.

[42] *Макушников О. А.* Гомель с древнейших времен до конца XVIII в. С. 90. Прим. 3.

[43] АВАК. Т. 13. № 100. С. 375. Волотово принадлежало тем же боярам Ивану и Нечаю Хомирову. Не Волотово, а близкое по названию Волово можно увидеть на карте-трехверстке 1860 г. к северо-востоку от Гомеля (Военно-топографическая карта: Могилевская губерния. Ряд 18. Лист 9). В 1974 г. деревня Болотова была включена в городскую черту *(Рогалев А. Ф.* От Гомиюка до Гомеля. С. 191). Сейчас на ее месте окраина города Гомеля, обозначенная на карте как Старая Болотова (Гомельская область: Атлас. С. 36).

Карта 4. Поселения Гомельской волости в XV в.

В более ранней публикации «Реестра» мы не встречаем села Волозковичи, на его месте находится «село боярское Волчковичи»[44]. Более того, при описании границ таких сел, как Юрковичи и Новоселки часто упоминается село Волковичи (в публикации 1886 г.) или Волчковичи (в публикации 1853 г.)[45]. Владения трех сел были «спольными» между собой. И в той части «Реестра», в которой шла речь непосредственно о Волчковичах[46], подтверждается заявленное ранее соседство.

Некоторые земли села Волчковичи действительно располагались рядом с гомельским замком. Так, принадлежавшая селу земля Поколюбицкое с сеножатями в 1560 г. была «на фольварок замковый зоставлено»[47]. В Инвентаре Гомельского староства 1681 г. названо село Поколюбичи (Pokolubicze)[48], которое можно отождествить с землей села Волозковичи. На карте Белицкого округа 1777 г. отмечен населенный пункт Покалюбичи[49], на Генеральном плане Белицкого уезда 1784 г. - деревня Пакалюбичи[50], а на карте-трехверстке 1860 г. - с. Поколюбичи[51]. Современные Поколюбичи непосредственно примыкают к черте города Гомеля[52]. Однако близость земли села Волчковичи к городу не означала, что само оно находилось чуть ли не в его пределах и вскоре слилось с ним. Напротив, информация «Реестра» убеждает, что село Волчковичи находилось севернее Поколюбичей (Гомель к югу от них) в соседстве с селами Юрковичи и Новоселки, то есть в противоположной от Гомеля стороне (карта 4). Смежность владений Волчковичей с селами, близкими к городу (Плесо, Старое, Волотово) не отмечена источником.

Имеются ли основания отождествлять Волчковичи-Волозковичи XVI в. с Волосовичами XV в.? Вероятность такая есть. Если согласиться с примерной локализацией села XVI в., то вместе с двумя другими селами XV в.

[44] АЗР. Т. 5. № 16. С. 65.

[45] Видимо, редактор 13-го тома актов Виленской археографической комиссии неудачно прочитал название боярского села, смежного с Юрковичами и Новоселками, и принял его за Волковичи, тоже упоминавшиеся в документе, но находившиеся довольно далеко от якобы соседних с ним сел (у р. Узы, правого притока Сожа) (АЮЗР. Т. 1. № 142. С. 153; АВАК. Т. 13. № 100. С. 363). В настоящее время Волковичи носят название Урицкос (*Рогалев А. Ф.* Родные названия. С. 25-26; Гарады і всскі Бсларусі: Энцыклапсдыя. Мн., 2004. Кн. 1: Гомельская вобласць. С. 315).Следует признать, что редактор 5-го тома «Актов, относящихся к истории Западной России» - протоиерей Иоанн Григорович - был более внимателен при работе с текстом «Реестра».

[46] В дальнейшем будет использоваться именно такая форма написания названия этого села,

[47] АВАК. Т. 13. №100. С. 375.

[48] НИАБ. Ф. 694. Оп. 7. Д. 259. Л. 12 об.

[49] Белицкой округ // Атлас, состоящий из 12 окружных и 1 генеральной карты.

[50] Генерального плана Белицкого уезда часть 2-я / Генеральное межевание Могилевской губернии. 1784.

[51] Военно-топографическая карта: Могилсвская губерния. Ряд 18. Лист 9.

[52] Гомельская область: Атлас. С. 17, 36.

(Даниловичи, Дуровичи) оно составило бы единый массив земель, крупную вотчину, что было бы вполне резонно для пожалования. При селе Даниловичи (тоже смежном с Волчковичами) упомянута пустошь Волосовщина", чье название, возможно, возникло под влиянием соседнего села. И, наконец, может быть, все-таки не следует сомневаться в правильности написания села в форме Волозковичи, которое было отражено в Актах Виленской археографической комиссии и является очень близким к Волосовичам?

О местонахождении Немковичей и Свободки можно сделать лишь предположения. К востоку от Чечерска, у правого берега р. Беседь, притока Сожа, существует село Большие Немки. Кажется, что даже лингвистического соответствия между Немковичами и Большими Немками не много. Однако можно утверждать, что именно Большие Немки (есть еще Малые Немки на другой стороне р. Беседь) в XVI в. носили название Немковичей. В этом убеждает уникальный документ - «Описание дорог из Минска на Северщину», относящийся к 1534 г.[54] Согласно источнику, 3-я дорога «з Менска на Северу» пересекала Сож ниже Чечерска, у Залесья, шла к Бабичам, затем к Немковичам, под которыми «Бесед(ь) возитца»[55]. От Немковичей дорога шла к Верещакам, от последних - к Унуковичам, возле которых была переправа через Ипуть, и т.д.[56] Все перечисленные географические ориентиры можно легко отыскать на современной карте[57]. Между Бибичами и Верешаками у р. Беседь, с правой ее стороны, и находятся Большие Немки, которые, несомненно, следует отождествить с Немковичами «Описания» 1534 г.

Те ли это Немковичи, что известны с середины XV в. в составе Гомельской волости, сказать трудно[58]. Известно, что на юг и запад от Немковичей, занимая все пространство между реками Беседь и Сож, распространялись земли Чечерской волости[59]. В связи с этим можно сделать оригинальное предположение, что в Книге данин 1440-1455 гг. Юшке Дранице давалось

[53]АВАК. Т. 13. № 100. С. 371.

[54] Радзивилловские акты. № 18. С. 71. Датировка данного документа принадлежит М. М. Крому.

[55] Переправа у д. Большие Немки существовала и в середине XIX в. (Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб., 1848. Т. 8. Ч. 3. Могилсвская губерния / Сост. Ген. штаба капитан Черницкий. С. 32).

[56] Там же.

[57] См., например: Рэспубліка Беларусь: Аглядна-тапаграфічная карта. Маштаб 1:500 000. Мн., 2003.

[58] О древности Немковичей свидетельствует факт наличия городища в 1 км на юг от деревни (Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Гомельская вобласць. С. 121; Гарады і всскі Беларусі: Энцыклапедыя. Кн. 1. С. 212).

[59] Об этом свидетельствуют, например, данные посольских книг (СИРИО. Т. 35. № 102. С. 751-752).

Шерстино в Гомельской волости, а Немковичи в соседней - Чечерской, но их поместили вместе под одним заголовком «У Гомеи» из-за территориальной близости и в связи с пожалованием одному владельцу. Но это наблюдение остается всего лишь гипотетическим.

Если же признать Немковичи на Беседи гомельскими для XV в., то, возможно, следует пересмотреть вывод и о чечерских Волосовичах, находившихся совсем недалеко к северо-западу от указанного пункта. Впрочем, источники XVI в. заставляют считать территории правобережья Сожа вплоть до левого берега его притока Беседи чечерскими и для времени, предшествующему московскому захвату Гомеля.

Свободка (если поселение с таким названием действительно существовало) может быть отождествлена со многими населенными пунктами. Названий Свобода, Слобода, Слободка встречается очень много. Выясняется, что многие из них были основаны уже в XX в. Только Слобода в Добрушском районе Гомельской области может быть соотнесена с древней Свободкой[60]. Но и это сомнительно.

Кажется возможным отождествить поселение XV в. со Слободкой (Слободой), известной по «Реестрам границ» первой четверти XVI в. и «Реестру ревизии господарской Гомельской волости» 1560 г. В первом случае напротив «панских» (любечских) Познаховичей называется гомельское село Слободка[61], во втором случае упоминается «село боярское Слобода, на границе Московской»[62]. Возможно, Свободка находилась между селами Рыловичи и Бобовичи, так как такова последовательность перечисления населенных пунктов в «Реестре» 1560 г. Но Рыловичи (современное Сновское в самом верховье р. Снов) и Бобовичи (у р. Узы, правого притока Сожа) находятся слишком далеко друг от друга. Очевидно одно: Слобода находилась в левобережье Сожа на границе с черниговскими землями. Тщательный поиск близких по звучанию названий привел к находке на карте-трехверстке 1860-х гг. населенного пункта Слобода, находившегося возле существующего и теперь села Деревины (по карте видно, что Слобода стала частью села Деревины)[63]. Сейчас в этом районе, вдоль речки Терюхи (левый приток Сожа), проходит белорусско-украинская государственная граница. Местоположение исчезнувшей к настоящему времени Слободы удобно и логично для обозначения рубежа древней Гомельской волости, но, к сожалению, боль-

[60] Гарады і вёскі Беларусі: Энцыклапедыя. Кн. 1. С. 366.

[61] «Пам'ять» 1527 р. С. 211.

[62] АВАК. Т. 13. Вильна, 1886. № 100. С. 362. В то время Чернигов принадлежал Москве.

[63] Военно-топографическая карта: Могилсвская губерния. Ряд 19. Лист 9.

ше ничем не оправдано. Следует только еще добавить, что локализация Свободки (Слободы) очень важна, так как от нее зависит определение значительного участка чернигово-гомельской границы, с 1537 г. ставшей государственной.

Что касается остальных гомельских поселений, известных с XV в., то все они располагались к северу от города Гомеля, вдоль правого берега р. Сож, в основном возле самой реки. Только Дуровичи несколько отрывались на запад от р. Сож и размещались в среднем течении р. Липы (правый приток Сожа), чуть южнее последней. Дальнейшее исследование покажет, что этот населенный пункт стоял у самой границы Гомельской волости.

Таким образом, расположение гомельских поселений XV в. не дает даже общего представления о территории волости того времени. Может быть, только часть пределов волости определяется течением р. Сож. Как далеко земли волости распространялись на юг от Гомеля, переходили ли на левый берег Сожа и насколько - это выяснить не удается.

Наблюдение за характером местности к юго-западу от сел Дуровичи, Даниловичи, Новоселки и вероятного местонахождения Волосовичей позволяет прийти к интересным выводам. Вплоть до р. Узы (правый приток Сожа) в этом районе располагалось огромное болото, известное из «Реестра» 1560 г. как Кобылье[64]. Существовавшее и в середине XIX в. Кобылье болото простиралось от с. Волковичи (нижнее течение р. Узы, недалеко от Гомеля) на север до деревни Кунторовки[65]. В середине XVI в. оно занимало еще большую территорию - почти достигало Гомеля у села Плесо, фиксировалось возле с. Уваровичи (в районе р. Узы), подступало к Даниловичам и к землям с. Хальч (Карты 4, 7). Надвое болото разрезала р. Белица (Беличанка)[6*]. Вероятно, в XVI в. и ранее все пространство к западу от Гомеля до р. Узы было заполнено болотами и лесами. Для освоения оставалась лишь узкая полоса (не более 10 км) вдоль правого берега р. Сож и далее вдоль ее правых притоков Узы и Липы. Эти три реки кольцом огибали Кобылье болото. К северу от него в наибольшем удалении от Гомеля стояло с. Дуровичи.

Не только Кобылье болото, но и окружавшие его леса (Красный бор, бор Корма и др.) создавали естественную преграду для распространения

[64] АВАК. Т. 13. № 100. С. 364, 370,371, 376.

[65] Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 8. Ч. 3. С. 38. Д. Кунторовка существует и в настоящее время в 4 км к юго-западу от Новоселок, недалеко от р. Сож (Гомельская область. Атлас. С. 17).

[66] На берегу этой речки возникло село Белица (совр. Старая Белица), ставшее в конце XVIII в. городом- центром уезда. Упоминаемая в «Реестре» 1560г. граница «Белицкое», возможно, свидетельствует о существовании населенного пункта с подобным названием (АВАК. Т. 13. №100. С. 370).

территории Гомельской волости на запад. Таким образом, территория древней волости была прижата к правой стороне р. Сож и формировалась вдоль нее, переходя на притоки.

Сведения о гомельских землях в левобережье р. Сож крайне скудны. Имеется лишь одно известие о бортных землях с. Терешковичи, которые получили от князя Семена Ивановича Можайского священники церкви св. Николы в Орше[67]. Село Терешковичи (совр. Терюха) находилось к югу от Гомеля на левом берегу р. Сож при устье р. Уть. По археологическим данным, жизнь села началась примерно в XIV-XV в.[68]

Таково представление о территории Гомельской волости, полученное благодаря источникам, относящимся к XV в., и предварительным выводам о характере близлежащей местности. Более точно выявить первоначальные гомельские пределы позволяют материалы первой трети XVI в. Попытки московских властей утвердить территориальные единицы в новом составе сталкивались со стремлением администрации ВКЛ сохранить незыблемыми старые границы. С литовской стороны постоянно выдвигались претензии на те или иные волости и села, оторванные от территориальных единиц ВКЛ и отнесенные административно к московскому Гомелю. Тем самым наблюдение за складыванием под московской властью Гомельского уезда позволяет определить исходную территорию Гомельской волости.

Сам город Гомель до начала 1452 г., видимо, оставался во владении Свидригайло, а затем вновь вернулся в состав великокняжеских владений.

Но вот в 1454 г. в ВКЛ бежал «з женою и з детми и со всеми своими» князь Иван Андреевич Можайский[69]. Его «неисправление» (то есть постоянно обнаруживавшаяся неверность великому князю московскому) вызвало поход на Можайск войска Василия II Темного и ликвидацию удельного княжества. От Казимира Иван Можайский получил города Стародуб и Гомель, о чем мы узнаем из жалованной грамоты 1496 г. и привилея 1499 г. великого князя Александра[70]. Грамота на пожалование Стародуба и Гомеля князю Ивану Можайскому не сохранилась, но, несомненно, существовала. По словам самого Александра, сын можайского князя Семен «лист отца нашого передъ нами вказывалъ»[71]. В 1465 г. с

[67] АЗР. Т. 2. № 48. С. 59-60. О том, что бортные угодья относились к с. Терешковичи узнаем из «Реестра» 1560 г. (АВАК. Т. 13. № 100. С. 355).

[68] *Рогалев А. Ф.* От Гомиюка до Гомеля. С. 138.

[69] ПСРЛ. Т. 25. С. 273.

[70] АЗР. Т. 1. № 139. С. 163; Сборник Муханова. № 58. С. 87-88.

[71] АЗР. Т. IX« 139. С. 163.

некоторыми ограничениями в правах к владениям князя Ивана Андреевича был придан Брянск[72].

Стародуб, Гомель и Брянск составили особое удельное княжество на территории ВКЛ, почти на границах с Великим княжеством Московским (Карта 5). Князь Иван Андреевич правил в нем до своей смерти (между 1471-1483 гг.)[73], перед которой разделил свои владения между двумя сыновьями - Андреем и Семеном. Старшему, Андрею, достался Брянск[74]. Семен же остался с отцовскими Стародубом и Гомелем[75]. В 1496 г. князь Семен Иванович Можайский был пожалован великим князем городом Черниговом и Карачевской волостью «до воли»[76]. Через некоторое время (к 1499 г.) к ним была добавлена еще одна волость - Хотимль[77]. Разросшееся Стародубское княжество приобрело при великом князе литовском Александре значительную самостоятельность. Стремление же еще крепче закрепить за собой полученные земли и захватить новые владения толкнуло стародубского князя на измену[78].

Вместе с другими князьями (Василием Ивановичем Шемячичем и Семеном Ивановичем Вельским) Семен Иванович вступил в тайное соглашение с московским великим князем Ианом III и уже в апреле 1500 г. открыто заявил в Москве о своем решении перейти в московскую службу[79]. Условиями измены были обещания великого князя московского

[72] Сборник Муханова. № 20. С. 22; LM. Кн. 3. № 4. С. 69. А. Л. Хорошксвич опубликовала сохранившуюся в копии XIX в. грамоту короля Казимира к брянским жителям о передаче Брянска в вотчину князю Ивану Можайскому, датировав ее 1446 г. *(Хорошкевич А. Л.* Документы начала XV в. С. 54-55).

[73] *Kuczyński S.M.* Ziemie czcrnihowsko-siewicrskic. S. 243; *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. С. 62.

[74] *Kuczyński S.M.* Ziemie czernihowsko-siewierskie. S. 243. Князь Андрей Иванович, видимо, умер вскоре после того, как в 1486 г. у него был отобран Брянск *(Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. С. 62). Ю. Вольф датой смерти князя Андрея называет 1487 г. *(Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy. S. 262).

[75] С. М. Кучиньский считал, что Гомелем князья Андрей и Семен сначала управляли совместно. Однако после того как князь Андрей лишился Брянска и всякой власти на Ссвсрщинс, весь Гомель достался Семену *(Kuczyński S.M.* Ziemie czernihowsko-siewierskie. S. 243-244).

[76]АЗР.Т. 1.№139.С. 163, 164.

[77] Сборник Муханова. № 58. С. 87-88.

[78] Официальная московская точка зрения о причине отъезда в Москву ряда пограничных литовских князей («пришла на них всликаа нужа о греческом законе») подвергается сомнению исследователями *(ЗиминА. А.* Россия на рубеже XV-XVI ст. М., 1982.С. 183-184; *КромМ. М.* Меж Русью и Литвой. С. 96-97).

[79] «Апреля же, прислали къ великому князю Ивану Васильевичу государю веса Русiй бити челомъ князь Семенъ княжь Ивановъ сынъ Андреевича Можайского да князь Василсй княжь Ивановъ сынъ Дмитрсевича Шемякинъ, что на нихъ пришла великаа нужа о Греческомъ законе, и государь бы ихъ пожаловалъ, взялъ къ себе и съ вотчинами» (ПСРЛ. Т. 8. С. 239). См. также: ПСРЛ. Т. 4. Вып. 2. М., 2001. Стб. 362; Т. 12. С. 252; Т. 26. С. 293; Т. 28. М.;Л., 1963. С. 333.

оставить за стародубским князем все территории, которыми он владел, выделить ему новые владения, а также закрепить за ним возможные захваты[80]. После взятия 3 мая 1500 г. боярином Яковом Захарьичем-Кошкиным Брянска князья Семен Можайский и Василий Шемячич открыто присягнули Ивану III и со своими отчинами перешли на его службу[81]. При этом стародубский князь прихватил еще Любеч[82] и, очевидно, ряд сел из соседних с Гомелем волостей.

Чуть позже (август-сентябрь 1500 г.) со стороны удельного князя был осуществлен захват Мстиславских городов Поповой Горы, Дрокова и Мглина. К такому выводу можно прийти, анализируя инструкции московским послам, направляющимся в Крым. В «памяти» И. Г. Мамонову от 11 августа 1500 г. среди занятых великим князем московским городов не были названы Путивль, Попова Гора, Дроков, Мглин и Торопец[83]. 29 сентября 1500 г. вдогонку послу были отправлены скорректированные инструкции. В них отмечены новые завоеванные города, а также указан плененный путивльский наместник князь Богдан Глинский[84]. Из летописей и разрядных записей известна точная дата взятия Путивля - 6 августа[85]. Торопец, согласно разрядам, был взят 9 августа[86]. Известие об этих успехах к 11 августа еще не поступило в Москву и не попало в инструкцию послу И. Г. Мамонову.

Следует думать, что примерно тогда же или чуть позже были заняты и остальные города - Попова Гора, Дроков и Мглин. Благодаря своему соседству они, очевидно, были взяты вместе в результате одного направ-

[80] «И послал (великий князь Иван III. *-В. Т.)* втайне к князю Семену Ивановичу Вельскому и к князю Семену Ивановичу Можайскому, и к князю Василию Ивановичу Шсмячичу, чтобы они с городами и волостями отступились от зятя его великого князя Александра, и со всем с тем служили бы ему, а к тому еще обещал им многие свои города и волости. И такое соглашение сделали и присягнули, что им с помощью его воевать с Великим княжеством Литовским непрестанно, а которые города и волости они у Литвы заберут, то им все держать» (Хроника Быховца. С. ПО).

[81] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 362; Т. 8. С. 239; Т. 12. С. 252; Т. 26. С. 293; Т. 28. С. 334.

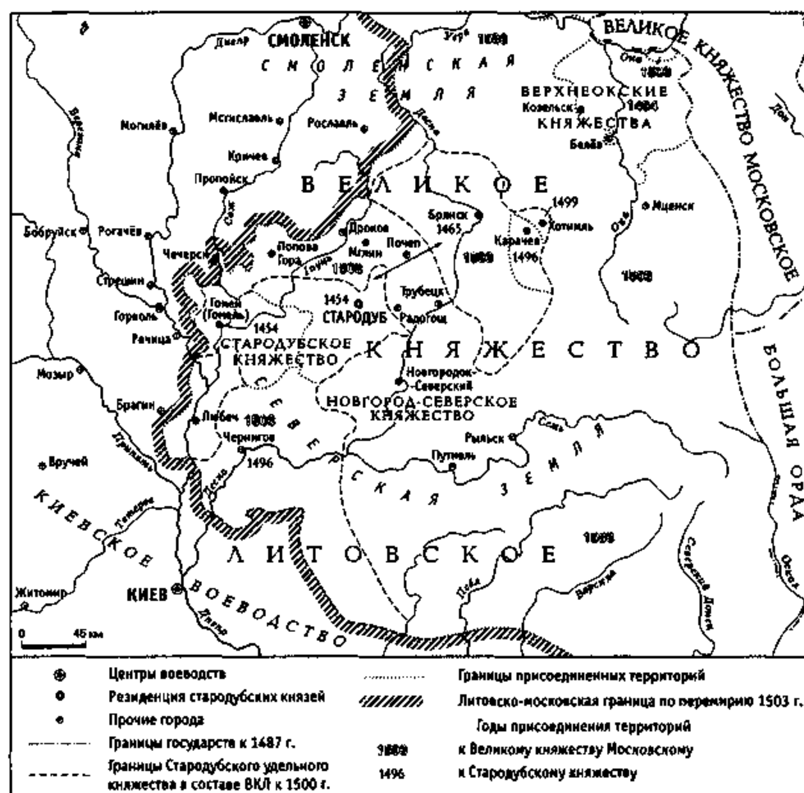
[82] СИРИО. СПб., Т. 41. 1884. № 65.С. 318; № 67. С. 327; № 70. С. 344-345. Любечем на Днепре до этого владел недавно бежавший из московских пределов князь Василий Михайлович Верейский (РИБ. Т. 27. № 79. Стб. 390 (пожалование 2 октября 1483 г.); № 209. Стб. 754-757 (подтверждение 18 апреля 1499 г.). Правда, существует вероятность, что под Любечем подразумевалось другое поселение - Любча, находившаяся у р. Неман рядом с другими пожалованиями Верейскому князю (Койданово, Уса, Рубсжсвичи, Воложин и др.). Любча в источниках часто называлась Любечем (РИБ. Т. 27. № 219. Стб. 773-775; Акты Литовской метрики. Т. 1. Вып. 2: 1499-1507 гг. Варшава, 1897. № 516. С. 45-46).

[83] СИРИО. Т. 41. №65. С. 318.

[84] Там же. Т. 41. № 67. С. 327-328.

[85] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 362; Т. 8. С. 239; Т. 12. С. 252; Т. 28. С. 333; Разрядная книга 1475-1605 гг./ Сост. Н. Г. Савич. М., 1977. Т. 1.4. 1.С. 57.

[86] Разрядная книга 1475-1605 гг. Т. 1. Ч. 1. С. 57.

Карта 5. Восточная окраина ВКЛ в конце XV - начале XVI в.

ленного на них похода. И действительно, согласно разрядам: «Лета 7009-го году сентебря в 7 день послал государь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии из Стародуба в Литовскую землю ко Мстисловлю воевать служивых князей князя Семена Стародубского да князя Василья Шемятича. А с ними послал воевод своих...» В итоге под Мстиславлем был разбит князь Михаил Ижеславский[87]. Побочным результатом похода 7 сентября 1500 г., очевидно, и явился захват Мстиславских городов[88].

Как и обещал Иван III, князь Семен Иванович получил в прибавление к своему уделу новые города: «И князь велйкій пожаловалъ, придалъ... князю Семену Почапъ да Мглинъ да Дроковъ да Попову Гору»[89]. Они располагались смежно с остальной территорией Стародубского княжества. Кроме того, в 1506 г. сын удельного князя Василий после женитьбы на сестре супруги великого князя Василия III Соломонии Сабуровой получил некоторые земли по р. Угре (совместно с Василием Шемячичем)[90] и Хотунскую волость[91]. Стародубское княжество значительно выросло по территории и по статусу продолжало стоять выше вотчин служилых князей[92].

После 1500 г., вступив в новый период своей истории, Гомельская земля по-прежнему оставалась в составе Стародубского княжества, вплоть до его ликвидации. В 1505 г., после умершего Семена Ивановича, Гомель (как и остальные владения) достался единственному сыну стародубского князя - Василию[93].

[87] Там же. С. 64-64.

[88] *Kuczyński S. M.* Ziemie czcraihowsko-sicwicrskic. S. 242; *Любавский М. К.* Областное деление. С. 136,290. Князь Михаил Иванович Жсславский (Жославский) получил от короля Александра города Мстиславль и Мглин совсем недавно - 19 мая 1499 г. (АЗР. Т. 1. № 172. С. 196-197; *Любавский М. К.* Областное деление. С. 14). При этом Мстиславские города Попова Гора и Дроков перешли под управление великокняжеских наместников, то есть по терминологии того времени - «спали на короля» {*Любавский М. К.* Областное деление. С. 14, 137). М. К. Любавский считал, что и Хотимль принадлежал Мстиславскому княжеству. Историк ошибочно отождествлял его с местечком Хотимск на р. Бсссди Климовичского уезда (в настоящее время - поселок городского типа, районный центр Мргилсвской области Беларуси) (Там же. С. 136, 137).

[89]ПСРЛ. Т. 23. С. 196.

[90] «...да волости на Угре, Товарков, Конопнарь, и иныя волости по Угре, что были даны (великим князем Василием III - *В. Т.)* князю Василью Шемечичу да князю Василью Стародубскому» (ДДГ. № 104. С. 440).

[91] *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России. С. 138; *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. С. 98. А. А. Зимин ссылался на неопубликованную работу В. Д. Назарова.

[92] *Зимин А. А.* Служилые князья в Русском государстве. С. 42.

[93] Князья, продолжавшие в ВКЛ именоваться Можайскими, снова вернувшись в подчинение Москве, обычно стали называться Стародубскими *(Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy. S. 262).

Как свидетельствует С. Герберштейн, «по наущению» князя Василия Шемячича великий князь Василий III схватил «своего родного брата» и уморил его в темнице[94]. Под «родным братом» московского государя, по мнению А. А. Зимина, скрывается не кто иной, как князь Василий Стародубский[95]. Герберштейн также рассказывает о том, как Василий Шемячич стал «домогаться» соседнего княжества «и не успокоился до тех пор, пока не довел Василия Стародубского до последней крайности, а после его изгнания занял его области»[96].

Уточнить дату смерти последнего стародубского князя помогают материалы московско-крымских переговоров конца августа - середины сентября 1518 г. Чтобы избежать протестов крымской стороны по поводу того, почему в шертную (клятвенную) грамоту для подписи хана были вписаны города Стародуб, Чернигов, Почеп и Гомель, московским дипломатам пришлось давать специальные разъяснения. Раньше перечисленные города не включались в текст договоров потому, что принадлежали «слуге» Василия III - князю Василию Стародубскому. Города эти на самом деле и тогда указывались, но скрыто, под формулировкой «царю не воевати слуг его отчин княж Васильевы Шемячичевы и княж Васильевы Стародубского»[97]. Теперь же «Божия воля ссталась - слуги его [Василия III. - *В. Т.]* князя Василья Семеновича в животе не стало, и те городы вотчина государя нашего ныне за государем за нашим»[98]. Именно поэтому в шертной грамоте и дополнялся перечень городов, принадлежащих непосредственно московскому государю.

Таким образом, последний правитель Стародубского княжества умер в 1518 г., а его выморочный удел был наконец ликвидирован и стал принадлежать непосредственно великому князю московскому[99].

После этого в Гомеле появились московские наместники (Василий Пушкин, Федор Григорьевич Плещеев, князь Дмитрий Дмитриевич Щепин-Оболенский)[100]. Был сформирован Гомельский уезд.

---

[94] *Герберштейн С.* Записки о Московии. С. 141.

[95] *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России. С. 141.

[96] *Герберштейн С.* Записки о Московии. С. 140.

[97] СИРИО. СПб., 1895. Т. 95. С. 555.

[98] Там же. С. 554.

[99] *Зимин А. А.* Служилые князья в Русском государстве. С. 44; *Он же.* Формирование боярской аристократии в России. С. 138. По мнению В. Д. Назарова, князь Василий Семенович, не имевший мужского потомства, умер в конце 1517 г. - самом начале 1518 г. (Акты Русского государства, 1505-1526 гг. М., 1975. С. 317).

[100] *Пашкова Т. И.* Местное управление в Русском государстве. С. 137.

Глава 3.
ГОМЕЛЬСКАЯ ВОЛОСТЬ ПОД ВЛАСТЬЮ МОСКВЫ И ФОРМИРОВАНИЕ УЕЗДА В 1500-1535 гг.

Вероятно, только после ликвидации Стародубского княжества можно говорить о начале формирования Гомельского уезда. Тем не менее его территория, несомненно, стала определяться с момента включения в состав Великого княжества Московского земель к западу от р. Сож.

Первые данные о территориях, присоединенных к Великому княжеству Московскому в результате войны 1500-1503 гг. (среди них была и Гомельская волость), содержатся в перемирной грамоте 1503 г.[1] Документ отразил тот уровень достигнутого компромисса в результате проведенных в Москве переговоров, который позволил на время прекратить военные действия и удовлетвориться достигнутым или сохраненным. Поскольку основу конфронтации, безусловно, составляли территориальные интересы, главным содержанием перемирной грамоты явились списки владений, относящихся к литовской или московской стороне.

Прежде всего, состав владений и претензии на них у двух враждовавших государств отражался в титулах монархов[2], затем закреплялся за сторонами в форме обозначения тех городов с их регионами, относительно которых могли возникнуть претензии[3]. На третьем уровне назывались города, их волости и владельцы, чьи земли были недавними приобретениями московской стороны. И, наконец, четвертый уровень составляли некоторые списки волостей или даже сел, которые находились под непосредственным наблюдением и вниманием каждой стороны - как правило, они являлись пограничными.

[1] LM. Кп. 5. № 118.13. Р. 209-212.

[2] «.. .мы, Алсксанъдръ, Божьсю м(и)л(о)стью, король полскии и великий княз литовъскии, рускии, княжа пруское, жомоитскии и иныхъ, целовалъ семи крестъ к тобе, брату своему и тетю Иоанну, Божъею м(и)л(о)стью, г(о)с(по)д(а)ру всея Руси и великому князю володимерскому, и московъскому, и новгородскому, и псковъскому, и тферъскому, и югоръскому, и пермъскому, и болгаръскому...» (LM. Кн. 5. № 118.13. С. 211).

[3] С литовской стороны называются только те города, которые считались «русскими» и на которые в связи с эти мог претендовать «государь всея Руси».

Перечисление в грамотах ряда волостей и сел после обозначения городов отнюдь не преследовало цель дать схему всего административно-территориального деления. Основная масса волостей, а тем более сел оставалась вне поля зрения составителей грамот. В текст договора вводились лишь те населенные пункты, относительно которых у обеих сторон возникал какой-то интерес или обозначение которых имело какой-то иной смысл. После локализации на карте осознанно выделенных в грамотах волостей и сел оказывается, что все они находились в пограничной зоне и определяли, иначе говоря, своеобразным образом маркировали, линию границы.

Для большей части обозначенных в грамоте городов вообще не приводится ни одной волости или села. Как уже было замечено, особое внимание составители грамоты обращали лишь на те территориальные единицы, которые составляли и определяли пограничную зону. Так, в перечне волостей Смоленска, Витебска и Полоцка, которые оставались в литовской стороне, замечаем исключительно окраинные территории. Именно на них прежде всего могла претендовать московская сторона и даже, возможно, уже реально завладела ими в результате военных действий. Благодаря определению местоположения перечисленных в грамоте волостей можно наметить весь восточный смоленский рубеж с севера на юг и зафиксировать северное витебское и полоцкое пограничье.

Также и для московской стороны в грамоте 1503 г. были заявлены не только списки городов, но и в некоторых случаях давались развернутые перечни волостей и сел. Специфической особенностью «московской» части грамоты является то, что далеко не всегда в ней отмечались только те волости, чьи административные центры (города) находились уже в московской власти. Упоминаемые в грамоте 1503 г. волости, отнесенные к числу московских, можно разделить на 4 группы.

1. Волости с городом, к которому они тянули, переходящие, очевидно, в полном составе со своим центром под власть московского государя (Дорогобуж, Белое (Белая), Торопец). Перечень рядом с городом его волостей встречается в грамоте 1503 г. редко. Достаточно было обозначить только сам город с формулой «с волостьми», и становилось понятно, что к Москве отходила целиком вся его структура волостей и сел. Уточнение волостного состава того или иного города связано было, видимо, с его положением у самой границы. В таком случае исключались возможные утверждения литовской стороны об иной принадлежности территориальных единиц. Московские дипломаты сами активно пользовались таким приемом.

2. Волости, определенные в состав соседних административно-территориальных единиц, которые в полном составе переходили под власть Москвы. Так, кроме собственных волостей, к Торопцу прибавлялись и

соседние, захваченные из Витебской земли (Велижская, Плавеецкая, Жижицкая, Озерская и Казариновская волости)[4]. Очевидно, к Брянску и Стародубу были присоединены волости Карачев, Хотимль, Попова Гора, Мглин, Дроков. Карачев в свое время (во второй половине XIII - начале XV в.) был центром особого княжества, а три последние волости были отторгнуты от Мстиславского княжества, имевшего статус удела в составе ВКЛ.

3. Волости, оторванные от ВКЛ и под московской властью стянутые к новому центру (к городу или выделенному в качестве такового волостному центру). Из значительного числа смоленских волостей был создан Дорогобужский уезд[5]. Известно, что в вотчине трокского воеводы Яна (Ивана) Гаштольда были волости Великое Поле и Мутишин[6]. Из них первая вошла в состав Дорогобужского уезда, а вторая вообще не была названа в грамоте 1503 г. Уже до 1500 г. Дорогобуж был выделен в отдельное от Смоленска наместничество (так же как Демена и Лучин Городок)[7]. Очевидно, это было сделано с целью формирования линии обороны на московской границе. В стадии формирования находились уезды Серпейска и Мосальска, бывшего удельного центра Карачевского княжества. Для них была предназначена большая масса волостей, в прошлом смоленских. Из части витебских волостей был сформирован отдельный уезд, в котором волостной центр Острые (Острее) по статусу был повышен до города.

4. Волости, отнятые у крупных административно-территориальных единиц ВКЛ, но не отнесенные пока под московской властью к какому-либо центру. Двумя блоками были записаны смоленские волости. Вержава и Буйгород вклинивались в Смоленскую землю к северо-западу от Дорогобужа, а ряд волостей (Пацынь, Федоровское, Осовик и др.) формировал ранее всю южную окраину Смоленска.

Почему-то отдельно были названы черниговские волости Сновск и Хоробор. Они не были пограничными, не были отняты от одного и присоединены к другому административному центру, но, видимо, представляли особый интерес ввиду своей значительности[8].

---

[4] СИРИО. Т. 35. № 75. С. 395.

[5] *Pietkiewicz K.* Wielkie Księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiellończyka. Studiu nad dziejami państwa i społeczeństwa na przełomie XV i XVI wieku, Poznań, 1995. S. 60.

[6] LM. Kn. 3. P. 46. Ян Гаштольд до 1440 г. был смоленским наместником (старостой) (Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego: spisy. T. 4. S. 49).

[7] Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego: spisy. T. 4. S. 7, 55.

[8] Согласно «Реестру черниговских границ» Сновсск и Хоробор являлись самыми крупными населенными пунктами в регионе (50 и 100 домов, соответственно) («Пам'ять» 1527 р. С. 208). Сновск в свое время являлся одним из важнейших центров Черниговского княжества *(Зайцев А. К.* Черниговское княжество. С. 68-69, 80).

К четвертой группе следует отнести и единственный представленный в грамоте 1503 г. список сел. Заблуждением является мнение, что села Уваровичи, Телешевичи, Тереничи, Кошелев Лес, Морозовичи, Липиничи, Скарбовичи, Залесье, Бабичи, Светиловичи, Голодно, Лапичи и Полешане являлись гомельскими[9]. Как выясняется из «Списка о порубежных землях и о жалобах», присланного от имени короля Сигизмунда в Москву 30 марта 1527 г., все перечисленные села перешли «в сторону великого князя, по перемирной грамоте» из состава Чечерской, Стрешинской и Горвольской волостей[10]. Очевидно, именно стародубский князь Семен Иванович приобрел дополнительные владения при переходе на московскую службу. Названные в грамоте, а также некоторые неупомянутые села и волости были присоединены к удельному княжеству князя Семена и стали частью формирующегося Гомельского уезда.

Гомельская волость вошла в состав Великого княжества Московского полностью, но, несмотря на свое пограничное положение, только небольшая часть ее территории оказалась в соприкосновении с владениями ВКЛ. Учитывая тот факт, что вместе с Гомелем к Москве на короткое время отошел и Любеч (до 1508 г.), можно считать, что только в соседстве с чечерскими землями у Гомельской волости наметился участок московско-литовской границы. На значительном расстоянии вдоль пределов Гомельской волости, огибая ее территорию с запада на север, протянулись села, отторгнутые от соседних с Гомелем волостей. Они-то и составили приграничную зону, отделившую гомельскую территорию от земель, оставшихся в составе ВКЛ.

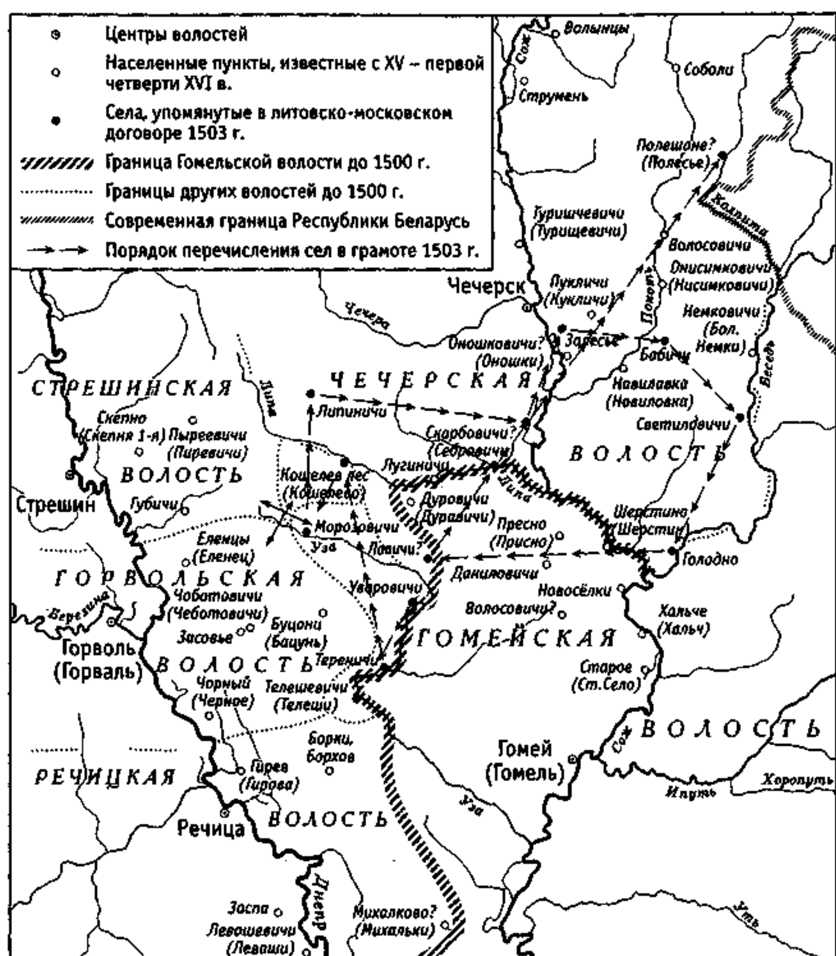
Территория Гомельской земли после включения в ее состав соседних сел и других изменений (о которых будет еще сказано) значительно изменилась. Но тем не менее благодаря имеющимся сведениям об этих территориальных трансформациях можно значительно уточнить первоначальные пределы Гомельской волости.

Таким образом, локализация и выделение буферной территории, в начале XVI в. отнесенной к Гомелю, позволит выявить часть западной и почти всю северную границу Гомельской волости (карта 6).

Почти все села Чечерской, Стрешинской и Горвольской волостей без труда отыскиваются на карте. Сомнения возникают только относительно Скарбовичей, Лапичей и Полешан.

[9] *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. С. 519. Эту ошибку заметила Н. Б. Шеламанова *(Шеламанова Н. Б.* Образование западной части территории России. С. 80).

[10] СИРИО. Т. 35. № 102. С. 751-752.

Карта 6. Территория Гомельской волости в правобережье р. Сож
(по данным первой четверти XVI в.)

Интересно провести наблюдение за тем, в каком порядке в грамоте 1503 г. перечисляются села, оставленные за Москвой". Список начинается со стрешинских Уваровичей, которые уверенно локализуются на правом берегу р. Узы, правого притока Сожа[12]. Затем указываются Телешевичи - это современные Телеши тоже на правом берегу р. Узы, южнее Уваровичей. 3-й пункт - Тереничи - тоже оказывается на правом берегу р. Узы, к северо-востоку от предыдущего (река Уза делает поворот). После этого список продолжается горвальским селом Кошелев Лес. Его не следует путать с современным районным центром Гомельской области Будой-Кошелево[13]. Село Кошелев Лес (Кошелево) располагалось у правого берега р. Липы (правого притока Сожа) ближе к ее верховью[14]. Местоположение следующего села, снова стрешинского - Морозовичи -также точно известно. Оно намечается в самом верховье р. Узы, с левой ее стороны. Уверенно определяется и место чечерского села Липиничи - недалеко от Кошелева Леса к северо-западу от него за р. Липой (от р. Липы, очевидно, село и получило свое название)[15]. А вот следующее чечерское село - Скарбовичи - отыскать не удается. Существует лишь малая вероятность того, что оно тождественно Себровичам, находящимся к востоку от Липиничей у самой реки Сож'[6]. Несмотря на то что археологические данные подтверждают древнюю историю этого поселения у правого берега р. Сож[17], различие в названиях Скарбовичи и Себровичи не позволяет уверенно сопоставлять оба села друг с другом.

[1] СИРИО. Т. 35. № 102. С. 751-752.

[12] В 1 км на восток от современного села выявлены городище, курганный могильник и селище, которые свидетельствуют о древности заселения данной территории (Збор помнікаў гісторыі і культуры Бсларусі. Гомельская вобласць. С. 115-116; Гарады і вёскі Бсларусі: Энцыклапсдыя. Кн. 1. С 187).

[13] На карте М. Ф. Спиридонова село Кошелево показано именно на месте современного районного центра, города Буда-Кошслево *(Спірыдонаў М. Ф.* Беларусь у другой палове XVI ст. // Нацыянальны Атлас Бсларусі. Мн., 2002. С. 267). Населенный пункт Буда известен с 1824 г., и только во второй половине XIX в. его название приобрело современное звучание (Гарады і вёскі Беларусі: Энцыклапсдыя. Кн. I. С. 121). Возможно, на предприятие по выработке поташа (буду) были привлечены выходцы из соседнего села, откуда и появилось двойное название, но отождествлять древнее село Кошелево со сравнительно новым поселением, конечно же, нельзя.

[14] В 0,5 км к северу от современного села, видимо, у самого берега р. Липы, выявлено городище, некогда укрепленное валом и рвом (Збор помнікаў гісторыі і культуры Бсларусі. Гомельская вобласць. С. 112; Гарады і вескі Бсларусі: Энцыклапсдыя. Кн. 1. С. 152).

[15] Все перечисленные села (Уваровичи, Телешы, Тереничи, Кошалсво, Марозовичы, Липиничи) наблюдаем на планах Генерального межевания (Генерального плана Бслицкого уезда часть 1-я / Генеральное межевание Могилсвской губернии. 1784; Генерального плана Рогачсвского уезда часть 3-я / Генеральное межевание Могилсвской губернии. 1784).

[16] На Генеральном плане Рогачсвского уезда указаны: д. Себровичи недалеко от правого берега р. Сож и с. Себровичи на одном из левых притоков Сожа (Генерального плана Рогачсвского уезда часть 5-я / Генеральное межевание Могилсвской губернии. 1784).

[17] Гарады і вёскі Бсларусі: Энцыклапсдыя. Кн. 2. С. 512.

Список сел грамоты 1503 г. после Скарбовичей переносит нас в левобережье р. Сож. Перечисляемые здесь 4 села размещались от р. Сож (Залесье) к ее левому притоку Беседи (через Бабичи к Светиловичам и Голодно) и своим расположением отсекали все междуречье Сожа и Беседи в сторону Чечерской волости. Рядом, за р. Сож стояли гомельские села Шерстино и Пресно, известные с середины XV в.

После села Голодно список неожиданно продолжается чечерским же селом Лапичи, которое исследователи помещают в правобережье Сожа, к северу от Уваровичей и р. Узы[18]. Предварительно допустим возможность такой локализации, однако после с. Лапичи в грамоте 1503 г. называется с. Полешане, место которого, возможно, снова в левобережье р. Сож. Получается, что Лапичи выбиваются из общей логики составления списка. Таким образом, в поисках села Лапичи следует более внимательно изучить территорию между Светиловичами и Полешанами, в районе речек Покоть (левый приток Сожа) и Беседь[19]. Карты XVIII-XX вв. оказываются бесполезными, однако в инвентарях Чечерского староства 1704 и 1726 гг. при описании границ с. Хлусы (на р. Беседь, см. ниже) у р. Неменки (приток Сожа) встречаются земли с. Лапичи, соседствующие с территорией сел Железники и Речка[20]. В Инвентаре 1726 г. есть даже описание села Лапичи. Однако неожиданно это оказывается то самое село, которое находилось (существует и в настоящее время) в правобережье р. Сож. Соседями Лапичей названы села Дуровичи и Даниловичи[21]. В подробном инвентаре Чечерского староства 1754 г. Лапичи левобережья Сожа уже не упоминаются[22]. Возможно, к середине XVIII в. это село запустело и потому не было зафиксировано на составленных позже картах.

Уверенности в определении местоположения Полешан тоже нет. Населенный пункт Полесье, в котором видят древние Полешане, и по своему отдаленному положению, и по существенной разнице в названии, лишь с большим сомнением может быть принят за искомое село. Посольские книги определенно свидетельствуют о существовании как Полешан, так и Полесья[23].

---

[18] *Kuczyński* 5. *M.* Ziemie czernihowsko-siewierskie. S. 88; *Шеламанова Н. Б.* Образование западной части территории России. С. 504, 508 и карта.

[19] В персмирной грамоте 1522 г. Лапичи, видимо, ошибочно названы Липичами (СИРИО.
Т. 35. № 94. С. 638).

[20] Историко-юридичсские материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилсвской, хранящихся в центральном архиве в Витебске / Под ред. Д. И. Довгялло. Витебск, 1900. Вып. 28. С. 20, 21, 71.

[21] Там же. С. 37.

[22] З люстрацыі Чачэрскага староства... // Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Чачэрскага р-на. С. 66-73.

[23] СИРИО. Т. 35. № 109. С. 838; № ПО. С. 843.

В послании великого князя Василия III королю Сигизмунду (май 1531 г.) были выражены жалобы московских наместников и приказных людей на то, что подданные короля «вступаются» в гомельские села и в стародубские волости и села. При этом были в полном составе перечислены села из грамоты 1503 г., к этому времени ставшие частью Гомельского уезда (среди них, конечно, и Полешане), а также добавлены гомельские или стародубские волости Лучитцкая (Олучичи), Маслов и Крюков десятки и села Волосавичи, Ореховичи, Полесье, Онисимковичи и др. Большинство «стародубских» сел и волости Маслов и Крюков десятки на самом деле являлись частью Чечерской волости и заполняли пространство между р. Беседью и ее притоком Колпитой с одной стороны и р. Сожем с другой стороны. Таким образом, в данном регионе также проявлялось настойчивое стремление московских властей установить четкую границу по естественному природному рубежу - в данном случае по р. Сож. Но сейчас важно то, что с. Полесье совершенно естественно выглядит в окружении заявленных стародубскими сел. Оно находится рядом с Волосовичами и Онисимковичами (севернее) и Струменем (западнее)[24]. Следовательно, село Полешане, известное с 1503 г., не следует отождествлять с селом Полесье. Косвенные данные заставляют искать село Полешане в правобережье Сожа, а Лапичи - на его левой, восточной стороне.

В результате московско-литовских переговоров 1537 г. часть сел, «которые были писаны в перемирной грамоте имянно в великого князя сторону», вернулись в состав ВКЛ. Среди них были названы и Полешане[25]. Совершенно понятно, что московские власти поступились именно теми селами, которые после возврата Гомельской волости оказались бы в окружении литовских владений. Они находились к западу и северо-западу от основной гомельской территории. В то же время другая часть сел из списка грамоты 1503 г. (среди них видим и Лапичи) оставались за Москвой[26]. Заметим, что после потери Гомеля, административно они были подчинены Поповой Горе.

Таким образом, села, отведенные в начале XVI в. в состав Гомельского уезда, можно четко разделить на 2 группы - правобережные и левобережные. Они создавали два территориальных массива к востоку и к западу от р. Сож. При этом вероятнее всего, что между, условно говоря, западной и восточной территориями, доставшимися Гомелю, не было общей связи. Представляется, что московское наступление

[24] Село Палесье на карте Генерального межевания (Генерального плана Рогачевского уезда часть 5-я).

[25] СИРИО. Т. 59. СПб., 1887. № 6. С. 105.

[26] Там же; LM. Kn. 15: (1528-1538). V., 2002. № 164. С. 211.

1500 г. привело к захвату значительной части Чечерской волости между реками Сож и Беседь и осколков различных волостей до верховий правых притоков Сожа Липы и Узы. Чересполосица владений в этом районе облегчала отторжение некоторого количества сел от их волостных центров.

Дело в том, что соседние с Гомельской волостью села были разбросаны таким образом, что, например, стрешинские села находились к западу от земель Горвальской волости, в отрыве от основной территории своей волости. Горвольский Кошелев Лес при этом вклинивался на северо-восток, к реке Липе, возможно заслоняя своими землями прямой доступ Стрешинской волости к своим селам по р. Узе (карта 6).

Не обращая пока внимания на новые уездные гомельские пределы, попытаемся предварительно обозначить часть границы исходной Гомельской волости. От Чечерской волости гомельскую территорию отделяла река Сож (от устья р. Беседь)[27]. Далее гомельская граница отрывалась от Сожа в районе устья р. Липы и следовала вдоль последней до участка между селами Дуровичи (гомельское) и Кошелев Лес (горвольское). Какой-то участок р. Липы в качестве границы оставался, видимо, актуален и для начала XVI в. Непосредственно у левого берега Липы оставалось под литовской властью чечерское с. Лугиничи, о чем мы узнаем из «Списка о порубежных землях и о жалобах» 1527 г.[28] Становится очевидным, что два массива сел списка грамоты 1503 г. были отделены друг от друга чечерскими землями.

От р. Липы граница отступала на юг, оставляя в стороне чечерские Лапичи (если они находились в этом месте), и, возможно, достигала Узы в месте поворота ее течения с востока на юг или, вернее, находившегося восточнее этой реки Кобыльего болота. Если же Лапичи находились совсем в ином месте, с левой стороны р. Сож (что соответствует логике построения списка грамоты 1503 г.), то все равно от р. Липы гомельская граница шла на юг к р. Узе или Кобыльему болоту, где гомельские владения были бы отделены стрешинским селом Морозовичи, располагавшимся на левой стороне р. Узы. Три стрешинских села у правого берега р. Узы (Уваровичи, Тереничи, Телешевичи) маркировали гомельскую границу на значительном расстоянии вдоль р. Узы. После очередного поворота р. Узы, за с. Телешевичи, гомельские владения встречались с территорией Речицкой волости.

Речицко-гомельская граница XV - первой трети XVI в. сложна для определения. Создается впечатление, что в направлении Речицы граница как таковая еще не сформировалась и в XVI в. Заметно стремление московской

[27] По руслу р. Сож от устья р. Липы до устья р. Бседи проводит границу Гомельской волости и С. М. Кучиньский *(Kuczyński S. M.* Ziemie czernihowsko-siewierskie. S. 87).
[28] СИРИО. Т. 35. № 102. С. 752.

стороны отодвинуть свои владения до Днепра и установить по нему границу[29]. Так, уже в 1504 г. посланник короля Александра Матвей Кунцевич предъявил в Москве список волостей и сел, которые были заняты после заключения перемирия. Среди них были названы горвольские села Чоботовичи, Буцони, Засовье, Келскевичи и Черный и речицкие села Кисловичи, Босатковичи, Лемешевичи. Всеми ими управлял слуга князя Семена Можайского (Стародубского)[30]. В 1511 г. дворянин короля Сигизмунда Богдан Довгердов привез в Москву грамоту, в которой была изложена жалоба на князя Можайского. Последний «забрал» речицкие села Засуев (очевидно, Засовье), Гоботовичи (очевидно, Чоботовичи), Калскевичи, Бацуни, Чорные, Агирево, Заспа, Левошевичи, Кисловичи, Борки «и чинит себе рубеж по Днепр»[31]. Половина названных сел относилась все-таки к Горволю, но по сравнению с 1504 г. состав речицких сел тоже увеличился. Следовательно, захваты продолжались. Причем московские владения перекинулись уже на правую сторону р. Днепр: там находились села Заспа и Левошевичи (современные Леваши). Из остальных речицких сел локализуются только Борки (Борхов) (южнее Телешевичей на р. Узе) в левобережье Днепра.

Богдан Довгердов предложил выслать московскому государю своих бояр, а король прислал бы своих панов, а они, съехавшись, «управу учинят и виноватых казнят, а пограничным местом рубежи покладут»[32]. Следовательно, до этого времени граница в направлении Речицы определена не была. Этим, видимо, и воспользовалась московская сторона, ясно выразив стремление расширить свои владения до естественного рубежа - р. Днепр. Кстати, высланные великим князем московским Василием III в район «обидных порубежных дел» дети боярские заметили только мелкие нарушения («обиды невеликие»), с которыми якобы могли справиться и находившиеся там наместники[33].

---

[29] Характерно, что сразу после захватов 1500 г. в инструкциях московским послам, направляющимся в Крым, было указано на необходимость ориентировать крымского хана на походы в глубь ВКЛ (к Турову, Пинску, Мснску), минуя левобережье Днепра («чтобы не ходили восвати по сей стороне Днепра к Путивлю, и к Чернигову, и к Рылску, и к Новому городку к Ссверскому, и к Стародубу, и к Гомью, и к Любсчу, к Трубсцку, и ко Дбрянску, и ко Мчснску» (СИРИО. Т. 41. № 67. С. 327)). То же повторено в 1501 и 1503 гг. (Там же. № 70. С. 343; № 71. С. 350; № 92. С. 494). Московская сторона уже частично владелалсвой стороной Днепра (район Любеча) и, очевидно, планировала завладеть остальными районами к востоку от этой реки (Рославль, Пропойск, Мстиславль и даже Смоленск). Отсюда стремление Ивана III обезопасить от крымских набегов зону своих интересов.

[30] СИРИО. Т. 35. № 80. С. 469.

[31] Там же. № 84. С. 495.

[32] Там же. № 84. С. 495-496.

[33] Там же. № 84. С. 496. Около Бобовичей выявлены городище и селище эпохи Киевской Руси (Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі: Гомельская вобласць. С. 134; Гарады і вескі Беларусі: Энцыклапедыя. Кн. 1. С. 264).

Неопределенность речицко-гомельской границы, очевидно, была связана с болотистым характером местности, разделяющей реки Днепр и Сож в районе их слияния[34]. С гомельской стороны в нижнем течении Сожа известны села Бобовичи и Дятловичи (описаны в «Реестре» 1560 г.)[35]. Один из упомянутых в 1527 г. речицких «заходов» - Михалково, - вероятно, соответствует современным Михалькам, находящимся чуть западнее Дятловичей[36]. Таким образом, гомельские пределы заходили за р. Узу в нижнем ее течении и где-то западнее этой реки встречались с речицкими землями.

Такова древняя гомельская граница, замыкавшая своей линией территорию волости между рекой Сож и ее левыми притоками Липой и Узой.

До сих пор мы имели дело только с теми населенными пунктами, которые располагались с правой стороны р. Сож; также была описана граница Гомельской волости лишь в правобережье Сожа. Тот факт, что до перехода под московскую власть не фиксируется никаких гомельских владений на другом берегу Сожа, даже наводит на мысль о локализации территории первоначальной Гомельской волости исключительно между реками Днепр и Сож, причем с опорой именно на последнюю. Выявленный участок гомельской границы от устья р. Беседь на северо-запад вверх по течению р. Сож как будто указывает на таковую же ее протяженность и вниз по течению этого притока Днепра. Однако существуют неопровержимые доказательства того, что гомельская территория уже до 1500 г. довольно далеко распространялась и на восток от Гомеля, за р. Сож.

В результате длительных переговоров 1537 г. литовская делегация отстояла для ВКЛ всю Гомельскую волость, в тех пределах, с которыми она существовала до присоединения к Великому княжеству Московскому. Из посольских книг выясняется, что гомельская территория заходила более чем за 60 верст на восток от Сожа, где встречалась со стародубскими землями. (О переговорах 1537 г. см. ниже.) Конкретная информация о гомельских границах в переговорах 1537 г. отсутствует, но сам факт того, что в некоторой части Гомельская волость возвращалась в своих пределах к периоду до 1500 г. дает основание использовать дополнительные источники, прежде всего «Реестр ревизии господарской Гомельской волости» 1560 г. Кажется, восточная часть Гомельской волости (с левой стороны р. Сож) вернулась в состав ВКЛ практически без изменений. От нее отняли наслоения периода московского господства и в «чистом» виде передали ВКЛ.

[34] Гомельская область: Атлас. С. 25-26.
[35] АВАК. Т. 13. № 100. С. 362, 355.
[36] СИРИО. Т. 35. № 102. С. 752. Так же считал и С. М. Кучиньский *(KuczyńskiS. M.* Ziemie czernihowsko-siewierskie. S. 87).

Кроме того, южную гомельскую границу определяет комплекс документов, содержащий реестры границ восточных регионов ВКЛ. Данные о гомельской границе содержатся в двух реестрах: черниговском и любечском.

При описании пределов черниговской территории (осуществляется посредством перечисления принадлежащих к Чернигову сел) в «Реистре границ черниговских» упоминается и «от Гомя граница»[37]. Пограничным с Гомельской волостью было село Листвен. С него и начинается реестр. Следующее названное село (Гореск) определяло уже чернигово-стародубский рубеж. Однако тут можно сделать вывод, что где-то до этого села заканчивалась территория Гомеля. Оба села существуют и в настоящее время. Листвен (Великий Листвен) находится нар. Крюковой, правом притоке Снова. Гореск (Горск) расположен на правом берегу р. Снов к северо-востоку от Листвена. Следующее, названное в реестре черниговское село - Боровичи - уже не пограничное. Его можно найти ниже по течению р. Снов от Гореска[38]. Остальные черниговские села были далеки от гомельской границы.

Таким образом, данные «Реестра границ черниговских» крайне немногочисленны. Более полезным оказывается «Реестр любецкий», в котором действительно описываются границы, а не просто перечисляются села, некоторые из которых являются пограничными[39]. Отдельная часть данного документа посвящена непосредственно гомельской границе с Любечем. Граница описывается очень подробно, только, к сожалению, многие ключевые населенные пункты невозможно найти на карте.

Итак, от гомельских Игоревич (Огоревщины) гомельско-любечекая граница шла к р. Уте (левый приток р. Сож), оставляя на любечекой стороне Яриловичи (Яриловцы, Ериловичи)[40]. Последние, несомненно, тождественны современному селу Старые Ярыловичи у левого берега р. Сож в нижнем ее течении чуть выше (севернее) устья р. Немыльни[41].

[37]«Пам'ять» 1527 р. С. 207.

[38] Возможно, это село в середине XVI в. уже считалось стародубским. В «Списке обидных дел», составленном в 1550 г. московской стороной, звучит жалоба на грабеж и захват «в Боровичсх» бортей стародубского городового приказчика (СИРИО. Т. 59. № 21. С. 345).

[39] Е. В. Русина предложила даже назвать «Реестр границ черниговских» «Реестром сел черниговских» *(Русина О. В.* Сiвсрська земля. С. 16).

[40] «Пам'ять» 1527 р. С. 209, 211. В 3-й книге судебных дел Литовской метрики село Яриловичи упоминается как Гомельское *(Любавский М. К.* Областное деление. С. 37). Однако С. М. Кучиньский предположил, что там идет речь не о Яриловичах, а о Гомельских Рыловичах *(Kuczyński S.M.* Ziemie czcrnihowsko-sicwierskic. S. 85).

[41] На карте М. Ф. Спиридонова, очевидно, ошибочно Яриловичи обозначены на месте современных Новых Ярыловичей *(Спірыдонаў М. Ф.* Беларусь у другой палове XVI ст. // Нацыянальны Атлас Беларусі. С. 267). Та же ошибка обнаруживается на отдельной карте Речицкого повета *(Спірыдонаў М. Ф.* Рэчыцкі павст у канцы XVI ст. // Атлас гісторыі Беларусі ад старажытнасці да нашых дзен. Мн., 2006. С. 42).

Яриловичи находятся довольно далеко от р. Ути, но, видимо, в данном регионе, редким встречающимся населенным пунктам принадлежали большие пространства, а полосы неосвоенных земель служили условными границами между ними.

От р. Ути граница переходила в Сож и следовала, придерживаясь течения реки, до Соколего (Соколского) гнезда. У последнего граница отрывалась от р. Сож и шла «поперекъ три мили» к Колодчичам к Серебронскому езу на Днепре[42]. Ценное указание для поиска линии границы - это три мили между Днепром и Сожем, которые отделяли гомельские земли от любечских. Их можно разместить между Днепром и Сожем на довольно значительном расстоянии, начиная от устья р. Уть[43]. Тем не менее конечная точка отрезка гомельской границы - (Колодчичи) - известна (см. ниже).

В описании любечско-черниговской границы интересен фрагмент, где идет речь о последнем ее отрезке: «Сухии Вир - то останок границ черниговских з любецкими»[44]. Очевидно, от р. Сухой Вир[45] (левый приток Сожа) начинались гомельские земли и шла гомельско-черниговская граница.

Во втором варианте любечского реестра сверх описания границ дополнительно перечисляются пограничные селения. Так, напротив любечских Познаховичей называется Слободка, «село гомеиская»; напротив панских[46] Яриловичей - гомельские Марковичи. Колодчичи на Днепре заявлены принадлежащими пополам Любечу и «Сенскому» - князю Ивану Григорьевичу Сенскому[47]. Из всех указанных сел с определенными оговорками локализуются Яриловичи, Марковичи, Колодчичи и Познаховичи. Два первых села известны также из «Реестра ревизии господарской Гомельской волости» 1560 г.[48] Село Марковичи находилось чуть южнее р. Терюхи (левый приток Сожа) в среднем ее течении. (Именно так обозначает место

[42] «Пам'ять» 1527 р. С. 209,211. Имелся в виду, конечно, сз - перегорода реки для ловли рыбы, а не лес, как предполагал С. М. Кучиньский {*Kuczyński S.M.* Ziemie czernihowsko-siewierskic. Prz. 319. S. 85).

[43] Вне зависимости от того, какая миля использовалась (русская, польская или немецкая), расстояние в 3 мили приблизительно равно 20-25 км. (С. М. Кучиньский, вслед за Я. Натансоном-Леским, называет 20-22 км *(Kuczyński S.M.* Ziemie czernihowsko-siewierskic. S. 86).

[44]«Пам'ять» 1527 р. С. 209.

[45] Вир - географический термин, означающий омут, водоворот; ручей с быстрым течением; источник, родник *(Рогалев А. Ф.* Топонимический словарь Встковского района Гомельской области. С. 37).

[46] Любсч в 1516-1542 гг. принадлежал пану Альберту Гаштольду *(Русина О. В.* Сівсрська земля. С. 17).

4' «Пам'ять» 1527 р. С. 211, 215. Прим. 11; *Boniecki A.* Poczet rodyw w Wielkim Ksęstwic Litewskim. S. 313; *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. S. 456-457.

[48] ABAK. Т. 13. № 100. С 353, 354.

села на своей карте М. Ф. Спиридонов[49], но, возможно, с учетом данных документа 1560 г. данная локализация будет в дальнейшем пересмотрена.) Рядом, юго-восточнее, располагалось село Яриловичи (см. выше). Колодчичи, в качестве речицкого села, упоминаются в 1541 г. Тогда князь Дмитр Романович Видиницкий вместе с приемными детьми (от князя Ивана Григорьевича Сенского[50]) отстоял село от претензий речицких мещан[51]. М. Ф. Спиридонов отождествляет Колодчичи с населенным пунктом Холмич (современный Холмечь), который уже в конце XVI в. являлся местечком[52]. Причины такого сопоставления, к сожалению, неизвестны. Рядом находится деревня Колочин, давшая название известной археологической культуре. Определенное сходство названий Колочин - Колодчичи (Колотчичи) позволяет предположить и тождественность двух населенных пунктов[53]. Наконец, Познаховичи - это современные Познопалы на р. Сухой Вир. Трансформация названия этого села хорошо прослеживается по материалам люстрации (описаний) Любечского и выделившегося из него в 1585 г. Лоевского старосте[54].

Итак, гомельская граница широкой дугой огибала территорию Любечской волости, направляясь от р. Сухой Вир на север через другие притоки Сожа Немыльню и Терюху до р. Уть. Реки Уть и Сож определяли другие отрезки границы, а почти у самого устья Сожа граница переходила к Днепру. В итоге значительная часть Любечской волости оказывалась окруженной с трех сторон гомельскими территориями. Одна из частей этой территории представляла собой узкий клин с правой стороны от Сожа в направлении Днепра. (Карта 7) Здесь гомельские владения должны были встречаться с речицкими. Однако, вполне вероятно, этого не происходило.

[49] *Спірыдонаў М. Ф.* Беларусь у другой паловс XVI ст. // Нацыянальны Атлас Бсларусі. С. 267; *Он же.* Рэчыцкі павет у канцы XVI ст. // Атлас гісторыі Беларусі ад старажытнасці да нашых дзён. С. 42. Польский исследователь Коланковский поставил Марковичи в нижнем течении р. Уть *(Kolankowski L.* Zygmunt August, Wielki książę Litwy do r. 1548 r. Lwów, 1913. Tab. IV. Granica Litwy z Moskwą). Но такая локализация не подтверждается никакими данными.

[50] После смерти князя Ивана Сенского его вдову (княжну Фснну Семеновну Полозовну) взял в жены князь Дмитр Романович Видиницкий-Любсцкий *(Boniecki A.* Poczet rodyw w Wielkim Ksęstwie Litewskim. S. 313; *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy. S. 457).

[51] LM. Кл. 229 (1540-1541). V, 2003. № 191. P. 120-122.

[52] *Спірыдонаў М. Ф.* Беларусь у другой паловс XVI ст. // Нацыянальны Атлас Бсларусі. С. 267; *Он же.* Рэчыцкі павст у канцы XVI ст. // Атлас гісторыі Бсларусі ад старажытнасці да нашых дзен. С. 42; *Он же.* Беларусь на карце Вялікага княства Літоўскага 1613 г.//Гістарычны альманах. Гародна, 2003. Т. 8. С. 32 и карта на С. 12.

[53] К такому же выводу пришел С. М. Кучиньский *(Kuczyński S.M.* Ziemie czernihowsko-siewierskic. S. 86).

[54] *Кондратьев И.* Лоевскс староство у 1585 - ссредйні XVII ст. // Пятыя Міжнародныя Доўнараўскія чытанні. Рэчыца, 22-23 всрасня 2005 г. Гомель, 2005. С. 200, 201.

Карта 7. Территория Гомельской волости в левобережье р. Сож (по данным XVI в.)

Можно думать, что, утратив в 1508 г. Любеч, Великое княжество Московское сохраняло единственный небольшой выход к Днепру около устья р. Сож. Естественным было стремление более основательно утвердиться в районе крупнейшей водной артерии Восточной Европы, чтобы поставить под свой контроль грузопоток и передвижение людей. В связи с этим наблюдалось активное стремление московских властей расширить пределы Гомельского уезда до Днепра за счет Речицкой волости (об этом см. выше).

Неопределенность гомельской границы по соседству с Речицкой волостью повторялась и в отношении с черниговскими землями. Лишь условно отрезок гомельской границы можно протянуть от верховья р. Сухой Вир на восток к р. Снов. «Реистр любецкий» таким образом характеризует описываемые границы: «А тыи границы идуть не по селом, все пущею з Днепра у Дунипръ»[55]. Большие расстояния между пограничными населенными пунктами свидетельствуют о слабом освоении территории между нижним течением р. Сож и средним течением р. Снов (правый приток Десны).

В районе р. Ути, там, где проходила граница Гомеля с черниговскими и любечскими землями, еще в середине XVI в. были обширные леса, в которых было много «яко великого, так и малого зверя»[56]. Окрестные реки изобиловали рыбой и бобрами. В целом о регионе, который занимали реки Десна, Судость, Снов, Ипуть и Беседь с их притоками, А. Лазаревский писал: «Все это пространство покрыто было почти сплошными лесами, значительная часть которых в первобытном своем виде сохранялась еще в XVIII в.»[57]

Тем не менее в любечском реестре было заявлено о незыблемости существующих границ («а вступу нетъ») и их древности («якъ была съ стародавна»)[58].

Для уточнения южной и определения восточной и северной границ Гомельской волости с ее левой стороны (по отношению к р. Сож), обратимся к «Реестру ревизии господарской Гомельской волости» 1560 г.[59] Несмотря на то что Н. Б. Шеламанова призывает осторожно пользоваться данным источником, считая, что он составлен в 1640 г.,[60] необходимо согласиться с мнением *Я.* Натансона-Леского, который заметил несомненное сходство территории Гомеля, описанной в рассматриваемом источнике, с той, которую он выявил для Гомеля до 1537 г.[61]

[55] «Пам'ять» 1527 р. С. 209.
[56] АВАК.Т. 13. №100. С. 353.
[57] *Лазаревский А.* Описание старой Малороссии: Материалы для истории заселения, землевладения и управления. Киев, 1888. Т. 1. Полк Стародубский. С. 105.
[58] «Пам'ять» 1527 р. С. 209.
[59] АЗР. Т. 5. № 16. С. 37-67; АВАК. Т. 13. № 100. С. 343-377.
[60] *Шеламанова Н. Б.* Образование западной части территории России. С. 499.
[61] *Nalanson-LeskiJ.* Dzieje granicy wschodniej Rzeczypospolitej. S. 135. Prz. 235-237.

Подробные описания границ земельных угодий гомельских сел позволяют безошибочно определить район их размещения и либо идентифицировать с дожившими до наших дней населенными пунктами, либо обозначить примерные места нахождения. Наблюдение за порядком перечисления сел в «Реестре» 1560 г. также может способствовать некоторым обобщениям и выводам.

При рассмотрении «Реестра» необходимо обращать особое внимание на те села, которые своим положением фиксировали пределы гомельской территории. Внутренний состав Гомельской земли в данном случае имеет второстепенное значение.

Описание гомельских сел в «Реестре» 1560 г. начинается с Романовичей. Они находились возле самого города, на противоположной стороне р. Сож у правого берега р. Ипуть. Перечень и далее продолжает придерживаться р. Ипуть: называются села Добруша (Добруш), Демьяновичи и Березцы (вероятно, современные Березки или Демьянки)[62]. Затем внимание переносится на левую сторону Ипути. Следующее село - Тростынь (Тростань) стоит уже у самой границы по соседству с московскими Бобовичами[63]. По описанию границ села фактически намечается участок государственной московско-литовской границы.

Земли села начинались от Кормы Завихвоста (?) и продолжались до р. Ипуть. Здесь еще не встречалось московских владений, обнаруживались они далее, у реки, впадающей слева в Ипуть, - Корны. Последняя на всем своем протяжении служила границей. Исток Корны совсем близко расположен к верховью р. Снов (правый приток Десны), и граница следовала от Корны прямо в Снов и вверх по его течению[64]. К Снову подступали земли московского села Микуличи, которое предположительно можно отождествить с деревней Николаевкой около села Рыловичи (в настоящее время не существует)[65]. В 14 км к востоку от Рыловичей (современное Сновское) замечаем село Рубежное, название которого, возможно, не случайно.

[62] Демьяновичи и Брсзцы (Дсмияновичи и Брсссцы)- это одно село (АВАК. Т. 13. № 100. С. 346).

[65] Это современное село Старые Бобовичи у правого берега р. Ипуть. Новые Бобовичи были поселены только в первой половине XVII в. *(Лазаревский А.* Описание старой Малороссии. С. 389-390).

[64]АВАК. Т. 13. № 100. С. 347.

[6S] *Шеламанова И. Б.* Образование западной части территории России. С. 505-506. А. Лазаревский указал на село Микуличи, которое вместе с находившимся рядом селом Засуха (Старая Тростань) запустело в конце XVI или в начале XVII в. При этом село Старая Тростань было возобновлено около 1640 г. *(Лазаревский А.* Описание старой Малороссии. С. 418). Микуличи известны с 1550 г. Тогда людьми гомельского наместника это село было разграблено (СИРИО. Т. 59. № 21. С. 346).

Еще восточнее, с левой стороны (севернее) р. Снов, находилось стародубское село Тополь. Н. Б. Шеламанова со ссылкой на документ РГАДА пишет о передаче волости Тополь мозырскому старосте Стравинскому[66]. Позже имения Топали, Родманово и Высокое «w Powiete Starodubskim» были отданы во владение Мартину Воловичу[67].

Отрезок гомельской границы по р. Корне был, видимо, очень устойчивым. Еще в 1498 г. черниговский наместник князь Иван Богданович Глинский получил подтверждение на людей Внучковичей и Халеевичей в Стародубском повете[68]. Села Внуковичи и Халеевичи (несомненно, об их людях идет речь) находились чуть к северу от р. Корны, при этом последнее стояло на левом берегу Ипути. Внуковичи (Унуковичи) упоминаются в «Описании дорог из Минска на Северщину» 1534 г., но без указания административной принадлежности[69]. Видимо, между 1500-1535 гг. район между Ипутью и ее притоком Корной оставался по-прежнему стародубским, и изменения гомельской границы здесь не произошло.

После Тростыни можно было бы сразу обратиться к селу Рыловичи, которое тоже упоминается в «Реестре» 1560 г. в числе гомельских, но порядок перечисления сел снова переносит нас в глубину Гомельской земли. Корма, Кузьмичи (Кузьминичи) у р. Хоропути (левый приток Ипути) и Головинцы у Ипути существуют в настоящее время и без труда обнаруживаются на карте. Проблемы возникают с локализацией села Данилковичи. Только описание границ этого села позволяет с уверенностью назвать район его местонахождения - между речками Каменицей (Каменка, левый приток Ипути), Хмеленкой (левый приток Каменки), Ректой, Кривкой (притоки Хоропути?) и Цалой (Цата?). Таким образом, Данилковичи находились где-то к востоку от самого верховья Хоропути (левый приток Ипути) по соседству с селом Кузьмичи, что следует из описания границ последнего[70].

Отдельно («зособна») от села Кузьмичи посреди леса располагался остров Переновский (Перуновский), принадлежавший тому же боярину, который владел островом Кузминским (очевидно, и само село Кузьмичи находилось посреди поляны в лесу, почему часто называется островом)[71]. Остров Переновский занимал территорию от верховья речки Ути «до границы Митковское»[72]. Поселения с названием, близким к Митковское-Митьковское,

[66] *Шеламанова Н. Б.* Образование западной части территории России. С. 507.

[67] НИАБ. Ф. 694. Оп. 7. Д. 823. Л. 1-2. Два письма королей Владислава IV и Яна Казимира относятся к 1642 и 1650 гг.

[68] *Шеламанова Н. Б.* Образование западной части территории России. С. 506.

[69] Радзивилловскис акты. № 18. С. 71.

[70] АВАК. Т. 13. № 100. С. 349.

[71] АЗР. Т. 5. № 16. С. 41; АВАК. Т. 13. № 100. С. 349.

[72] АВАК. Т. 13. № 100. С. 349.

в районе верховья р. Ути обнаружить не удалось. В связи с этим, возможно, имеет смысл предложенный А. Ф. Рогалевым вариант прочтения названия границы, как «Литовской»[73]. Московско-литовская граница действительно могла проходить недалеко от верховья р. Уть. В том же районе находится стык современных российской, белорусской и украинской границ.

Затем перечень гомельских сел переходит к реке Уть, левому притоку Сожа. Описания границ группы сел, чьи земли размещались по обеим сторонам р. Сож в районе ее левых притоков Ути и Терюхи, помогают уточнить южную гомельскую границу. Земли сел Антоновичи, Лагуновичи, Прибытковичи, Марковичи, Терешковичи, Дятловичи, Утье, Носовичи плотно заполняют пространство к югу от Ипути между другими левыми притоками р. Сож, а также переходят на правую сторону Сожа. Даже село Марковичи, находящееся сравнительно далеко от левого берега р. Сож, имело угодья на правой стороне этой реки, по соседству с землями любечского села Исаковичи[74].

Большинство перечисленных сел располагалось с левой стороны р. Сож, по обеим сторонам р. Уть. Только Дятловичи стояли напротив устья р. Уть на правом берегу р. Сож, и Марковичи были выдвинуты южнее р. Уть, за р. Терюху. Определение границ сел Дятловичи и Марковичи имеет большое значение, так как эти поселения, очевидно, были самыми крайними в рассматриваемом регионе (Марковичи названы пограничными уже в «Реестрах» 1526 г.)[75].

Земли и угодья села Марковичи занимали территорию по обеим сторонам р. Сож. При этом смежными с ними были земли любечских сел Исаковичи (с запада), Ериловичи (с юга) и гомельского села Дятловичи (с севера). Определить точную границу Марковичей затруднительно, так как невозможно отыскать на карте мелкие речки Селечну (приток Немыльни?) и Добрую (приток Терухи?). Тем не менее очевидно, что земли села Марковичи находились между левыми притоками Сожа Немыльней (по источнику - Нилильна, Нигилна)[76] и Терюхой с заходом на правую сторону р. Сож. Нижнее течение Немыльни принадлежало Любечу. Возможно, современная граница Беларуси и Украины, проходящая от Сожа через р. Немыльню, в каких-то чертах соответствовала древней ее протяженности.

Даже неполное представление о земельных границах Марковичей показывает, что само село оказывается за их пределами. Поэтому возникает

[73] *Рогалев А. Ф.* От Гомиюка до Гомеля. С. 81.

[74] Там же. С. 354.

[75] Возможно, о пограничном характере Марковичей свидетельствует древний земляной вал, располагающийся возле села. Местные жители находили в нем копья, щиты, остатки обмундирования воинов *(Рогалев А. Ф.* Родные названия. С. 83).

[76] Там же. № 100. С. 354; АЗР. Т. 5. № 16. С. 46.

л

сомнение в правильности принятой для Марковичей локализации. На карте Генерального штаба Красной Армии 1942 г. как раз посредине выявленной территории села Марковичи, у левого берега Сожа, указан населенный пункт с идентичным названием[77]. Весьма заманчиво признать его древним селом. Однако на картах конца XVIII - XIX в. такое поселение не обозначено. И более того: новая локализация села Марковичи вступает в противоречие с определенной по «Реестру» 1526 г. гомельско-любечской границей. Получается, что граница создавала резко изогнутую линию, то подступая к Сожу, то отрываясь от этой реки к ее притоку Утье и вновь возвращаясь почти к своему началу. Можно, конечно, предположить наличие двух населенных пунктов с одинаковым названием или вероятность переноса села из одного места в другое, но доказать какой-либо вариант затруднительно. Как бы то ни было, в данном случае, по отношению к «Реестру» 1560 г., очевидно местоположение села Марковичи именно у р. Сож, в окружении принадлежащих ему земель.

К правому (северному) берегу р. Терюхи примыкали, захватывая и полосу земли у р. Сож, земли с. Терешковичи. Последнее получило название, вероятно, от р. Терюхи, хоть и располагалось у устья Ути[78]. Смежным с селом Терешковичи называются Севруки[79], которые в другом месте «Реестра» 1560 г. оказываются «на границе московской»[80]. В водоемах около Сожа село Терешковичи имело спольные (совместные) тони с селами Бобовичи и Дятловичи[81], которые сами размещались на правой стороне р. Сож.

Село Дятловичи находилось почти напротив Терешковичей. Его земли и угодья можно было бы посчитать крайними в южных пределах Гомеля, но, как уже выяснилось, еще южнее и на правом берегу Сожа лежали земли с. Марковичи. Однако земли Дятловичей могли являться пограничными по отношению к Любечской и Речицкой волостям, примыкавшим с запада[82].

[77] Генеральный штаб Красной Армии. Карты. М., 1942. Л. N-36-XXXIII.

[78]С. Старые Терешковичи на карте Генерального межевания указаны у самого устья р. Уть. Чуть ниже по течению Сожа стоит с. Терешковичи, а еще ниже почти у устья речки Терсхи - д. Терюха (Генерального плана Бслицкого уезда часть 2-я).

[79]АВАК. Т. 13. № 100. С. 355.

[80] Там же. С. 361. Возможно, речь идет о разных Севруках, и тогда отказ Н. Б. Шеламановой от признания локализации села с таким названием возле Гомеля (а такой населенный пункт существует там до настоящего времени) не совсем верен *(Шеламанова Н. Б.* Образование западной части территории России. С. 505)

[81] Из этих водоемов озеро Глуща (Глушсц) может быть найдено на современной карте.

[82] Согласно «Реестру» 1560 г. любечекие земли (села Исаковичи) встречались с гомельскими южнее, в районе леса Охабища (Охибища, Охибы), той его части, которая принадлежала селу Марковичи (АВАК. Т. 13. № 100. С. 354). В связи с этим можно предположить, что ниже Исаковичей по течению р. Днепр левую сторону этой реки вплоть до устья Сожа занимали только любечекис земли. Следовательно, искать выход гомельской территории к Днепру (о его существовании знаем из «Реестров» 1526 г.) следует выше (севернее) Исаковичей. Впрочем, для данного региона характерна чересполосица владений, и никаких уверенных выводов делать нельзя.

В самом «Реестре» 1560 г. об этом ничего не сказано, но такой вывод очевиден, так как дальше на запад от Дятловичей и более северных Бобовичей гомельских поселений не было[83].

В описании границ села Дятловичи упоминается топоним Орлово гнездо[84]. Нельзя ли связать его с Сокольим (Соколским) гнездом «Реистра любецкого» 1526 г.[85]? Вероятно, под названиями Орлиное и Соколье гнездо изначально скрываются действительно места гнездовки этих хищных птиц, которые были выбраны ориентирами для проведения границы. Позже, возможно, уже самих гнезд и не было, но так стали называть урочища, места, где они раньше существовали. В связи с этим можно осторожно допустить тождественность обоих обозначений, так как они близки по содержанию. Впрочем, создается впечатление, что Соколье гнездо стояло недалеко от р. Сож («Сожом на низ до Соколе Гнезда»)[86], в то время как между Орловым гнездом и Сожем находились лес Охибища (Охиба) и Жезейское озеро[87]. Упомянутый лес был пограничным с другим лесом - Бортным, которое принадлежало любечскому селу Исаковичи[88].

После Дятловичей в «Реестре» 1560 г. называются села Утье и Носовичи, которые стояли (соответственно) на левом и правом берегах р. Уть. Казалось бы, сами эти два села не являлись пограничными, но земли с. Утье распространялись до р. Турюхи (Терухи)[89], а земли с. Носовичи - еще дальше - пересекали р. Терюху и достигали более южного притока Сожа - Немыльни (Немильны)[90]. Немыльня, судя по источнику, служила пределом гомельской территории.

Наблюдения за размещением гомельских сел в районе р. Уть показывают, что чересполосица и значительная удаленность их земель и угодий от своих центров - обыкновенное явление. Село Марковичи, возможно, вообще было оторвано от своих земель по обеим сторонам р. Сож, так как расстояние до них перекрывали владения с. Носовичи, тоже, котати, стоявшего далеко к северу. (Безусловно, такие выводы строились исходя

[83] Вероятно, около с. Дятловичи у берега р. Сож (в районе старого русла) находилась древняя пристань. В XIX в. местные крестьяне находили здесь остатки речных судов (Гарады і вескі Беларусі: Энцыклапедыя. Кн. 1. С. 312).

[84] АВАК.Т. 13. №100. С. 356.

[85] «Пам'ять» 1527 р. С. 209, 211.

[86] Там же. С. 209.

[87] АВАК. Т. 13. № 100. С. 356. Между реками Сож и Днепр, там, где расстояние между ними всего около 8 км, на современной карте можно заметить деревню Орел. Однако сомнительно, что она имеет отношение к Орлову гнезду.

[88] Там же. С. 354.

[89] Там же. С. 357.

[40] Там же. С. 358.

из современного размещения сел Марковичи, Носовичи и др. Возможно, в прошлом села были в других местах.)

Другой особенностью гомельской территории в правобережье Сожа являлось то, что размещавшиеся здесь угодья (бобровые гоны и рыбные ловы) часто использовались совместно соседними поселениями, принадлежащими разным административно-территориальным единицам. Поэтому гомельской границы как таковой здесь не существовало. Отчетливое стремление установить ее наблюдаем с московской стороны, но в 1535 г. Гомельская земля вернулась в состав ВКЛ, и, как видим по «Реестру» 1560 г., территориальное размежевание так и не было произведено.

В итоге выясняется, что данные реестров 1526 г. не соответствуют действительности 1560 г. Гомельская территория не только подходила к правому берегу р. Ути (в 1526 г. граница проходила строго по этой реке), но и располагалась южнее вплоть до р. Немыльни.

После Носовичей «Реестр» 1560 г. обращался к восточной границе Гомельской земли, где три села (Юрковичи, Озарчичи, Вага) группировались в районе р. Цата (правый приток Снова), а одно (Рыловичи) находилось отдельно - северо-восточнее у истока р. Снов.

Земли Юрковичей (Старых Юрковичей) достигали р. Жеведы (правый приток Цаты), вдоль которой проходит современная граница между Россией и Украиной. Граница села отрывалась от р. Жеведы и шла к р. Цате (правый приток Снова). Бобровые гоны, принадлежавшие селу, были и на р. Ваге (левый приток Цаты)[91].

Село Озарчичи (современное Азаричи) находилось в стороне от границы, на северо-запад от Юрковичей. А вот село Вага (Уваже) стояло «неподалеку от границы Московское»[92]. Название села, безусловно, связано с р. Вагой (левый приток Цаты), и сама эта река, возможно, служила границей, хотя это и не было обозначено в «Реестре» 1560 г. Впрочем, и на границы села Вага не было обращено внимания, поэтому трудно сделать какие-то определенные выводы. При селе упоминалась земля Хоевская, которая может быть как-то связана со стародубским селом Фоевичи, находившимся напротив села Вага, недалеко от противоположного берега реки Вага. Возможно, маленькая речка, впадающая в Вагу, от которой получили названия стародубское село и земля гомельского села, носит название Хоевка-Фоевка. Значит, гомельская территория переходила за р. Вагу, к востоку от которой можно наметить прохождение московско-литовской границы. Но это лишь предположение.

---

[91] Там же. С. 359.

[92] Там же. С. 360.

В описании повинностей боярского села Вага «на границы Московской» упомянуто также боярское село Севруки[93]. Конечно, его явно нельзя отождествлять с одноименным селом к югу от Гомеля, но в других местах аналогичное название не встречается.

За Вагой в «Реестре» 1560 г. названо боярское село Рыловичи[94]. Его границы в реестре снова не обозначены, и определить местоположение затруднительно. Но это, очевидно, то село Рыловичи, которое сейчас носит название Сновское и находится в самом верховье р. Снов[95]. Рыловичи, несомненно, тоже были близки к московской границе, но в «Реестре» об этом не сказано. Может быть, поэтому следует отнести гомельские владения на восток вплоть до поселения Рубежное? Это было бы тем более вероятно, если не согласиться с отождествлением московского села Микуличи с населенным пунктом возле Рыловичей - Николаевкой.

Сразу после Рыловичей называется село боярское Слобода[96], и было бы логичным искать его где-то поблизости. Но наблюдение за перечнем сел в «Реестре» 1560 г. показывает, что они часто написаны вне всякого порядка, хотя бывает, что и группируются, скажем, вокруг р. Уть. Следующее в «Реестре» за Слободой село Бобовичи находится на правом берегу р. Сож[97], в противоположной стороне от Рыловичей. На большом пространстве между Рыловичами и Бобовичами затруднительно вести поиски. Важное указание «Реестра» 1560 г. на то, что Слобода стоит «на границе Московской», к сожалению, совсем не облегчает попыток определения места этого села. Только одно упоминание в описании села Носовичи «слободицкого» боярина, возможно, позволяет прийти к определенному выводу[98]. Выясняется, что «в дереве бортном бояре гомельские, слободицкие Тимох Тешко...» имели доступ в район р. Песочны (вероятно, современная Песошенька, правый приток Терюхи)[99]. Следовательно, где-то в стороне от среднего течения

и Там же. С. 361. На карте Генерального межевания - Ссврюки (Генерального плана Белицкого уезда часть 3-я). Название села произведено от коллективного прозвища жителей Ссврщины, что может служить еще одним доказательством принадлежности Гомельской земли к этому историко-гсографичсскому региону *(Рогалев А. Ф.* Родные названия. С. 120-121).

[94] Там же.

[95] *Лазаревский А.* Описание старой Малороссии. С. 423.

«АВАК. Т. 13. №100. С. 362.

[97] Рядом с Рыловичами есть еще одно село Бобовичи, но в 1560 г. оно являлось московским, а описание границ Гомельского села Бобовичи определенно фиксирует его у р. Узы (Ужи) недалеко от правого берега р. Сож.

[98] Среди тех бояр, которые «держат тос сельцо Слободское», Тимох Тешко не назван (Там же. С. 362). Впрочем, Тимох Тешко владел не частью самого села, а только его бортными угодьями.

[99] Там же. С. 359.

р. Терюхи и находилось само село Слобода. Здесь необходимо снова вспомнить предположение об определении места Слободы в верховье р. Терухи в районе современной белорусско-украинской границы (см. выше). Весьма вероятно, что такая локализация соответствует действительности.

После Слободы «Реестр» 1560 г. описывает гомельские села на правой стороне р. Сож и в левобережье этой реки уже не возвращается. Дальнейшее использование данных «Реестра» полезно для реконструкции территориального состава Гомельского староства, созданного после 1535 г. Первоначальные границы Гомельской волости претерпели в ее западной (правобережной по отношению к Сожу) стороне значительные изменения.

Итак, соотнесение сведений двух источников, чья информация относится к периодам до и после московского господства, дает следующее представление о границах Гомельской волости.

Южная гомельская граница, очевидно, не была устойчивой и имела возможность для подвижности за счет неосвоенных пространств. Несмотря на то что «Реестры» 1526 г. определенно свидетельствуют о прохождении границы по р. Уть, «Реестр» 1560 г. относит пределы гомельских земель значительно южнее, к р. Немыльне. Восточнее на большом пространстве гомельская граница по обоим источникам определяется только наличием одного поселения - села Свободка-Слобода.

Восточная граница Гомельской земли лишь на начальном и конечном участках более или менее точно реконструируется. С юга села Юрковичи и Вага, а с севера - Рыловичи и Тростынь фиксировали гомельские пределы. Между этими селами с обеих сторон р. Ваги на большом расстоянии до середины XVI в. не известно ни одного населенного пункта. Здесь, очевидно, были глухие, непроходимые леса. Однако то, что гомельская территория заходила за р. Вагу, по направлению к р. Снов, доказывается наличием в этом районе села Супрунова, упомянутого в 1552 г. «В повете Речицком староства Го'мельскаго село Супруново над речкою Вагою, Роговом новоназванное» принадлежало панам Плесским[100]. С названием Рогово село дожило до настоящего времени.

Северная граница Гомеля от с. Тростынь до р. Ипуть проходила точно по р. Корне. На правой стороне Ипути гомельские пределы очерчиваются лишь приблизительно. Вероятно, все пространство между Сожем и ее притоком Ипутью к югу от московских Бобовичей с одной стороны и устья Беседи с другой стороны было гомельским[101]. С. М. Кучиньский

---

[100] *Лазаревский А.* Описание старой Малороссии. С. 438.

[101] Провести часть гомельской границы по линии современной границы Республики Беларусь, как это сделал М. Ф. Спиридонов для второй половины XVI в., для конца XV - первой половины XVI в. не позволяет практические полное отсутствие информации источников.

проводил гомельскую границу вдоль русла р. Беседь от ее устья до Потесских болот, место которых обозначает деревня Потесы (у левого притока р. Ведерни, которую исследователь назвал безымянной). Условная линия от Потесских болот до р. Ипуть (южнее Бобовичей) определяла дальнейшую гомельскую границу[102]. Все пространство к югу и юго-западу от этой линии, таким образом, было отнесено к Гомельской волости. Однако в указанном районе для конца XV - первой половины XVI в. не известно ни одного населенного пункта. По словам А. Лазаревского: «Заселение ипутских берегов шло медленно по той причине, что они были покрыты громадными лесами»[103]. Составитель военно-статистического обозрения Могилевской губернии капитан Черницкий заметил, что местность Белицкого уезда по обоим берегам рек Ипуть и Беседь вплоть до Черниговской губернии в середине XIX в. имела вид Полесья с ровной поверхностью, покрытой болотистым лесом[104]. Болота в Белицком и Рогачевском уездах, в отличие от других мест губернии, были «окружнее, топче и даже в сухое лето не проходимы»[105]. До конца XX в. сохранялись названия окружающей местности, свидетельствовавшие о ее лесном и болотистом характере[106]. Д. Малые Немки (левая сторона Беседи, напротив Больших Немок) имела здесь только одну дорогу, связывавшую ее с внешним миром[107]. Кроме того, старожилы д. Неглюбка (юго-восточнее Малых Немок) утверждали, что в районе участка леса, называемого Кордон, некогда проходила граница с Польшей[108]. На прохождение в этом районе границы, возможно, также указывает название д. Столбун и р. Столбунки. Вдоль берегов речки в окрестностях д. Яново сохранились полусгнившие деревянные столбы, вполне вероятно, отмечавшие старинную межу[109].

Таким образом, на многих участках к востоку от Сожа гомельскую границу характеризует неопределенность, причем связана она не столько

[102] *Kuczyński S. M.* Ziemie czernihowsko-siewierskie. S. 87.

[103] *Лазаревский А.* Описание старой Малороссии. С. 324. В данном случае А. Лазаревский писал о р. Ипуть в районе города Мглина.

[104] Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 8. Ч. 3. С. 6, 9-10.

[105] Там же. С. 36.

[106] *Рогалев А. Ф.* Топонимический словарь Ветковского района. С. 25, 26.

[107] Там же. С. 35.

[108] Там же. С. 82. Если данное воспоминание имеет под собой основание, то оно свидетельствует о границе России с Речью Посполитой, возможно, сильно изменившейся после территориальных изменений XVII в.

[109] Там же. С. 150-151. Опять же эта межа-граница могла относиться к иному времени. Село Столбун (Столбынь) согласно «Инвентарю Чечрского староства» 1704 г. относилось к Чечерскому староству (Историко-юридические материалы. С. 3, 18-19). Среди волостных сел того же староства в Инвентаре 1680 г. Столбун не упоминается (НИАБ. Ф. 694. Оп. 4. Д. 888. Л. 30-30 об.). Возможно, чечерская территория распространилась на болотистые земли левобережья Беседи только на рубеже XVII-XVIII вв.

с молчанием источников, сколько с реальностью того времени. Вообще, заметно, что левобережье Сожа в XVI в. было охвачено активным колонизационным процессом. Гомельская волость преодолела свои узкие пределы на правой стороне р. Сож, видимо, незадолго до начала XVI в. Сравнительно узким коридором гомельская территория вышла на левую сторону Сожа, а затем по Ипути и Утье распространилась на юго- и северо-восток. При этом строго на восток от Гомеля оставались нетронутые лесные пространства.

Несмотря на плотную заселенность и давнюю освоенность правобережья р. Сож, там тоже оставались районы, которых едва коснулась хозяйственная деятельность человека. К югу от Гомеля, между реками Сожем и Днепром, так и не сформировалась граница с Речицкой и Любечской волостями. Однако определенные территориальные изменения произошли. Так, согласно «Реестрам» 1526 г. гомельская территория имела выход к Днепру. Сведения же «Реестра» 1560 г. не дают подтверждения такой информации. Кроме того, можно думать, что земли некоторых гомельских сел (Марковичи, Дятловичи) заняли те пространства, которые в первой четверти XVI в. номинально числились за Любечем. Гомельская территория отодвинулась к югу не только в левобережье Сожа, но и на правой его стороне.

В целом можно утверждать, что территория Гомельской земли вернулась в состав ВКЛ без изменений в той части, где были границы с московскими владениями. Новые земли Гомельского уезда (о них см. ниже) были попросту отняты от прекратившей свое существование административной единицы. В тех же районах, которые были в соседстве с землями ВКЛ (Любечская, Речицкая и др. волости), территориальные приобретения были приняты и закреплены в составе образованного Гомельского староства. К моменту ревизии 1560 г. наблюдается частичное соответствие территории Гомельской волости конца XV в. и Гомельского староства середины XVI в., но лишь в соседстве с московскими границами.

Глава 4.

ГОМЕЛЬСКИЙ УЕЗД К НАЧАЛУ ЛИТОВСКО-МОСКОВСКОЙ ВОЙНЫ 1534-1537 гг.

Формирование Гомельского уезда в составе Великого княжества Московского происходило фактически на протяжении всего времени московского господства.
- Уже в 1500 г. в ходе московского наступления на земли ВКЛ были заняты не только Гомель и его волость, но и территории к западу и северу от города, ему до того не принадлежавшие. В 1504 г. была осуществлена попытка отодвинуть границу до р. Днепр, включив в московские пределы горвольские и речицкие земли. Возможно, «рубеж по Днепр» сохранялся до 1511 г. Тогда с литовской стороны было выражено стремление прислать своих уполномоченных и призвать московских представителей, которые вместе «сьехався, управу учинят и виноватых казнят, а пограничным местом рубежи покладут»[1].

Вероятно, вскоре после заключения московско-литовского договора о вечном мире 1508 г. князь Василий Семенович «привернул» к Стародубу волости Олучичи, Маслов десяток и Крюков десяток (подробнее об этом см. ниже). Дань с волостей платилась двум государствам («а дань давали князю Василью и в королеву сторону»)[2].

В 1524-1527 гг. на всем протяжении гомельского участка границы осуществлялись захваты и грабежи территории ВКЛ с московской стороны и ответные нападения с литовской. Все поднепровские волости испытали московское давление, и, очевидно, в связи с этим к концу марта 1527 г. был составлен специальный «Список о порубежных землях и о жалобах», в котором четко отделялись друг от друга московские и литовские владения. При этом в отношении того, что «перешло в сторону великого князя [московского], по перемирной грамоте» было обозначено территориальное подчинение, существовавшее до 1500 г.

[1] СИРИО. Т. 35. № 84. С. 495^(96.
[2] Там же. № 101. С. 728-729.

В 1529-1530 гг. ситуация повторилась. При этом наступление велось уже и на земли с правой стороны р. Сож. Наместники Стародуба и Гомеля «воевали засожские села и привернули их к Гомелю»[3]. Активные переговоры о высылке людей для «поправенья» границ так и не привели к реальной демаркации ее на местности. Представители литовской и московской сторон «на рубеже» так и не встретились.

В грамоте от имени Василия III, отправленной 7 мая 1531 г. из Москвы, королю Сигизмунду было заявлено, что не «наши люди вступаютца в твои земли», а «твои люди вступаютца в наши земли и воды»[4]. Выясняется, что московскими в это время считались не только спорные волости Лучитцкая (Олучичи), Маслов и Крюков десятки, но и значительное число чечерских и пропойских сел, примыкавших к левой стороне р. Сож к северу от московских приобретений 1500 г. (села Волосовичи, Полесье и др.). Следовательно, уже до начала 1531 г. московские владения придвинулись к р. Сож.

В 1532 г. попытки упрочить свое положение в спорных волостях и селах осуществлялись обеими сторонами. С московской стороны активно действовал гомельский наместник Федор Плещеев, а с литовской - речицкий державца пан Семен Полозович (Сенка Полозов)[5], чечерский и пропойский державца князь Федор Вишневский (Вишневецкий)[6]. Люди последнего проникали довольно далеко в гомельские земли, грабили села Юрковичи, Бобовичи и Данилковичи[7].

Летом 1534 г. началась литовско-московская война, которую принято называть Стародубской[8]. Стародубское направление действительно было главным в военных операциях войск ВКЛ, однако только по отношению к Гомелю удалось достичь реальных результатов[9]. Несмотря на успех похода литовского гетмана Юрия Радзивилла на Гомель и Стародуб в 1535 г., московские войска уже зимой 1536 г. без боя освободили почти всю Северщину[10]. В других районах военных действий ВКЛ также потеряло

[3] Там же. № 105. С. 789-790.

[4] Там же. № 109. С. 838; Ш. Кл. 5. № 99. С. 133-134.

[5] Семен Полозович был речицким державцей в 1522-1532 гг. (LM. Кп. 224 (1522-1530). V., 1997. № 383. Р. 319; LM. Кп. 15. № 13. Р. 60; *Boniecki A.* Poczet rodów w Wielkim Ksigtwic Litewskim. S. XXXVIII, 251, 252).

[6] Князь Федор Михайлович Вишневский (Вишневецкий) являлся чечерским и пропойским державцей (старостой) в 1524-1533 гг. (LM. Кп. 224 (1522-1530). № 374. Р. 311; LM. Кп. 225 (1528-1547). V, 1995. № 86. Р. 73; 116. Р. 91; № 253. Р. 182; *Boniecki A.* Poczet rodów w Wielkim Ksigtwic Litewskim. S. XXVII, XXXVII, 368; *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy. S. 553-554).

[7] СИРИО. Т. 35. №112. С. 861.

[8] *Кром М. М.* Стародубская война (1534-1537 гг.) // ОФР. М., 1999. Вып. 3. С. 85-148.

[9] Там же. С. 139.

[10] Уже весной 1536 г. началось восстановление крепости Стародуба (Там же. С. 142).

инициативу: с московской стороны были поставлены три крепости (Иван город на Себеже, Заволочье и Велиж), которые прочно прикрыли границы России. В таких условиях в начале 1536 г. в Москве начались переговоры. Одним из основных вопросов, решавшихся в ходе переговоров, было определение принадлежности Гомеля и его территории. В итоге литовская делегация в условиях сильнейшего давления со стороны московских бояр сумела отстоять всю Гомельскую землю вместе с присоединенными к ней на правобережье Сожа территориями (подробно об этом см. ниже).

Итак, на протяжении первой трети XVI в. Гомельская земля испытывала постоянные территориальные изменения. Характерно, что состав формирующегося Гомельского уезда так и не устоялся. Чрезвычайно трудно определить территориальную принадлежность волостей Маслов десяток, Крюков десяток и Олучичи[11]. В те периоды, когда они подчинялись московской власти, можно столкнуться с подчинением их как Гомелю, так и Стародубу. Какое-то время, пока существовало удельное Стародубское княжество (включавшее в свой состав кроме Гомеля еще и Попову Гору, Дроков, Почеп и Мглин), кажется, не имело особого значения четкое разделение территорий между тем или иным административным центром. Все принадлежало одному владельцу. Часто в ответных жалобах и претензиях московской стороны стародубские и гомельские волости и села записывались единым списком, так что отделить их друг от друга невозможно («А именно вступаютца в волости и села стародубские и гомельские села: в Уваровичи, в Телешовичи..» и т. д.)[12]. Случалось, что к некоторым волостям и селам, относительно которых существует убеждение в их гомельской принадлежности, употреблялось прилагательное «стародубские» («...вступаютца твои люди в наши волости в Стародубские в Маслов десяток, да в Крюков десяток, да в Лучитцкую волость»)[13]. Однако эти указания не могут быть приняты в качестве прямого утверждения. Прежде всего, Стародуб оставался главным городом в регионе, так что привязанность к нему всех административно-территориальных единиц бывшего удельного княжества выглядит вполне естественно. По сути, даже сам город Гомель мог быть назван стародубским. Затем, уже в ходе переговоров 1537 г., московской стороне было выгодно представить многие гомельские волости и села именно стародубскими, чтобы отспорить их у ВКЛ.

[11]Видимо, впервые центр волости Олучичи упоминается в «листе безмытном», выданном 4 марта 1488 г. менскому мещанину Луке Тсрешковичу. В документе между Рогачсвом и Стрешиным назван Лучин (LM. Кп. 4 (1479-1491). № 138. Р. 146).

[12] СИРИО. Т. 35. № 109. С. 838.

[13] Там же. № 100. С. 708-709.

При этом не следует умалять статус Гомеля - он так же, как и Стародуб, считался городом с волостями, в отличие от городов Поповой Горы, Мглина и Дрокова - просто волостных центров. Для Гомеля характерно перечисление принадлежащих ему сел в качестве волостей («Гомель с волостми, да волости Бабичи, Светиловичи, Голодна...» и т. д.)[14]. В этом следует видеть стремление к наделению Гомеля большим значением, нежели стоящие рядом города Попова Гора, Мглин и Дроков.

Еще одна характерная деталь по отношению к Гомельской земле - это почти совершенное отсутствие упоминания в источниках исконных гомельских поселений (принадлежавших Гомелю до 1500 г.). Так, на страницы посольских книг попали только те волости и села, которые являлись недавними присоединениями к Гомелю. Из большого количества собственно гомельских сел, возможно, только три (Юрковичи, Бобовичи и Данилковичи) были названы в связи с тем, что являлись объектами нападений литовской стороны.

Обозначение территорий, занятых Москвой в первой трети XVI в. и отведенных к Гомелю и Стародубу, - задача довольно простая. Проблемы возникают при непосредственном определении местоположения некоторых волостей и сел и размежевании стародубских и гомельских земель друг от друга.

Присоединенные к Гомельской волости в 1500-1535 гг. волости и села условно можно разделить на три категории: 1) те, что были отторгнуты от соседних с Гомелем территориальных единиц и на время перемирий признаны за Москвой (1500 г.), 2) те, что были упущены из виду составителями договорных грамот и потом силой удержаны Москвой (после 1508 г.) и 3) те, что были заняты на короткий срок, но ввиду отсутствия какого бы то ни было на них права московской стороны возвращены в состав ВКЛ (1504-1511 гг., до 1531 г.).

Как уже было выяснено, в 1500 г. кроме Гомельской волости к Великому княжеству Московскому были присоединены два массива земель: первый состоял из сел разных волостей (Чечерской, Горвольской и Стрешинской), второй же включал только чечерские села. Друг от друга они были отделены территорией на правом берегу р. Сож в районе ее притока Липы.

Список отрезанных от своих волостей сел последовательно воспроизводился во всех московско-литовских договорах первой трети XVI в. Причем делалось это еще и с той целью, чтобы обозначить линию московско-литовской границы. Села первого массива земель примыкали к Гомельской волости с запада и растягивались вдоль всей границы. Второй массив

[14] Там же. № 6. С. 102.

земель (к северу от Гомеля) заполнял пространство между рекой Сож и ее левым притоком Беседью. Здесь граница определялась, видимо, рекой Сож (к северу от устья Липы) и землями некоторых сел. Не все села северного массива земель были пограничными. Возможно также, что в данном регионе образовалась чересполосица литовских и московских владений, а граница по р. Сож нарушалась переходом на московскую (левую) сторону чечерского села Оношковичи (современная деревня Оношки)[15], а на литовскую (правую) сторону московского села Скарбовичи (если отождествлять его с современными Себровичами, что маловероятно).

В дальнейшем территория Гомельской земли развивалась в тех же двух направлениях (западном и северном), что были обозначены московским наступлением 1500 г.

Рассмотрим сначала развитие гомельской территории в западном направлении.

В московско-литовских договорах 1503,1508,1522,1527 гг. отдельным блоком перечислены следующие села: Уваровичи, Телешевичи (Телешовичи), Тереничи, Кошелев Лес, Морозовичи, Липиничи, Скарбовичи, Залесье (Залесе), Бабичи, Светиловичи (Святиловичи), Голодно, Лапичи, Полешане (Полшане)[16]. Договор о перемирии 1537 г. оставил в московской стороне «волости» Зелесье, Бабичи, Светиловичи, Голодно, Скарбовичи, Лапичи'[7], то есть те села, которые располагались за Сожем в контакте с оставшимися у Москвы землями. Соответственно, остальные села, очевидно, все находившиеся к западу от Гомельской волости, возвратились в состав ВКЛ. Они тоже названы в грамоте 1537 г.: Уваровичи, Телешовичи, Тереничи, Кошелев Лес, Морозовичи, Липиничи, Полшане[18]. Именно эти села стали первым присоединением к формирующемуся Гомельскому уезду. Большинство из них располагалось по берегам правых притоков Сожа Узы и Липы. Село Липиничи стояло чуть в стороне от р. Липы, хоть, очевидно, и получило от него свое название. Наконец, еще одно чечерское село- Полешане (Полшане) не поддается локализации. Кроме того, в среднем течении р. Узы на современной карте замечаем населенный пункт Лапичи[19], который принято отождествлять с одноименным селом XVI в.[20]

[15] Упомянуто в 1527 г. (СИРИО. Т. 35. № 102. С. 751).

[16]LM. Kn. 5. № 118.13. P. 210; LM. Kn. 8. № 80. P. 126;

[17]LM.Kn. 15. №164. P. 211.

[18]Там же. P. 212.

[19] Отмечен уже на карте Могилсвского наместничества 1786 г. (Атлас Российской империи, состоящий из 45 карт. СПб., 1792. Могилсвскос наместничество).

[20]*ШеламановаН. Б.* Образование западной части территории России. С.504,508. В связи с неверной локализацией Лапичей Н. Б. Шеламанова даже обосновывает существование клина вглубь гомельской территории.

Однако, безусловно, последнее нужно искать на левой стороне р. Сож, между сел, оставшихся у Москвы по договору 1537 г. Лапичи, кстати, не упоминаются в «Реестре» 1560 г., хотя западная территория Гомельского староства описана там очень подробно.

Таким образом, узкой полосой вдоль рек Уза и Липа в 1500 г. гомельская территория расширилась на запад, в направлении Днепра. Устойчивой границы в этом районе сформировано, видимо, не было: с московской стороны наблюдается упорное стремление довести свои владения до естественного природного рубежа, каковым являлась р. Днепр.

В начале лета 1504 г. королевский посол Матвей Кунцевич подал великому князю Ивану III список, «в которые волости и села великого князя люди вступаютца»[21]. Выясняется, что некоторые горвольские и речицкие села после заключения перемирия (начало апреля 1503 г.), но до времени составления списка (25 апреля 1504 г.) были «забраны» московской стороной. Селами распоряжался слуга князя Семена Ивановича Стародубского. На реке Днепр им был устроен ез (перегорода всей реки для ловли рыбы[22]).

Территория до Днепра, возможно, удерживалась под московской властью до 1511 г. Тогда к великому князю Василию III приехал от короля Сигизмунда еще один посол - дворянин Богдан Довгердов с грамотой, в которой излагались жалобы на захват тех же сел (все названы речицкими) князем Можайским (все тем же Семеном Ивановичем Стародубским, сыном князя Ивана Андреевича, владевшего некогда Можайском)[23]. В этот раз было прямо замечено желание московской стороны устроить границу по р. Днепр («чинит себе рубеж по Днепр»)[24]. Правда, определение мест захваченных сел показывает, что московская власть распространилась и на правый берег этой реки.

Горвольские села Чоботовичи, Буцони, Засовье, Келскевичи и Чорный[25] обнаруживаются точно к западу от того участка территории, который был присоединен к Гомелю в 1500 г. Современные населенные пункты Чеботовичи, Бацунь, Черное с левой стороны Днепра, напротив своего волостного центра Горволя, несомненно, соответствуют селам XVI в.[26] Все они упомина-

[21] СИРИО. Т. 35. № 80. С. 469.

[22] *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893. Т. 1. Стб. 821; *ДальВ. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1995. С Т. 1..517.

[23] СИРИО. Т. 35. № 84. С. 495.

[24] Там же.

[25] В 1511 г. фигурируют как речицкие села Засуев, Гоботовичи, Калсксвичи, Бацуни и Чорныс (СИРИО. Т. 35. № 84. С. 495). Их названия, безусловно, искажены.

[26] Н. Б. Шсламанова не смогла обнаружить села Засовье и Буцони *(Шеламанова Н. Б.* Образование западной части территории России. С. 502).

ются в «Реестре» 1560 г. Там же названы еще два села: Кольскевичи (Скольскевичи), находившиеся между Тереничами, Чоботовичами и Черными, и Засовье[27]. Сейчас оба села не существуют, но фольварок Засовье на карте генерального межевания, а также Старое и Новое Засовье на карте-трехверстке 1860 г. еще отмечены чуть западнее Чеботовичей[28].

В 1504 г. речицких сел было названо только три: Кисловичи, Босатковичи, Лемешевичи; в 1511 г. к ним добавили Агирево, Заспу и Борки. Лемешевичи записаны Левошевичами, что позволяет отождествить их с современным населенным пунктом Леваши у правого берега р. Днепр ниже Речицы. Места Кисловичей и Босатковичей (Батковичей), к сожалению, не определяются. Агирево, видимо, соответствует современной деревне Гирово (на север от Речицы, но на другой, левой, стороне р. Днепр). Заспа - это, несомненно, предок современной деревни с тем же названием (в стороне от правого берега р. Днепр, между Речицей и Левашами). Наконец, Борки можно отождествить с современным Борховом (на восток от Речичы, сравнительно далеко за Днепром).

Таким образом, широкая полоса земель, примерно от устья р. Березины и истока Узы на севере до известных уже Колодчичей и Михалкова[29] на юге, была включена в состав московских владений и, очевидно, отнесена к Гомелю. Как видим, не только левобережье, но и правый берег Днепра стал осваиваться московской властью (села Левошевичи и Заспа).

Необходимо еще заметить, что в 1527 г. все горвольские и речицкие села, в 1511 г. находившиеся под московской властью, в «Списке о порубежных землях и о жалобах» были причислены в сторону «великого короля»[30]. Неизвестно, находились ли вплоть до этого времени все земли до Днепра в московском управлении, но претензии на них явно существовали, почему и был составлен указанный выше акт.

8 августа 1529 г. литовские послы Матвей Янович и Василий Чиж рассказали великому князю московскому Василию III о действиях гомельского наместника, который разорял села Речицкой волости, приводил оттуда в Гомель семьи и брал за пленных выкуп («и многие пенези с них побрали»). Затем этот же наместник снова повоевал засожские речицкие села, посадил в тюрьму

[27] АВАК. Т. 13. № 100. С. 365, 376. Села Чоботовичи, Засовье, Кольскевичи и Черные принадлежали панам Василию и Андрею Халсцким, род которых владел Гомельскими землями уже с первой половины XV в.

[28] Генерального плана Бслицкого уезда часть 1 -я / Генеральное межевание Могилсвской губернии. 1784;

[29] Упомянуто в 1526 г. (СИРИО. Т. 35. № 102. С. 752).

[30] СИРИО. Т. 35. № 102. С. 752. Горвольские села: Буцуничи, Чобот, Засовье, Бокиниш, Корскевичи, Чорные; речицкие села: Батковичи, Кисловичи, Левошевичи. Среди «заходов» Речицы названы Борхов и Гиреев, которые, очевидно, соответствуют Боркам и Агиреву.

местного старосту, а людям тех сел приказал «к городу Речитцкому не ходите», и «привернули» их к Гомелю[31]. Таким образом, попытки закрепиться на доднепровской территории (за Сожем, то есть до Днепра) не были оставлены московской стороной. В конце 1532 г. стародубский наместник князь Федор Васильевич Телепнев-Оболенский получил письмо от гомельского наместника Федора Плещеева о нападении со стороны Речицы и разорении Гомельского уезда («по самый город Гомевъ повоевали»)[32]. Очевидно, к этому времени речицкие земли к востоку от Днепра были отвоеваны литовской стороной. В регионе стало преобладать влияние властей ВКЛ, которые начали оказывать давление на территорию, прилегающую к Гомелю.

В 1527 г. упоминаются также стрешинские села, являвшиеся объектами притязаний московской стороны. Еленци (совр. Еленец), Губичи, Скепно (совр. Скепня) и Пыреевичи (совр. Пиревичи) - все размещались с левой стороны р. Днепр напротив Стрешина и заполняли пространство к востоку до истоков рек Уза и Липа, где с 1500 г. были московские владения.

Левобережные по отношению к Днепру земли волостей Стрешина и Горволя вошли в состав образованного в 1535 г. староства. Только речицкие села остались в подчинении своего центра и Липиничи, в 1527 г. заявленные в совместном московско-литовском владении (по половинам) были возвращены в состав Чечерской волости (граница последней, очевидно, вернулась к р. Липе)[33].

Таким образом, московская граница имела тенденцию к установлению от верховья р. Липы к Днепру и вдоль последнего (с заходом в некоторых местах на правую сторону) до территории Любечской волости. С 1500 по 1508 г. Любеч находился в составе Великого княжества Московского, и, таким образом, Москва контролировала течение р. Днепр, а также важнейшую сухопутную дорогу на Киев и в глубину ВКЛ. По словам К. В. Базилевича, «с присоединением Любеча была перерезана Днепровская водная магистраль, имевшая первостепенное значение в экономической жизни русских и литовских земель. К Москве отошла почти на всем протяжении сухопутная дорога на Киев через Брянск, Радогощь и Новгород-Северский, что, несомненно, укрепляло экономические связи с правобережьем Днепра и облегчало торговые сношения с Крымом через Киев»[34].

[31] СИРИО. Т. 35. № 105. С. 789-790.

[32] LM.Kn. 15. №177. С. 227.

[33] В «Реестре» 1560 г. не было также упомянуто село Дуровичи, которое находилось на правой стороне р. Липы. Вернулось ли оно в состав Чечерской волости и перешла ли в связи с этим се граница южнее р. Липы - неизвестно.

[34] *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. С.520-521.

Очевидно, контроль над Днепром мог осуществляться только в том случае, если оба его берега принадлежали Москве. В период владения Любечем так и было. Кроме того, важным было владение устьем р. Сож. Впрочем, и после потери Любеча в 1508 г. часть нижнего течения Сожа оставалась на московской территории (Гомель), но потеря выхода к Днепру была ощутима. Поэтому стремление достигнуть Днепра и занять его оба берега имело для Москвы огромное стратегическое значение. Как выяснилось, это было достигнуто уже между апрелем 1503 г. и апрелем 1504 г. Тогда в состав Гомельского уезда были приняты территории до Днепра (за счет Горвольской и Речицкой волостей), заняты некоторые села на правом его берегу, а сама река перегорожена деревянным частоколом (езом). Выход к Днепру сохранялся и после потери Любеча в 1508 г. Представляется в связи с этим, что утрата Москвой Гомельской земли в 1535 г. стала концом московского доминирования в значительном регионе. Великое княжество Московское лишилось здесь выхода к Днепру, и, кроме того, течение реки Сож также становилось свободным для использования жителями ВКЛ (некоторое время еще сохранялось соседство московской территории с Сожем в районе Чечерска).

Стремление достигнуть и закрепить за собой территории, примыкающие к естественным природным рубежам (крупным рекам), было характерным для московских властей и в направлении к северу от Гомеля. Борьба велась за земли, примыкающие с левой стороны к реке Сож.

В 1500 г. вместе с Гомелем московскими войсками была занята территория от устья р. Беседь к северу вдоль р. Сож до г. Чечерска и даже за него. О распространении московских владений вдоль Сожа дальше Чечерска свидетельствует следующий факт.

Севернее Чечерска находилось село Туришчевичи (совр. Турищевичи), утвержденное в 1510 г. за Костей Пишчиковичем[35]. К селу относились земли не только на правой стороне р. Сож, где оно и стояло, но и на противоположной стороне реки. Но к 1510 г. «того села земли много отошло за Сожь, в сторону великого князя московъского»[36]. Произошло это, видимо, еще в 1500 г.

По перемирию 1503 г. села к востоку от реки Сож Скарбовичи, Залесье, Бабичи, Светиловичи, Голодно, Лапичи были закреплены за Москвой[37]. За исключением Скарбовичей и Лапичей, все остальные населенные пункты уверенно локализуются между рекой Сож и ее притоком Беседью. Скарбовичи лишь с малой долей вероятности можно отождествить с известными

[35] Ш. Кп. 8. № 537. С. 387-388.

[36] Там же. С. 387. Костя Пишчикович получал также право на владение островом Бардыжем, который можно связать с речкой Бсрдыжкой и д. Бсрдыж у правого берега р. Сож, южнее Чечерска.

[37] Ibid. Кп. 5. № 118.13. P. 210; LM. Кп. 8. № 80. P. **126;**

уже с XVI в. Себровичами[38]. Залесье находилось недалеко от Чечерска, на противоположной стороне р. Сож; Бабичи - посредине между реками Сож и Беседь, у берега еще одного притока Сожа - Покоти. Светиловичи и Голодно стояли у правого берега р. Беседь, причем последнее село - недалеко от устья этой реки[39]. Таким образом, места локализованных поселений по периметру охватывали часть территории Чечерской волости, с 1500 г. присоединенную к Гомелю. Есть вероятность того, что новые московские владения заходили в этом районе на правую сторону р. Сож. Согласно Инвентарю Чечерского староства 1704 г. к Залесью относился отдельный массив земель («osobliwa służba»), занимавший территорию на противоположной от села стороне Сожа вплоть до р. Чечеры и вниз по ней до Сожа, то есть вплотную подходил к г. Чечерску[40]. Также чечерские земли могли остаться на левом берегу, вклиниваясь между теперь уже московскими владениями.

Возможно, на «московской» стороне Сожа у самого берега стояло чечерское село Оношковичи, которое с некоторой степенью достоверности можно связать с современной деревней Оношки, отмеченной также на картах XVIII-XIX в.[41] Если локализация верна, то к северу от Оношковичей оказывалось московское село Залесье, а к востоку и северо-востоку - чечерские же села Пукличи (совр. Кукличи) и Навилавка (совр. Новиловка). Оношковичи, таким образом, были с трех сторон окружены московскими землями, если, конечно, Залесье не являлось московским эксклавом.

Вернемся к «Списку о порубежных землях и о жалобах» 1527 г. В нем заключен уникальный перечень пограничных сел («села, которые по рубежу сидят») с указанием их административной принадлежности. Цель составления «Списка» очевидна: показать «во што ся не вступати великому князю по перемирным грамотам»[42]. При этом и по отношению к тем селам, которые по перемирию были закреплены за московской стороной, указывается центр их прошлого подчинения. Именно из «Списка» 1527 г. становится известно, к каким волостям относились те или иные села, перешедшие на рубеже XV-XVI вв. в состав Великого княжества Московского. Представляется, что рассматриваемый документ составлен На основании

[38] Находятся рядом с правым берегом р. Сож, южнее Чечерска (*Спірыдонаў М. Ф.* Беларусь у другой паловс XVI ст. // Нацыянальны Атлас Беларусі. С. 267).

[39] С 1924 г. деревня Голодная (Голодное) стала называться Новоивановкой. В начале XX в. бытовали оба названия (*Рогалев А. Ф.* Топонимический словарь Встковского района. С. 48, 107).

[40] Историко-юридичсскис материалы. С. 18.

[41] Рогачсвской округ // Атлас, состоящий из 12 окружных и 1 генеральной карты; Военно-топографическая карта: Могилсвская губерния. Ряд 17. Л. 9. В Инвентарях Чечерского староства конца XVII - первой четверти XVIII в. Оношковичи не упоминаются. На карте генерального межевания - околица Оношки (Генерального плана Рогачсвского уезда часть 5-я).

[42] СИРИО. Т. 35. № 102. С. 751.

данных, предоставленных непосредственно наместниками из пограничных регионов, и его информации можно доверять. Значение «Списка» 1527 г. приближается к «Реестрам» 1526 г. Оба источника, по сути, определяют границы, где-то путем описания ее протяженности, а где-то с помощью фиксирования приграничных населенных пунктов.

Меньше заслуживают доверия встречающиеся в посольских книгах указания на то или иное административное подчинение некоторых волостей и сел. Они подвержены сознательным искажениям или же вовсе составлены без знания реального положения на местах. Так, например, в ходе переговоров 1537 г. села Залесье и др. из северного массива земель, присоединенные в 1500 г. к Гомелю, один раз названы чечерскими и пропойскими, а другой - чечерскими и кричевскими[43]. Между тем, согласно «Списку» 1527 г., все они являлись чечерскими. Московская сторона никогда не отрицала былой принадлежности большого числа своих поселений тем центрам, которые остались в составе ВКЛ, но постоянно ссылалась на тот факт, что они были «писаны в великого князя сторону в перемирных грамотах»[44]. Эти захваты после включения их в перемирные грамоты в московскую же сторону приобретали законное основание. Хотя территориальные уступки и делались на недолгое время перемирия, но затем, не имея силовых аргументов, властям ВКЛ было крайне сложно вернуть свои прежние владения.

Для московско-литовских договоров была характерна определенная традиционность. Утвержденный список владений, раз отразившись в документе, уже весьма сложно было изменить при составлении нового договора. В 1537 г. в специальной выписи, предоставленной московскими боярами литовским послам в числе гомельских «волостей» северного массива земель, были названы до этого не упоминавшиеся села Железниковичи, Уховичи, Волковичи. Последний населенный пункт локализовать не удалось, а Железниковичи (совр. Железники)[45] и Уховичи (совр. Ухово) находились соответственно у правого берега р. Беседь и недалеко от левого берега р. Сож. Оба села хорошо вписываются в окружающую территорию, с 1500 г. подчиненную Гомелю. Однако в списки перемирной грамоты они не были внесены. При этом в ходе переговоров 1537 г. волости Маслов десяток, Крюков десяток и Олучичи было прямо решено «не писати ни в одну сторону», так как до этого они управлялись совместно «и на великого князя и на короля, кто силнее держит»[46].

[43] СИРИО. Т. 59. № 6. С. 103.105.

[44] Там же. № 6. С. 102 и др.

[45]На юго-восточной окраине деревни выявлены городище и селище эпохи Киевской Руси (Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі: Гомельская вобласць. С. 122; Гарады і вёскі Беларусі: Энцыклапедыя. Кн. 1. С. 217; *РогалевА. Ф.* Топонимический словарь Ветковского района. С. 49).

[46] СИРИО. Т. 59. № 6. С. 105.

В итоге тексты всех московско-литовских договоров первой трети XVI в. представляли собой кальки один другого с некоторыми нюансами, касающимися территориальных изменений (например, после присоединения к Москве Смоленской земли) или статусов некоторых населенных пунктов (например, в 1503 г. Мозырь представлен как волость, а уже в 1508 г. как город с волостями) (табл. 1). Даже в грамоте 1537 г. в списочный состав городов, волостей и сел изменения или добавления внесены не были. Гомель в этот раз был отнесен в противоположную сторону, к владениям короля Сигизмунда Старого, сохранил за собой часть приписанных в 1500 г. сел, а другая их часть осталась у Москвы и была записана в качестве волостей Поповой Горы[47]. Никаких изменений или добавлений в список относившихся к Гомелю волостей и сел внесено не было, хотя, очевидно, восстановленная московско-литовская граница требовала какого-то определения.

Табл. 2. Изменение административно-территориального состава восточной окраины ВКЛ в первой трети XVI в.

Грамота 1503 г.	в литовской стороне	«...города Житомира з волостьми, города Вручья з волостьми, волостей: Мозыра, Пчыча, Брагиня, Речыцы, Горволя, Стрешына, Чечерска, Пропоиска, Могилева, города Мстиславля з волостьми, города Крычева з волостьми...»[48]
	в московской стороне	«...города Чернигова зъ волостьми, города Стародуба з волостьми, города Путивля з волостьми, города Рыльска з волостьми, города Новгородка Северъского з волостьми, города Гомъя з волостми, города Любеча з волостьми, города Почопа з волостми, города Трубецка з волостми, города Радогоща з волостьми, города Бранска з волостьми, да волостей: Карачова, Хотимля, Попопы Горы, Мъглина, Дрокова и сел: Уваровичъ, Телешевичъ, Тереничъ, Кошелева Леса, Морозовичъ, Липиничъ, Скарбовичъ, Залесья, Бабичъ, Светиловичъ, Голодна, Лаиичъ, Полешанъ.. ,»[49]
Грамота 1508 г.	в литовской стороне	«...в городъ в Житомир з волостми, в город Вручай з волостми, в город в Любечъ з волостми, в город в Туровъ з волостми, в городъ въ Мозыр з волостми, и въ волости ваши, во Бчич, в Брягин, в Речицу, в Горволь, в Стрешино, в Чичерескъ, в Пропоескъ, в город Могилевъ з волостми, в город в Кричовъ з волостми...»[50]

[47] LM. Kn. 15. № 164. P. 211,212.
[48] Kn. 5. № 118.13. P. 209.
[49] Ibid. P. 210.
[50] Kn. 8. № 80. P. 125.

Продолжение табл. 2

Грамота 1508 г	в московской стороне	«.. .в город в Рылескъ с волостми, в город Путивль с волостми, в город в Радогощъ с волостми, в город в Черниговъ с волостми, в городъ въ Стародубъ с волостми, в городъ в Почебъ з волостми, в город в Гомеи з волостми, в город в Попову Гору зъ волостми, в Карачевъ, в Хотимль, в Сновескъ, в Хороборь, во Мглинъ, Дроковъ, и в села, в Уваровичи, в Телешовичи, в Тереничи, в Кошелевъ лесъ, в Морозовичи, в Липичичи, в Скарбовичи, в Залесе, в Бабичи, в Светиловичи, в Голодно, в Лапичи, в Полешане...»"
Грамота 1522 г.	в литовской стороне	«...города Житомира зъ волостьми, города Вручья зъ волостьми, города Любеча зъ волостьми, города Турова зъ волостьми, города Мозыра зъ волостьми, да волостей Бчича, Брегиня, Речицы, Горволя, Стрешина, Чичереска, Пропойска, Могилева, города Мстиславля зъ волостьми, и волости Хотславичь, города Кричова зъ волостьми...»"
	в московской стороне	«...города Рыльска зъ волостьми, города Путивля зъ волостьми, города Новгородка Сиверского зъ волостьми, города Радогоща зъ волостьми, города Чернигова зъ волостьми, города Стародуба зъ волостьми, города Почепа зъ волостьми, города Гомья зъ волостьми, города Поповы Горы зъ волостьми, города Карачева зъ волостьми, и волостей Хотимля, Сновска, Хоробора, Мглина, Дрокова, и селъ Уваровичъ, Телешевичъ, Тереничъ, Кошелева леса, Морозовичъ, Липиничъ, Скарбовичъ, Залесья, Бабичъ, Светиловичь, Голодна, Лапичъ, Полешанъ...»[53]
Грамота 1526 г.	в литовской стороне	«.. .города Житомира с волостьми, города Вручья с волостми, города Любича с волостьми, города Турова с волостьми, города Мозыра с волостьми да волости Бчыча, Братина, Речыцы, Горволя, Стрешина, Чычеръска, Пропойска, Могилева, города Мстиславля с волостми и волостей Хотьславичъ; города Крычова с волостьми.. .»[54]
	в московской стороне	«...города Рылска с волостми, города Путивъля с волостми, города Новагородка с волостми, города Радо[го]ща с волостми, города Чернигова з волостми, города Стародуба с волостьми, города Почапа с волостьми, города Гомъя съ волостьми, города Поповъ Горы с волостьми, города Карачова с волостьми, и волостей Хотимъля, Сновска, Хоробора, Мглина, Дрокова, и сел Уваровичъ, Телешовичъ, Тереничъ, Кошелева леса, Морозовичъ, Липининъ, Скарбовичъ, Залеся, Бабич, Светиловичъ, Голодна, Лапичъ, Полшанъ»[55]

[51] Кп. 8. № 80. Р. 126.
[52] АЗР. Т. 2. 1506-1544. № 120. С. 148.
[53] Там же. № 120. С. 149.
[54] LM. Kn. 15. №156. Р. 200.
[55] Ibid. №156. С. 199.

Грамота 1537 г.	в литовской стороне	«...города Житомира з волостьми, города Вручоя с волостьми, города Любеча с волостьми, города Гомя с волостьми, и сел Уваровичъ, Телешовичъ, Тереничъ, Кошелева Лесу, Морозович, Липинич, Полшан, города Турова с волостьми, города Мозыра с волостьми до волостей Пчыча, Брагиня, Речыцы, Горволя, Стрешына, Чычерска, Пропоиска, Могилева, города Мъстиславля з волостьми и волостей Хотславич, города Крычева с волостми...»[56]
	в московской стороне	«...города Рылска с волостми; города Путивъля с волостьми; города Радогоща с волостми; города Черънигова с волостми; города Стародуба с волостьми; города Почепа с волостми; города Поповы Горы з волостми и волостей Залеся, Бабич, Светиловичъ, Голодни, Скарбовичъ, Лапичъ; города Карачева с волостми и волостей Хотимъля, Сновъска, Хо[ро]бора, Мглина, Дрокова; города Трубъчева с волостми...»[57]

Та часть сел, которая осталась с Гомелем, уже утратила пограничное положение, в то же время актуальность так называемых «волостей» в междуречье Сожа и Беседи сохранялась.

По перемирной грамоте 1537 г. и аналогичным ей договорам 1542,1549, 1553 и 1556 гг. район вокруг сел Залесье, Бабичи и др. непременно закреплялся за Москвой[58]. Текст Ям-Запольского перемирия 1582 г. претерпел существенные изменения, но только не в той части, которая касалась сел междуречья Сожа и Беседи, а в годы Смуты она в составе Стародубской земли отошла от России к Речи Посполитой (закреплена Деулинским перемирием 1618 г.). Таким образом, где-то в начале XVII в. земли между Сожем и Беседью вернулись в административное подчинение Чечерску. К моменту заключения Андросовского перемирия 1667 г. указанная территория прочно приросла к своему старому центру и в итоге не была отдана России. Ряд сел междуречья Сожа й Беседи назван в «Инвентаре староства Чечерского» 1680 г.: Онисимковичи, Волоси... (Волосовичи?), Полесье, Залесье, Речка, Струмене[59]. Из них в тот регион, который до конца XVI в. считался московским, попадают только Залесье и Речка (совр.

[56] Ibid. №164. P. 212.

[57] Ibid. P. 211.

[58] СИРИО. Т. 59. № 7. С. 126; № 10. С. 190; № 18. С. 302; № 27. С. 408; № 32. С. 511.

[59] НИАБ. Ф. 694. Оп. 4. Д. 888. Л. 30-30 об.

[60] Ограничение земель с. Речка в Инвентарях 1704 и 1726 гг. подтверждает точность локализации (Историко-юридичсские материалы. С. 21, 74).

Речки). Последняя стоит к северу от устья р. Беседи на притоке Сожа Неманке[60]. Между Неманкой и Беседью инвентарь 1704 г. описывает земли сел Плиски и Хлусы (в настоящее время не существуют)[61] и упоминает частновладельческие села Железники и Громыки (совр. Старые Громыки на берегу р. Беседь)[62]. К началу XVIII в. территория Чечерского староства распространилась на восток, за р. Беседь. Там появилось село Столбынь (совр. Столбун)[63]. Инвентарь 1726 г. также обозначил земли с. Светиловичи на противоположном, левом берегу р. Беседь[64]. Представляется, что уже в то время было заполнено пространство, вплотную приблизившее чечерские земли к линии современной российско-белорусской границы.

Итак, в 1667 г. московская граница снова приблизилась к гомельским землям и вскоре приобрела такую конфигурацию, которая просуществовала на протяжении длительного времени (в качестве границы Менского воеводства, Могилевского наместничества и Могилевской губернии) и стала основой на некоторых участках для формирования государственной границы БССР. На ранней карте М. Ф. Спиридонова «Беларусь у канцы XVI ст.»[65], район между Сожем и Беседью с обозначением сел Бабичи, Светиловичи, Железники и Голодно отнесен к территории России[66]. Однако на более поздней карте с таким же, по сути, названием и внутренним содержанием «Беларусь у другой палове XVI ст.» та же территория и те же села включены уже в состав ВКЛ[67]. Произошла ли тут какая-то ошибка или были выяснены новые факты, позволившие отнести

---

[61] На карте 1777 г. Хлусы отмечены на правом берегу р. Беседь южнее Свстиловичсй почти на месте д. Железники (Рогачсвской округ // Атлас, состоящий из 12 окружных и 1 генеральной карты).

[62] Инвентарь Чечерского староства 1704 года // Историко-юридичсскис материалы. С. 3, 19-20.

[63] Там же. С. 3, 18-19.

[64] Инвентарь Чечерского староства 1704 года // Историко-юридические материалы. С. 36.

[65] *Спірыдонаў М. Ф.* Беларусь у канцы XVI ст. // Энцыклапсдыя гісторыі Бсларусі: У 6 т. Т. 2. Мн., 1994. С. 394-395. Переиздана также в «Атласе гісторыі Бсларусі», являющимся приложением к 6-томной «Энцыклапсдыі гісторыі Бсларусі» *(Спірыдонаў М. Ф.* Беларусь у канцы XVI ст. // Атлас гісторыі Бсларусі ад старажытнасці да нашых дзен. С. 22-23). К монографии М. Ф. Спиридонова «Закрепощение крестьянства Беларуси», изданной в 1993 г. приложена карта, на которой район между Сожем и Беседью также отнесен к московской стороне, но населенных пунктов там не обозначено *(Спиридонов М. Ф.* Беларусь в конце XVI в. // Закрепощение крестьянства Беларуси (XV-XVI вв.). Мн., 1993. Приложение).

[66] *Спірыдонаў М. Ф.* Беларусь у канцы XVI ст. // Атлас гісторыі Беларусі ад старажытнасці да нашых дзен. С. 23. На отдельной карте Рсчицкого повета замечаем рассматриваемый регион в составе Великого княжества Литовского, что выдаст общую несогласованность между собой карт Атласа *(Спірыдонаў М. Ф.* Рэчыцкі павст у канцы XVI ст. // Атлас гісторыі Беларусі ад старажытнасці да нашых дзен. С. 42).

[67] *Спірыдонаў М. Ф.* Беларусь у другой палове XVI ст. // Нацыянальны Атлас Беларусь

междуречье Сожэ и Беседи к ВКЛ еще в середине XVI в. - неизвестно. Возможно, высокая военная активность на московско-литовской границе привела еще в ходе Ливонской войны или сразу после нее к занятию части московских владений. Сведения об этом могли и не войти в текст Ям-Запольского перемирия 1582 г. и последующих перемирий 1584, 1585, 1587, 1590, 1601 и 1608 гг. Возможно, М. Ф. Спиридонов нашел документы, подтверждающие принадлежность сел Бабичи, Светиловичи и т.д. во 2-й половине XVI в. к Чечерской волости и повету, а потому внес изменения в свою карту.

Другие чечерские села, соседние с рассмотренным только что регионом (Онисимковичи, Навилавка, Волосовичи, Струмень, Лугиничи, Пукличи, Орехвичи, половина Липинич, Оношковичи, Зеленово, Карповичи, Выстриганов), видимо, не случайно были перечислены в «Списке» 1527 г.[68] Уже тогда они привлекали внимание московских властей. И вот, в мае 1531 г. села Волосавичи, Ореховичи, Полесье, Онисимковичи, Струмень, Кукличи были представлены в послании великого князя Василия III королю Сигизмунду так, как будто люди последнего «вступаютца в наши [великого князя московского. - *В. Т.]* земли и в воды»[69]. Как видим, о перечисленных селах довольно уверенно заявлено как о московских владениях.

Однако список тех стародубских волостей и сел и гомельских сел, которые защищались от посягательств литовской стороны, был значительно обширнее. Блок чечерских сел шел вслед за рядом населенных пунктов, признанных за Москвой в 1503 г., а также волостями Масловым и Крюковым десятками. Впрочем, в него попало, вероятно, и одно нечечерское село - Полесье. Возможно, оно принадлежало Пропойской волости. В «Списке» 1527 г. его нет. Замыкают перечень села Виловка, Ярьковичи, Бобовичи, Данилковичи и Лучитская волость[70]. Среди них Виловка (совр. Вихолка?) и Бобовичи были определенно стародубскими, Ярьковичи (Юрковичи)[71] и Данилковичи - вероятно, гомельскими, а Лучитцкая волость (Олучичи) - совместного московско-литовского владения с неясным административным подчинением под московским управлением.

Определение местоположения объявленных в 1531 г. московскими чечерских сел показывает, что все они находились в пространстве между

[68] СИРИО. Т. 35. №102. С. 751.

[69] Там же. № 109. С. 838; LM. Kn. 15. №99. С. 133-134.

[70] СИРИО. Т. 35. № 109. С. 838; LM. Kn. 15. № 99. С. 134.

[71] 17 декабря 1531 г. к королю Сигизмунду было отправлено аналогичное, но дополненное послание, в котором было изменено написание Ярьковичей на Юрковичи (СИРИО. Т. 35. № ПО. С. 843).

рекой Беседью и ее правым притоком Колпитой на востоке и рекой Сожем на западе. Село Ореховичи не поддается локализации[72]; Волосавичи - это знакомые уже нам Волосовичи на р. Покоть (расположенные между Колпитой и Сожем); Полесье - то село на правом берегу Колпиты, которое (теперь уже очевидно) ошибочно принималось за Полешане[73]; Онисимковичи - современная деревня Нисимковичи на р. Покоть, южнее Волосовичей; Струмень, очевидно, соответствует населенному пункту с идентичным названием у левого берега р. Сож, севернее всех других чечерских сел; и, наконец, Кукличи - это явно современные Пукличи на восток от Чечерска за Сожем и совсем рядом с селом Залесье, вошедшим в состав Великого княжества Московского еще в 1500 г.

Необходимо также обратить внимание на перечень чечерских сел, приведенный в «Списке» 1527 г. Местоположение Орехвичей (в 1531 г. - Ореховичей), Зеленова, Карповичей, Выстриганова не определено, а Навилавка - это современная Новиловка на левом берегу р. Покоть к юго-востоку от Залесья (это свидетельствует об удаленности последнего от остальных московских владений); Лугиничи - село на р. Липе с правой стороны р. Сож; Липиничи- совместное московско-литовское владение тоже у р. Липы; Оношковичи - вероятно, Онощки у левого берега Сожа, южнее Заселья (поэтому вклинивалось в московские с 1500 г. земли). Также есть малая вероятность того, что Карповичи - это современный населенный пункт Павло-Карповский.

Таким образом, в северном по отношению к Гомелю регионе также отчетливо прослеживается стремление московской стороны установить границу по естественному природному рубежу, в данном случае - по р. Сож. Не все чечерские села, упоминаемые в 1527 г. и, как выяснилось, находящиеся на левой стороне Сожа, в 1531 г. были заявлены в качестве московских. Однако существует большая вероятность того, что и они были включены в состав московских владений. Село Навилавка оказывалось со всех сторон окруженным московскими селами, а Оношковичи отрезала от оставшегося у ВКЛ массива Чечерской волости болотистая местность.

Это подчинение, по-видимому, произошло до начала августа 1529 г. К 8 августа 1529 г. относится жалоба литовских послов Матвея Яновича и Василия Чижа, высказанная в Москве великому князю Василию III. По

[72]До 1974 г. в Сивенском сельсовете Встковского района Гомельской области существовал поселок Ореховка. Известен он и в начале XX в. {*Рогалев А. Ф.* Топонимический словарь Ветковского района. С. 111). Находился восточнее Сивинки, северо-западнее Демьянок и Березок. Однако расположение Ореховки очень отдалено от возможного места Ореховичей.

[73] В перечне 1531 г. названы как Полешане, так и Полесье (СИРИО. Т. 35. № 109. С. 838; №110. С. 843).

словам послов, люди великого князя московского из Гомеля и Стародуба неоднократно приходили войной на волости Горволь, Речицу, Пропойск, Чечерск, Кричев, Олучичи и другие, грабили, уводили пленных, и, наконец, «люди, села, земли и воды тых волостей» к своим городам «привернули»[74]. Кроме того, московские войска «войной звоевали и до конца выбрали» волость Обидовскую, принадлежавшую канцлеру Ольбрахту Гаштольду. Центр этой волости находился как раз к северо-западу от тех чечерских и иных сел, которые именно в это время, видимо, были присоединены к московским землям.

Господство Москвы над территориями к северу от Гомельского уезда и к западу от Поповогорской волости, видимо, было недолгим. После 1531г. претензий на них больше не выдвигалось. По-прежнему велась активная борьба за волости Маслов десяток, Крюков десяток и Олучичи, высказывались жалобы на грабеж сел Юрковичи, Бобовичи и Данилковичи[75], но села, захваченные в 1529 г., больше не упоминались.

Объединение в группу сел Юрковичи, Бобовичи и Данилковичи создает убеждение, что они находились рядом друг с другом и недалеко от границы, почему и подвергались опасности. Тем не менее, в отличие от некоторых других мест, литовская сторона никогда не пыталась привести в подчинение эти три села, их только грабили, убивали и уводили в плен их людей[76]. Нападения велись со стороны Чечерска и Пропойска (силами князя Федора Вишневецкого)[77], и села, очевидно, необходимо искать ближе к территории этих городов. Однако в Гомельской земле и по соседству с ней можно отыскать по паре сел с идентичными названиями, и твердо определиться, на какие из них шло нападение, пока затруднительно.

Очевидно, если велось одновременное наступление на район трех сел, определять их нужно с какой-то одной стороны такого значительного водного препятствия, каким являлась р. Сож. Три села с названиями Юрковичи, Бобовичи и Данилковичи могут быть связаны в группу с левой стороны р. Сож, от р. Ипуть к югу в район р. Цаты, притока Снова. Юрковичи, Бобовичи, Даниловичи (название последнего села идентично не полностью)

[74] Там же. №105. С. 789.

[75] Жалобы поступили весной 1531, осенью 1532, зимой 1534 гг. (СИРИО. Т. 35. № 109. С. 838; № 112. С. 861,866).

[76] Там же. №112. С. 861,866.

[77] Осуществлявший нападения князь Федор Вишневецкий (Вишневский), был чечерским и пропойским державцей в 1524-1533 гг. (Перапіс войска Вялікага княства Літоўскага 1528 г. Метрика Вялікага княства Літоўскага. Кн. 523. Кн. Публічных спраў 1. Мн., 2003. С. 149. Л. 201; *Boniecki A.* Poczet rodów w Wielkim Ksigtwie Litewskim. S. 368; *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy. S. 553).

известны с левой стороны Сожа, вблизи этой реки, но при этом Бобовичи отдалены на юг, за город Гомель. Возможно, приоритет остается все-таки за второй группой сел, так как в источнике они названы гомельскими[78], а в первой группе Бобовичи являлись стародубским селом. Однако окончательный вывод делать пока не стоит.

Итак, Юрковичи, Бобовичи и Данилковичи принадлежали к числу московских владений с 1500 г. Интересной исторической загадкой выглядит определение мест волостей Маслов десяток, Крюков десяток и Олучичи. Не ясны ни время их присоединения к Великому княжеству Московскому, ни место нахождения, ни административная принадлежность уже в московской системе территориального устройства.

У самого берега р. Сож находилось уже знакомое нам село Залесье (около него, согласно источнику, «нижей города [Чичерска] 3 версты Сож возитца»[79]), присоединенное к Гомелю из состава Чечерской волости[80]. В 1534 г. в уникальном документе («Описание дорог из Минска на Северщину») оно названо Гомельским в Масловом десятке[81]. Можно сделать вывод, что волость Маслов десяток приняла в свой состав одно из чечерских сел. В связи с этим можно высказать предположение, что еще два поселения (Навилавка и Оношковичи), не названные в числе сел, присоединенных к московским владениям до 1531 г. (см. выше), также были приняты в состав волости. Все три села размещались рядом в районе слияния рек Сожа и Покоти. В упоминавшемся уже письме великого князя Василия III 1531 г. заявлено о том, что люди короля Сигизмунда вступаются «в села Гомеиские Маслова десятька и Крукова десятка»[82]. Таким образом, административно-территориальная принадлежность обеих волостей Гомелю выражена прямо и определенно.

Представляется, что Маслов и Крюков десятки - новообразования московского времени. В районе Гомеля никаких похожих по названию на Маслов и Крюков топонимов отыскать не удается. Также тщетно искать там остатки какого-то древнего административного устройства (десятичное деление характерно, например, для некоторых регионов Северно-Западной Руси). Упоминание в посольских книгах детей боярских Левы и Ондрейца Масловых[83], а также тот факт, что к Маслову десятку принадлежало село

[78] СИРИО. Т. 35. № 112. С. 861; LM. Кп. 15. № 177. С. 227.

[79] Радзивилловскис акты. № 18. С. 71.

[80] СИРИО. Т. 35. № 102. С. 752.

[81] Радзивилловскис акты. № 18. С. 71.

[82] LM. Кл. 15. №99. С. 134.

[83] «А ныне на сей земле Федор Вишневской прислал своих людей в наших детей боярских поместья в гомельские, в Лсвино да в Ондрсйцово Масловых» (СИРИО. Т. 35. № 103.

Залесье, в прошлом чечерское, свидетельствуют о том, что именно для Масловых было создано особое территориальное формирование, вероятно, выделено крупное поместье[84]. Известны и помещики Крюковы[85]. Может быть, в образовании новых волостей предположить самое простое объяснение: не даны ли были детям боярским Масловым и Крюковым по десятку населенных пунктов из недавно присоединенных областей, в частности, из состава чечерских сел?

В связи с тем, что Маслов и Крюков десятки начинают упоминаться с середины 20-х гг. XVI в., можно предположить, что формирование этих волостей происходило после ликвидации Стародубского удельного княжества (1517 г.). На недавно присоединенных к Москве землях детям боярским Масловым и Крюковым были выделены обширные поместья, которые приобрели названия от имен своих владельцев и получили статус волостей.

Местонахождение волости Маслов десяток может быть определено довольно точно. Ей принадлежали село Залесье и, возможно, рядом стоявшие села Навилавка и Оношковичи. Таким образом, волость занимала территорию с левой стороны Сожа, напротив Чечерска. Устье р. Покоть и часть ее нижнего течения тоже входили в состав Маслова десятка.

Крюков десяток не поддается даже приблизительной локализации. Есть вероятность, что его территория лежала смежно с волостью Маслов десяток, может быть, к северо-востоку, но указать что-то более определенное пока затруднительно.

Маслов и Крюков десятки часто упоминаются вместе с волостью Олучичи[86]. После изменения в Посожье геополитической ситуации, связанной с московскими завоеваниями в данном регионе, эта волость постепенно

[84] Известно три рода Масловых: 1) потомков Александра Масл.ова, выехавшего из ВКЛ к рязанскому князю Олегу Ивановичу; 2) потомков Анцыфора Маслова, также прибывших из ВКЛ в 1519 г. к великому князю Василию III и 3) потомства рославльского сына боярского Константина Федоровича Маслова, жившего в начале XVII *в.(Арсеньев Ю.В.* Новые данные о роде Масловых // ЛИРО в Москве. М., 1912. Вып. 2 (30). С. 43). Вероятно, представители именно второго рода (сыновья Анцыфора?) получили в поместье пограничные московские земли, хотя упоминание Левы и Ондрейца Масловых относится к 1528 г.

[85] В XVI в. известно два рода Крюковых, не связанных близкими родственными отношениями *(Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России. С. 217, 230). В опубликованном М. Е. Бычковой «Синодике по убиенных во брани» упомянут дворянин московский Микита Крюков *(Бычкова М. Е.* Состав класса феодалов России. С. 188, 181). В начале XVII в. известны дети боярские Крюковы в Белгородском, Тульском и Курском уездах *(Танков А. А.* Историческая летопись курского дворянства. М., 1913. Т. 1.; Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII в. 1601-1608. М., 2003; *Раздорский А. И.* Торговля Курска в XVII в. (По материалам таможенных и оброчных книг города). СПб.. 2001. С. 673).

[86] В источниках волость называется по-разному: Олучичи, Лучичи, Лучитцкая, Олучитцкая и т. д.

все больше тяготела к Кричеву[87]. Упущением литовской стороны стало решение не указывать ее в тексте перемирной грамоты в составе ВКЛ. Этим, очевидно, и воспользовались московские дипломаты.

Одну из границ волости и часть ее территории определяют «Реистръ рославскии» 1526 г., «Список о порубежных землях и о жалобах» 1527 г. и некоторые другие документы из Литовской метрики. Северные олучицкие пределы, а также села волости определяются по «Ограничению Кричевского староства» 1604 г.[88] Полное представление о населенных пунктах, принадлежащих волости (войтовству), дают инвентари последней трети XVII - первой половины XVIII в.[89]

В рославльском реестре содержится описание границы Поповой Горы с Лучичами. За пропойским селом Локичи (местоположение неизвестно) и противоположным ему поповогорским селом Кибилщичи (совр. Кибирщина) заканчивалась пропойская граница («То граница пропоиская вышла») и начиналась смежная с Поповой Горой территория волости Лучичи[90]. Кибилщичи находились на левом берегу правого притока р. Беседь Палужа[91]. Напротив их где-то должны были быть Локичи. Граница Поповой Горы «з лучичаны» начиналась дальше, от сел Рагозичи (Поповой Горы) и Слободы (Лучичей). Первое село не локализуется, а второе, по утверждению А. А. Метельского, соответствовало современной деревне Киселевке, находящейся рядом с правым берегом р. Беседь[92]. Слобода в качестве кричевского села упоминается также в «Списке» 1527 г.[93]

К востоку от Кибилщичей, возможно, находилось еще одно пропойское село - Папорочичи, известное из «Списка» 1527 г.[94] Его можно соотнести с

[87] *Мяцельскі А. А.* Старадаўні Крычаў: Гіст.-архсал. нарыс горада ад старажыт. часоў да канца XVIII ст. Мн., 2003. С. 123. Как показал А. А. Мстсльский, окончательно Олучичи были подчинены Кричеву 17 марта 1529 г., когда король Сигизмунд передал волость под управление кричевского державцы князя Василия Семеновича Жилинского *(Мяцельскі А. А.* Старадаўні Крычаў. С. 123). Впрочем, и в дальнейшем Олучичи выделялись в составе Кричевской волости или староства.

[88] «Ограничение» сохранилось в качестве включенного акта в гродские книги Мстиславского воеводства середины XVIII в. (НИАБ. Фонд 694. Опись 4. Ед. хр. 1155. Ч. 1. Л. 60-71). Документ повторен 4 раза с разной степенью сокращения и редакции.

[89]НИАБ. КМФ-5. Оп. 1. Ед. хр. 1922 (1671 г.), 1923 (1673 г.), 1924 (1670 г.), 1925 (1679 г.), 1926 (1682 г.), 1927 (1693 г.), 1928 (1694 г.), 1929 (1709 г.), 1930 (1712, 1713, 1714 гг.), 1931 (1720 г.), 1932 (1723 г.), 1933 (1723 г.), 1934 (1727 г.), 1935 (1727 г.), 1936 (1747 г.).

[90]«Пам'ять» 1527 р. С. 213.

[91] В середине XVII в. известна деревня Кибирщина при речке Палуже, по ревизии 1723 г. - Скибилщина *(Лазаревский А.* Описание старой Малороссии. С. 368).

[92] *МяцельскіА. А.* Старадаўні Крычаў. С. 126. К сожалению, источник, который подтвердил бы истинность такого утверждения, приведен не был. Однако вывод верен: на карте-трехверстке 1860 г. Кисслсвки нет, на се месте стоит Слободка (Военно-топографическая карта: Могилевская губерния. Ряд 16. Лист 10)

[93]СИРИО.Т. 35. №102. С. 751.

[94] Там же. № 102. С. 751.

современной деревней Папоротной, стоящей на правом берегу р. Олешни, правого притока Беседи[95]. На противоположном берегу Олешни стояло уже кричевское село Видуйцы, упомянутое в 1560 г.[96] (в начале XVI в. оно, возможно, принадлежало Олучичам). Таким образом, хоть мы и не знаем, где стояли села Локичи и Рагозичи «Реестра» 1526 г., другие поселения помогают определить начало лучичской границы. Пограничным для волости Олучичи являлось, видимо, верховье р. Олешни[97].

Восточнее р. Олешни, уже у р. Беседи, размещалось четыре кричевских села, названных в «Списке» 1527 г.: Зенковичи (восточная часть совр. деревни Самотевичи), Уклеевичи (совр. Клеевичи), Ковычичи (совр. Кавычицы) и Ходимско (совр. Хотимск)[98]. Очень вероятно, что в начале XVI в. они принадлежали волости Олучичи.

«Реестр» 1526 г. продолжает границу, указывая села Кузнецевичи (Поповой Горы) и Мокрое («лучицкое»)[99]. Место Кузнецевичей (не доживших до наших дней) можно связать с озером Кузнецким, расположенным недалеко от левого берега р. Беседь, а Мокрое до сих пор стоит у реки Свинки, левого притока Беседи.

Оба села, между которыми проходила граница Олучичей, оставляли в стороне р. Беседь и находившиеся на ее правой стороне кричевские села (Ходимско и Уклеевичи). Из этого и делается вывод о принадлежности последних к составу волости.

Дальше в тексте рославльского реестра, к сожалению, имеются пропуски. У какого-то села, чье название не отражено, «граница лучицкая вышла, а пришла граница з Дроковом»[100]. Начиналась дроковская граница от сел Панкевичи (Поповой Горы) и Влазовичи (Дрокова). Влазовичи существуют и в настоящее время, находятся на р. Иржач (правый приток Ипути), чуть западнее города Сураж. Панкевичи (Паньковичи) обнаруживаются на карте-трехверстке 1860-х гг.[101] По их местоположению (у правого берега

[95] М. Ф. Спиридонов отождествил село Папорочичи с современной деревней Папоротки на р. Якушевке, являющейся левым притоком Сожа *(Спірыдонаў М. Ф.* Беларусь у другой палове XVI ст. // Нацыянальны Атлас Бсларусі. С. 267).

[96] *Мяцельскі А. А.* Старадаўні Крычаў. С. 126.

[97] Это лишь осторожное предположение, так как М. Ф. Спиридонов, а вслед за ним А. А. Мстсльский проводят кричевско-пропойскую границу по течению р. Палуж, еще одному правому притоку Беседи, западнее Олешни *(Спірыдонаў М. Ф.* Беларусь у другой паловс XVI ст. // Нацыянальны Атлас Беларусь С. 267; *Мяцепьскі А. А.* Старадаўні Крычаў. С. 126).

[98] СИРИО. Т. 35. № 102. С. 751; *Мяцельскі А. А.* Старадаўні Крычаў. С. 126. На карте-трехверстке 1860 г. чуть восточнее Самотевичей обозначены Зеленковичи (Военно-топографическая карта: Могилевская губерния. Ряд 16. Лист 10).

[99] «Пам'ять» 1527 р. С. 213.

[100] Там же.

[101] Военно-топографическая карта. Могилевская губерния. Ряд 17. Лист 10.

р. Ипуть) становится понятно, что село это слилось с дожившим да нашего времени населенным пунктом Творишино (в середине XIX в. - Тваришин). Следовательно, где-то севернее р. Ипуть, между Панкевичами и Влазовичами заканчивалась территория волости Олучичи.

Таким образом, южная граница Олучичей шла от реки Олешни к юго-востоку, пересекала реку Беседь и направлялась на восток к землям Дроковской волости. Некоторые села определяют территорию Олучичей вдоль реки Беседь, а в наибольшем удалении к северу известно село Костюково «Лучицкои волости», упомянутое в 1508 г.[102] и, возможно, соответствующее современным Костюковичам на р. Жадуньке, правом притоке Беседи. Территория по обеим сторонам последней, ближе к верховью, очевидно, и являлась средоточием волости.

К сожалению, далеко не все села, упомянутые в рославльском реестре 1526 г., можно отыскать на карте, однако те, чье местоположение твердо определено, выявляют на значительном расстоянии точное соответствие границы Олучичей современной границе Республики Беларусь[103]. Так, село Мокрое считалось «лучицким» и осталось в стороне ВКЛ, а село Кузнецевичи (возможно, находилось в районе озера Кузнецкого) относилось уже к территории Поповой Горы, принадлежавшей Москве[104]. Как раз между ними проходит современная белорусско-российская государственная граница. Учитывая, что сведения реестров 1526 г. отражали ситуацию XV в., можно сделать вывод об устойчивости некоторых отрезков белорусской границы на протяжении более чем 500 лет.

Определение местоположения волости Олучичи показывает, что она находилась на значительном удалении от гомельских земель (между и чуть севернее городов Попова Гора и Дроков). Административная принадлежность волости Олучичи в первой трети XVI в. неясна. Однако, исходя из ее географического положения, думается, что она тянула скорее к Стародубу, чем Гомелю. Тем не менее необходимо подробно изучить материалы посольских книг, чтобы сделать окончательный вывод.

Еще 24 марта 1503 г. в Москве бояре заявили литовским послам, что после специального разбирательства («обыска») выяснилось следующее: много волостей «к целованью не приваживаны и не сидит на них никто». Среди этих волостей были названы Речица, Брягин, Горболь (Горволь),

---

[102] LM. Кл. 8. № 353. Р. 276.

[103] К такому же выводу пришли М. Ф. Спиридонов и А. А. Мстсльский *(Спірыдонаў М. Ф.* Беларусь у другой палове XVI ст. // Нацыянальны Атлас Бсларусі. С. 267; *Мяцельскі А. А.* Старадаўні Крычаў. С. 126).

[104] Попова Гора с 1922 г. стала называться Красной Горой. В настоящее время это поселок городского типа, центр района Брянской области Российской Федерации.

Лучичи, Свержень, Туров и др. Многое из сказанного боярами не соответствовало действительности. И Речица, и Брягин, и Горволь, и Туров, и некоторые другие волости были записаны в перемирной грамоте 1503 г. в сторону великого князя литовского. Из перечисленных здесь городов только Свержень и Лучичи (Олучичи) не были упомянуты в грамоте 1503 г. Недосмотром составителей договора 1503 г. московская сторона скоро воспользовалась.

В 1503 г. волость Олучичи еще принадлежала ВКЛ. По информации князя Семена Ивановича Стародубского, переданной в Москву, «Кричевцы и Лучичане, после Велика дни» (Пасхи, 16 апреля)[105]1503 г. дважды нападали на волости великого князя московского, Попову Гору и Стародубские села[106]. В июне 1503 г. тот же князь писал, что «Мстиславцы, и Кричевцы, и Чечеряне, и Лучичане» трижды приходили в великокняжеские владения в Поповой Горе и на стародубские села[107]. Характерно, что в декабре того же года князь Семен Стародубский жаловался в Москву об обидах, причиненных только «от Чечерян, и от Кричевцов»[108]. Может быть, это свидетельствовало о том, что к концу 1503 г. волость Олучичи (Лучичи) стала московской, но более вероятны два других решения: жители Олучичей просто не участвовали в тот раз в нападениях или под кричевцами подразумевались и «лучичане».

В 1526 г. в ответ на жалобы литовской стороны великий князь московский Василий III представил ситуацию так, будто волость Олучичи была присоединена к московским владениям по инициативе стародубского князя Василия Семеновича и произошло это после 1508 г. (подробнее см. ниже). Значит, до этого времени Олучичи оставались под властью ВКЛ. Впрочем, попытка завладеть волостью около 1508 г. была либо неудачной, либо осуществлена на короткий срок, если вообще имела место.

На два десятилетия волость Олучичи пропала из дипломатических документов, а с середины 20-х гг. XVI в. она стала почти постоянно упоминаться рядом с двумя другими волостями, московскими территориальными новообразованиями - Масловым и Крюковым десятками.

Представляется, что все это время Олучичи оставались под властью ВКЛ. В марте 1524 г. поступила жалоба от литовского посла Станислава Довгирдовича, в которой, между прочим, великому князю Василию III было заявлено следующее: «А волостей наших Крычова, Пропостьска,

[105] *Wierzbowski T.* Vademccum. Podręcznik dla studjów archiwalnych. Lwów; Warszawa, 1926. S. 134.

[106] СИРИО. Т. 35. № 76. С 430.

[107] Там же. №76. С. 431.

[108] Там же. № 77. С. 447.

Чичерска, Олучичь, Речицы, Стрешына, люди и земли и воды и всякие пожитки наместники твои у твою сторону забирают и поседают, а наши воеводы и наместники их в том обсыпают, и они отказуют, иж от тебе брата нашего в том жадное науки не мают»[109]. Вероятно, именно в начале 1524 г. волость Олучичи впервые попала под власть Москвы.

Между 1524—1526 гг. об Олучичах не вспоминали. В это время на политическую арену вышли неизвестные до этого территориальные образования - волости Маслов десяток и Крюков десяток. Они впервые названы в материалах посольских книг 1525 г.[110] В послании королю Сигизмунду, написанном 9 апреля 1525 г. от имени великого князя Василия III, была представлена жалоба стародубского наместника князя Александра Ивановича Оболенского на действия литовских людей из Речицы и Пропойска. Последние «вступались» в стародубские и гомельские волости и села Попову Гору, Дроков, Маслов десяток и Крюков десяток. Две последние волости (или села?)[111], возможно, считались гомельскими, так как Попова Гора и Дроков, несомненно, были стародубскими. В инструкции («памяти») московскому послу Федору Григорьеву 1525 г. предписывалось утверждать, что все четыре волости «писаны были в перемирных грамотах в государя нашего сторону» и при короле Александре, и при короле Сигизмунде два раза[112].

Власть Василия III над волостью Олучичи держалась до начала 1526 г. К маю 1526 г. относится жалоба московской стороны на сбор дани и оброка с волостей Маслов десяток, Крюков десяток и Лучитцкой королевским писарем Ивашкой Горностаем[113]. В октябре того же года уже литовская сторона предъявила претензии на нападения московских наместников и помещиков на ряд пограничных волостей ВКЛ, среди которых были названы и Лучичи[114].

30 октября 1526 г. литовские послы заявили, что люди Василия III «ново почали приворачивати к собе... королевы волости, Олучичи, да Маслов десяток и Крюков десяток». Великий князь московский выяснил («обыскал того»), что три волости были присоединены к Стародубу «после докончанья великого князя Васильева з Жигимонтом королем»[115]. До 1522 г. Василий III два раза заключал договоры с Сигизмундом I

109 Там же. № 96. С. 684.

110 Там же. №93. С. 693.

111 Возможно, в 1532 г. обе волости также были названы селами: «А Федор Вишневской прислал в наши ж села в Гомельские, в Маслов десяток и в Крюков десяток» (СИРИО. Т. 35. № 112. С. 861). Впрочем, здесь можно подумать, что речь идет отдельно о Гомельских селах и отдельно о двух волостях.

112 СИРИО. Т. 35. № 98. С. 694.

113 Там же. №99. С. 703.

114 Там же. №101. С. 717.

115 Там же. С. 728.

Старым-в 1508и 1522 гг.(1-й раз-вечный мир,2-й раз-перемирие). Но так как стародубский князь Василий Семенович умер в 1518г., остается одна дата - 1508 г. Неясно, как воспринимать информацию Василия III. Представляется, что она не вполне соответ-ствует действительности. Волости Маслов и Крюков десятки - территориальные образования, созданные под московским управлением. Хотя, не исключено, что некоторые села, которые вошли в состав основанных волостей и были присоединены к московским владениям после заключения мира в 1508 г.

Василий III обещал литовским послам: «...да будет те волости не изстари к Стародубу, а приворотил их к Стародубу князь Василей Семенович, и мы тех волостей велим отступитись»"[6]. Сомнительно, что обещание было бы выполнено.

В следующий раз Маслов и Крюков десятки упоминаются в 1529 г. К королю Сигизмунду снова была отправлена московская грамота. В ней высказывалась жалоба на нападения литовских наместников: «...и ныне твои люди вступаются, через перемирные грамоты: в Поповы Горы села и деревни, и в Крюков десяток в села и в деревни, и в Маслов десяток в села и в деревни...»[117]. Очевидно, что оба рассматриваемые территориальные формирования являлись волостями: к ним относились села и деревни. Об административной принадлежности волостей свидетельствует заметка посольских книг: «У Стародуба вступаютца в Попову Гору, в Маслов десяток, в Крюков десяток»[118].

Впрочем, другая информация опровергает предыдущую и, кроме того, ясно показывает, что административно-территориальное устройство западной окраины Великого княжества Московского еще находилось в стадии формирования. Четкого определения принадлежности ряда волостей и даже статуса населенных пунктов не было.

В августе 1529 г. в ответе великого князя Василия III королевским послам Гомель, Дроков и Попова Гора были названы городами с волостями и селами и рядом с ними были записаны волости Маслов десяток, Крюков десяток и Олучицы («А в земли наши и воды и ныне вступаютца наших городов Гомеля, и Дрокова, и Поповы Горы в волости и села, в Маслов десяток, и в Крюков десяток, и в Олучицы, и в села и в деревни тех волостей»)[119]. Здесь не совсем ясно, являлись ли перечисленные волости как бы

[116] Там же. С. 729.

[117] Там же. №104. С. 771.

[118] Там же. С. 773. Стародуб был центром всего региона, поэтому вполне возможно, что указание на связь с ним совсем не означало прямую к нему административную подчиненность.

[119]Там же. № 105. С. 796.

расшифровкой их списка для каких-то из трех городов или были названы отдельно в связи с тем, что не получили еще определенной административной привязки.

По отношению к Олучичам в конце 20-х гг. XVI в. сложилась странная ситуация. Литовская и московская стороны, как будто не замечая адресованных друг другу посланий, выражали претензии на действия пограничной администрации соседей, направленные на захват или грабеж этой волости. Так, в августе 1529 г. литовские послы в Москве жаловались, что московские наместники из Гомеля и Стародуба Олучичи и еще ряд волостей «воевали и казили»[120], а вскоре в московском ответе послам указывалось, чтобы литовские наместники «украинных городов» не вступались «в наши земли и воды и в волости и в села наших городов», среди которых назывались Олучичи[121]. Очевидно, в это время происходит борьба за подчинение волости, укрепление в ней своей администрации, С марта 1529 г. собственного главы с литовской стороны волость уже не имела, она была переведена под управление кричевского наместника-державцы. Такой шаг, конечно, признавал слабость власти ВКЛ в данном пограничном регионе. Судя по сведениям посольских книг, волость Олучичи удерживалась силами московских наместников Гомеля и Стародуба.

Между тем вряд ли можно согласиться с мыслью А. А. Метельского о том, что волость Олучичи являлась совместным владением московской и литовской сторон и при этом была разделена на две части[122]. Если и был период совместного владения волостью (только одно сомнительное упоминание в ходе переговоров 1537 г.)[123], то он выражался, скорее всего, в разделении полученных доходов. Распад волости на две части неминуемо вел к значительным территориальным трансформациям (образование новой волости, слияние части волости с другой административно-территориальной единицей, формирование нового волостного центра на отколовшихся землях и т. д.), отголоски которых, несомненно, были бы отражены в источниках. Мы же постоянно встречаем заявления, касающиеся полностью всей волости. Очевидно, постоянные захваты волости Олучичи выражались именно во введении в ней новой администрации, которая распространяла власть на всю ее территорию.

---

[120] Там же. С. 789.

[121] Там же. С. 796-797.

[122] *Мяцельскі А. А.* Старадаўні Крычаў. С. 123.

[123] Даже замечание московских бояр о том, что Олучичи «ведали и на великого князя и на короля, кто силнес держит» (СИРИО. Т. 59. № 6. С. 105.), не является доказательством существования совместного владения или управления волостью. Очевидно, вся волость периодически испытывала власть то одной стороны, то другой.

В 1530 г. волости Маслов десяток, Крюков десяток и Олучичи снова подверглись нападению со стороны ВКЛ. В этот раз они как будто были представлены отдельно от стародубских и гомельских волостей («.. .вступаютца в наши волости в Гомельские и в Стародубские, в Маслов десяток и в Крюков десяток и во Лучитскую волость»)[124]. Таким образом, три волости могли иметь статус особых административно-территориальных единиц, не связанных с каким-либо уездным центром. Однако, может быть, эти волости следует распределить между двумя центрами - Стародубом и Гомелем?

В списке 1531 г. (см. выше) перечислялись стародубские волости и села и гомельские села[125], а так как упомянутые тут Маслов десяток, Крюков десяток и Олучичи являлись волостями, то очевиден вывод об их принадлежности Стародубу.

В 1532 г. из разных городов (Речицы, Пропойска, Чечерска, Кричева и даже Киева) шло нападение в стародубские и гомельские земли, в Маслов десяток, Крюков десяток и Лучитцкую волость[126]. Тогда же пропойский державца Федор Вишневский прислал своих людей в гомельские села, в Маслов и Крюков десятки[127]. Здесь снова непонятна принадлежность трех волостей, но все-таки больше уверенности в их особом статусе.

Определенно о Масловом десятке как о гомельской волости свидетельствует «Описание дорог из Минска на Северщину», составленное в 1534 г. литовской стороной, несомненно, с военными целями[128]. Тут, конечно, был отражен небольшой срез реального административного устройства Великого княжества Московского так, как оно виделось с территории соседнего государства.

Проблема трех волостей с неопределенным статусом возникла на завершительном этапе мирных переговоров Москве в начале 1537 г. Уже после составления перемирной грамоты, при чтении ее списков, литовские послы не согласились с услышанным («а слышим, пописаны волости господаря нашего в вашего государя сторону») и попросили дать текст для подробного изучения. Его им не предоставили, но сделали выпись, в которой были перечислены гомельские волости (в большинстве, конечно, являвшиеся селами). Среди данных волостей замечаем Маслов десяток, Олучичи и Крюков десяток (в таком порядке). Чуть далее о них сказано, что волости эти в перемирных грамотах «не писаны ни в одну сторону:

[124] СИРИО. Т. 35. № 108. С. 833.
[125] Там же. № 109. С. 838; № ПО. С. 843.
[126] Там же. № 112. С. 860.
[127] Там же. С. 861.
[128] «У Чичерска нижей города 3 версты Сож возитца под Залес(ь)ем, селом московским Гомельским Маслова десятка» (Радзивилловскис акты . № 18. С. 71).

держат их силно в великого князя сторону»[129]. Послы же заявили, что ряд волостей принадлежит их господарю, и в их числе назвали волости Попову Гору и Дроков, а также чечерские и пропойские села, среди которых замечаем Маслов десяток, Крюков десяток и Олучичи[130]. Московские бояре стали тогда указывать на перемирные грамоты, составленные еще со времен Ивана III, будто бы в них указанные волости и села были приписаны к Стародубу. Однако послы возразили, заметив, что «тянули те волости и села из начала к Кричеву, и к Чичерску, и к Пропойску»[131] и предложили записать их в перемирной грамоте к Гомелю. После совещания с великим князем московские бояре приняли твердое решение отстаивать негомельскую принадлежность названных сначала ими же гомельскими волостей и сел («а те волости и села не гомельские»)[132].

В итоге компромисс все-таки был достигнут (подробнее см. ниже). Здесь важно заметить, что села западного массива земель, приписанные к Гомелю в 1500 г., так и были признаны за ним и отданы ВКЛ. Села северного массива земель хоть и были признаны чечерскими и кричевскими, но оставлены по-прежнему под властью великого князя московского. Волости Маслов и Крюков десятки и Олучичи единодушно решено было снова не писать ни в одну сторону, так как «их ведали и на великого князя и на короля, кто силнее держит»[133]. Таким образом, особый статус трех приграничных волостей был официально признан. Из них Маслов и Крюков десятки, видимо, остались московскими, а Олучичи через некоторое время все-таки слились с Кричевской волостью. Об этом определенно свидетельствуют данные «Ограничения» Кричевской волости 1560 г.: в районе бывшей олучицкой границы названы кричевские поселения Видуйцы, Панки, Боханы, Ганновка и др.[134]

Неопределенность административной принадлежности волости Олучичи была связана, очевидно, с тем, что ее владение Москвой не было окончательно решенной задачей. За эту волость шла постоянная борьба. Подчинение Олучичей являлось совместной заботой как стародубского, так и гомельского московских наместников. Этот вывод хорошо иллюстрируют события осени 1532 г. Тогда гомельский наместник Федор Григорьевич Плещеев послал в Лучицкую волость своего доводчика (судебного исполнителя), а там его велел схватить кричевский державца Василий Чиж[135]. Последний намеревался

---

[129] СИРИО. Т. 59. № 6. С. 102.
[130] Там же. С. 102-103.
[131] Там же. С. 103.
[132] Там же. С. 103-104.
[133] Там же. С. 105.
[134] *Мяцельскі А. А.* Старадаўні Крычаў. С. 126.
[135] СИРИО. Т. 35. № 112. С. 861.

привести всех жителей Олучичей к целованию, «что им к Кричеву тянути». И тут вмешался уже стародубский наместник князь Федор Оболенский. Он обратился к кричевскому державце с требованием не вступаться в московскую волость и отпустить пленных. Чиж же мотивировал свои действия повелением короля[136]. Как видим, формированием в Олучичах московской судебной администрации занимался гомельский наместник, общее же управление волостью являлось прерогативой стародубского наместника. Олучичи из-за территориальной отдаленности не могли стать частью Гомельского уезда, однако его наместник принимал активное участие в обеспечении интеграции волости в состав Великого княжества Московского.

Видимо, действительно, следует признать незаконченность формирования в первой трети XVI в. административно-территориальной системы западной окраины Великого княжества Московского. Еще не были четко определены уездные центры (например, Попова Гора и Дроков однажды названы городами с волостями), принадлежность волостей и сел разным уездным и волостным центрам была подвижной. Также формировались территории и таких административных единиц, как волости. В данном случае некоторые волости являлись именно административными единицами, а не средоточиями сельских общин и создавались искусственно государственной властью (точно известно, что так была образована волость Маслов десяток). Многим селам был придан статус волостных центров, но неизвестно, приобрели ли они после этого положенную для волостей структуру сельских поселений.

При существовании Стародубского удела (до 1518 г.) управление его землями вообще было больше заботой местных правителей, а за короткий период от 1518 до 1535 г. новое территориальное устройство на землях бывшего княжества не успело сформироваться. Кроме того, граница между московскими и литовскими владениями не была стабильной. Если волости Маслов и Крюков десятки Москва прочно удерживала за собой (нет ни одного известия о попытках литовской стороны присоединить их к своей территории), то волость Олучичи постоянно переходила из рук в руки. Московская территория по отношению к Гомелю развивалась в западную и северную стороны. Присоединяемые на западе земли естественным образом сразу же приписывались к Гомелю (никаких других городских центров рядом просто не было). А вот северные земли, видимо, не все стали относиться к Гомелю. Приобретения 1500 г. еще стали частью Гомельского уезда, а вот то, что было занято еще севернее их, поступило, возможно, в подчинение Стародубу и непосредственно Поповогорской волости. После

[136] Там же.

возвращения Гомеля под власть ВКЛ оставшиеся у Москвы засожские села (приданные Гомелю в 1500 г.) были записаны волостями города Попова гора[137], который, наконец, приобрел статус уездного центра.

Таким образом, контуры формирующегося Гомельского уезда складывались в следующем виде. Западные его пределы стремились к Днепру. Хоть в итоге удержать заднепровские села Стрешинской, Горвольской и Речицкой волостей Москве не удалось, но уже в 1560 г. мы видим большую их часть в составе Гомельского староства. От Днепра граница направлялась на восток к самому верховью р. Липы, заходила частично и на ее левый (северный) берег, но потом возвращалась к руслу этой реки и шла по нему к Сожу. По Сожу граница поднималась вверх (к северу) аж за город Чечерск, но затем делала резкий поворот на юго-восток, пересекала р. Покоть и достигала р. Беседь. Последняя, возможно, до самого устья служила участком гомельской границы: к востоку от нее были глухие лесные и болотистые пространства (полностью не освоеные и до настоящего времени)[138], или номинально принадлежавшие Стародубской волости, или вообще никем не занятые. Часть дальнейшей северной и восточной границы, очевидно, соответствовала уже описанной границе Гомельской волости, хотя, имеются сведения о ее нарушении (карта 8).

Многие гомельские села в левой (восточной) стороне Сожа до 1535 г. были розданы стародубским служилым людям. По словам московских бояр на переговорах 1537 г.: «А Гомель город из начала отчина государя отчина, и наместники на нем были опричь Стародуба; а на сей стороне Сожа были села, и держали их дети боярские, Стародубцы, государя нашего, а тянули те села к Стародубу: и государю нашему как тех сел к Гомелю поступитися?»[139] Наметилась явная тенденция ухода значительной части территории Гомельского уезда в сторону соседнего Стародуба. Это и явилось одной из объявленных причин упорства московской стороны на переговорах 1537 г. Отдавать всю территорию Гомельской волости, каковой она была до 1500 г., по утверждению московских бояр, было затруднительно потому, что ее занимали стародубские землевладельцы, испоместить которых сразу на других землях страны было сложно[140].

[137]LM.Kn. 15.№ 164. P. 211.

[138] Гомельская область. Атлас. С. 17-18.

[139] СИРИО. Т. 59. № 6. С. 96. Позже в посольских речах бояре говорили о том, что Иван IV поступился с Гомелем «которые были церковные земли и детей боарских путные» (Там же. Т. 59. № 9. С. 166).

[140]На гомельские земли успели распространиться не только поместья стародубских детей боярских, но и владения церкви: «Государь наш Гомья королю поступился, и которые были церковные земли и детей боарских путные, и государь наш и тех земель всех поступился» (Там же. С. 166).

Карта 8. Территория Гомельского уезда в 1500-1535 гг.

Таким образом, одновременно с расширением территории Гомельского уезда на запад к Днепру происходило уменьшение его территории на востоке с приближением границы к Сожу.

Южная гомельская граница, возможно, при московской власти тоже претерпела изменения. Были освоены территории до этого глухой местности в районе правых притоков Сожа Утьи, Терюхи и Немыльни и с правой стороны Сожа в направлении ее устья.

Трансформация территории, принадлежащей Гомелю, во время короткого периода московского господства (1500-1535 гг.) оказалась весьма значительной. Практически только один маленький участок гомельской границы вдоль левого притока Сожа речке Липе соответствовал изначальной границе Гомельской волости. Окончательно сформироваться и утвердиться новые пределы Гомельской земли так и не успели. Однако некоторые мероприятия московской администрации были восприняты властями ВКЛ при формировании территории Гомельского староства.

Глава 5.
ВОПРОС О ГОМЕЛЕ НА ПЕРЕГОВОРАХ 1537 г.

В ходе литовско-московской войны 1534-1537 гг. во время второй военной кампании на Северщине войска ВКЛ во главе с гетманом Юрием Николаевичем Радзивиллом овладели Гомельским замком[1].

Определение точной даты взятия войском Юрия Радзивилла Гомеля- особая проблема. Произошло это событие или в четверг («...и в четверг мало не весь день з наших дел стрел(ь)бу чинили, гдежь князь Дмитрей Оболенский и вси люди... далей того на том ся замку боронити не могли и вышли к вашой милости, а его вам подали»), или, что менее вероятно, в пятницу («Homel wzięli w piątek»)[2]. 22 июля 1535 г. в окружении короля Сигизмунда I уже знали о произошедшем. В тот день из резиденции короля в Василишках (около Лиды) было отправлено как минимум 6 посланий с поздравлениями гетману[3]. Из предыдущего ответного послания Сигизмунда I Ю. Н. Радзивиллу от 18 июля известно, что к этому времени войска ВКЛ переправились у Речицы через Днепр[4]. Вероятно, ко дню получения данного известия в Вильне уже шла осада Гомеля. 22 июля 1535 г. выпадает на среду[5]. В таком случае взятие Гомеля нужно отнести на 6 дней раньше, к 16 июля[6]. Думается, что если бы это произошло в более ранний четверг, например 9 июля, 19 июля в Вильне уже знали бы о победе[7].

[1] О перипетиях Стародубской войны см.: *Кром М. М.* Стародубская война. С. 85-148.

[2] Радзивилловскис акты. № 73. С. 163; ПСРЛ. Т. 35. С. 192.

[3] Там же. № 73-78. С. 162-170; АЗР. Т. 2. № 184. С. 337.

[4] Там же. № 70. С. 157.

[5] День недели в соответствии с датой юлианского календаря подсчитан по формулам, приведенным в книге: *Черепнин Л. В.* Русская хронология. М., 1944. С. 44-48.

[6] Такую же дату, с привлечением некоторых других источников, приводят Л. Коланковский и М. М. Кром (*Kolankowski L.* Zygmunt August, Wielki książę Litwy do r. 1548 r. S. 143; *Крет М. М.* Стародубская война. С. 132).

[7] После проведенных расчетов можно утверждать, что дата взятия Гомеля - 17 июля, приведенная О. А. Макушниковым, неточна (*Макушников О. А.* Гомель с древнейших времен до конца XVIII в. С. 94).

После неудачной кампании 1536 г., когда московские войска вернули почти все завоевания гетмана Радзивилла, основной задачей литовской стороны стало сохранение за собой того малого, что удалось удержать. В ходе переговоров о перемирии 1537 г. главным, несомненно, был вопрос о Гомеле.

К октябрю 1536 г. в Вильне было твердо решено начать переговоры о мире «для покою христьянского, чтобы кровь христьянская не лилася»[8], и в Москву отправлены послы Ян Юрьевич Глебович (полоцкий воевода, маршалок), Матвей Войтехович Янович (витебский воевода, маршалок, волковыйский державца)[9] и писарь (секретарь) Венцлав Николаевич. Послы намеревались прибыть в Москву в лучшем случае к Рождеству, в худшем - к Крещению[10].

Уже 13 декабря 1536 г. из Смоленска наместник Никита Васильевич Оболенский писал к великому князю о появлении литовских послов". Было организовано их сопровождение и питание. 12 января 1537 г. «литвы всех 415 человек» прибыли в Москву'2. Кроме трех упомянутых послов, всех «рымского закона», еще значимыми представителями делегации были королевские дворяне Глеб Иванов сын Зиновьева Корсаков и Лукаш[13].

В воскресенье, 14 января произошла первая встреча литовских послов с великим князем Иваном IV[14]. Послы представили верительную («верющую») грамоту, произнесли наказные речи, «явили поминки», и на этом первая встреча закончилась, так как, ссылаясь на несовершеннолетие великого князя, послам в совместном обеде было отказано[15].

18 января послы вновь были приглашены в избу к великому князю. «Посидев мало» с послами, Иван IV велел препроводить их в другую палату, где перед ними с ответом выступили его представители[16]. Смысл заявлений последних сводился к тому, что война началась не по вине московской стороны («и те валки ссталися не нашею стороною»)[17], но теперь обе стороны хотят, чтобы не проливалась христианская кровь, а «бесерменская бы рука не высилася», «мир и добрую смолву делати»[18]. Начались взаимные упреки и перепалка между боярами и послами по поводу того, кто начал

[8]СИРИО. Т. 59. №5. С. 61.
[9] Чуть позже называется державцей «дорогитцким» (Там же. *№* 6. С. 64).
[10]Там же. № 5. С. 62.
" Там же. № 6. С. 63.
[12] Там же. С. 65.
[13] Там же. С. 64.
[14] Там же. С. 66.
[15] Там же. С. 66-67.
[16] Там же. С. 69-70.
[17] Там же. С. 72.
[18] Там же. С. 72.

войну и в чем ее причина. Послы указывали на то, что Стародуб и другие города принадлежали «изначала» литовским господарям, а потом были переданы беглецам из Москвы. И лишь из-за очередной измены Шемячича и Можайского эти города достались московскому государю. Таким образом, литовский великий князь посылал войска «под свои городы»[19]. Однако, как утверждали московские бояре, послам должно было быть известно, «из начала чья то отчина, и куды прислухали Киев и иные городы», и что все то отчина московского великого князя.

В конце концов было решено оставить бесплодные разговоры («мимошедшие дела») и решать конкретный вопрос о заключении вечного мира, к чему стремились обе стороны. Литовские послы отошли от бояр, посовещались и, вернувшись, стали вести расспросы о том, на каких же условиях московская сторона желает заключить мир. Однако бояре тот же вопрос адресовали послам. Наконец, последние выразили желание своего господаря, чтобы московский государь «поступился» Великого Новгорода и Пскова[20]. Конечно, ожидать согласия бояр на такие условия не приходилось, и постепенно от стремления заключить мир по варианту договора Казимира Ягайловича с Василием Темным (1449 г.) литовская сторона пришла к опоре на соглашение Сигизмунда с Василием III (очевидно, мира 1508 г., а не перемирия 1522 г.). Бояре, выразив мнение великого князя, решили, что и по таким условиям миру быть нельзя. Не договорившись ни о чем, послы уехали на данное им подворье[21].

Переговоры продолжились 21 января. Послы вновь недолго «очи видели» московского государя, а затем были отведены в отдельную палату для дальнейших речей. Первое время литовские послы вовсе не хотели что-либо говорить («молчали долго»), но потом вновь выразили свою прежнюю позицию: заключить вечный мир по условиям договоров Александра Ягеллончика с Иваном III (перемирия 1503 г. или все-таки мира 1494 г.) и Сигизмунда с Василием III (1508 г.). Послы сетовали на то, что постоянно делают уступки, а московская сторона ни одного слова не «спускает», и наконец затребовали у бояр их условий вечного мира. Конечно же, было предложено перевести перемирие Василия III с Сигизмундом (1522 г.) в вечный мир с некоторыми изменениями, связанными с делами нового московского государя Ивана IV Васильевича[22]. Такой поворот событий совсем не устраивал литовских послов. По их мнению, многие города и волости были вписаны в перемирной грамоте в московской стороне «на-

[19] Там же. С. 74.
[20] Там же. С. 74-75.
[21] Там же. С. 75-76.
[22] Там же. С. 76-77.

время, для покоя христьянского» и господарь никак не может записать навечно свою отчину московскому государю[23]. В посольских речах прямо не говорится, но, очевидно, главная проблема заключалась в принадлежности Смоленска. Последний, конечно же, не желала признать за Москвой литовская сторона. Послы с боярами вновь разругались, и переговоры не сдвинулись с места.

26 января вновь прибывшим в набережную палату послам было объявлено о желании заключить не мир, а перемирие, обсуждение которого началось через два дня. Послы с боярами снова долго препирались о том, кто первый произнесет те условия перемирия, к которым желает прийти. Наконец, литовская делегация выразила намерение своего господаря вернуть свою отчину, северские города (при этом Гомель заявлен как уже возвращенный город: «а Гомель готов у нашего господаря»), и срыть городки Заволочье, Себеж и Велиж, которые были поставлены на территории ВКЛ в полоцких и витебских землях[24]. В ответ бояре заметили, что перечисленные города достались Ивану IV еще от деда и нет причины их уступать, а новые городки поставлены во время враждебных действий короля, из них Велиж неоднократно уже был записан в грамотах в московской стороне.

Литовские послы, не желая уступать и сославшись на такую волю своего господаря, потребовали от бояр объявления московских условий перемирия. Оказались эти условия практически такими же, что и условия мира. При этом нужно было дать свободу пленным и оставить в стороне государя Себеж и Заволочье. Теперь послы уже прямо перешли к проблемным вопросам: пленным в перемирие свободу давать нельзя и Гомеля, которого «достал» их господарь, «свою отчину», никак невозможно поступиться[25]. О судьбе пленных говорили много, литовские послы предлагали даже поменять их на города Чернигов или Смоленск, но в итоге, до заключения мира, вопрос о пленных вновь решили не поднимать[26].

Еще одним этапом переговоров стали новые, окончательные, требования послов («конечной наказ господаря нашего»), согласно которым Гомель со всеми волостями должен был бы остаться у ВКЛ, а городки Заволочье и Себеж разорены. На эти условия московской стороной согласия дано не было[27]. Однако следует заметить, что по отношению к Гомелю литовская позиция осталась незыблемой.

---

[23] Там же. С. 78.
[24] Там же. С. 82.
[25] Там же. С. 83.
[26] Там же. С. 84.
[27] Там же. С. 85.

Наконец, литовские послы выразили обыкновенное для перемирия условие: «...кто что ныне держит, тот и держи», и временно переговоры прекратились.

Вызванные 30 января к великому князю литовские послы твердо держались наказа своего господаря: пленных и Гомель не отдавать, новопостроенные городки разорить. Правда, было выдвинуто предложение московской стороне за пленных поступиться Черниговым, но оно было, естественно, отвергнуто. Наконец, не придя к согласию, московские представители стали покидать палату со словами о том, что государь назначит послам день, когда они будут отпущены[28]. Переговоры оказались на грани срыва.

Тогда послы остановили бояр и после длинной прочувствованной речи пошли на очередные уступки: ВКЛ оставался только Гомель с волостями, а городки, поставленные на литовских землях, и волости, на которых они построены, доставались Москве. Перемирие предлагалось заключить на год[29]. Бояре не отказались от поступившего предложения, но, посовещавшись у великого князя, выразили желание последнего уступить Гомельскую территорию только по реку Сож. Что касалось Себежа и Заволочья, то, по словам бояр, предстояло еще решить, какие волости «к тем городом пригоже быти»[30]. На этом очередной день переговоров закончился.

3 февраля послам был предоставлен список («писанье») с теми волостями, которые должны были бы принадлежать к поставленным московской стороной городам. К Себежу были причислены волости Освее, Неведрее, Нища, Непоротовичи и Листна. Послы отказались от рассмотрения вопроса о еще одном перемирии (Сигизмунда с волошским (молдавским) воеводой Петром) и обещали прислать своего писаря с ответом на предоставленный список[31].

Писарь Венцлав, явившись к боярам 4 февраля, заявил, что все волости в списке полоцкие и витебские. А 5 февраля уже все послы столкнулись с тупиком в переговорном процессе. Московские бояре стремились получить Себеж и Заволочье с системами волостей («а городом без волостей как быть?»), а сами не желали поступиться Гомелем со всеми принадлежащими ему территориями[32]. Дело дошло до возврата подарков («поминков»), отказа от государева жалованья и приготовления к отъезду. Однако и в этот раз здравый смысл восторжествовал.

8 февраля переговоры продолжились. Работа началась с обсуждения возникших слухов о нежелании послов «доброго дела делати». В итоге

[28] Там же. С. 86-87.
[29] Там же. С. 88.
[30] Там же. С. 89.
[31] Там же. С. 89-91.
[32] Там же. С. 92.

решено было, говоря современным языком, искать консенсуса («И бояре говорили: вы поищите, а мы также поищем, чтоб межи государей на доброе согласие пришло»)[33]. Бояре выразили желание великого князя поступиться рядом волостей от Себежа и Заволочья (от Себежа - Неведрея, Межова, Дернова, Сволненская; от Заволочья - Нещерда, Вербилова Слобода, Кубок, Островна, Березна. У Себежа должны были остаться Нища, Непоротовичи, Листня; у Заволочья - Яса и Долыса)[34]. На это послы резонно заметили, что удивляются размышлениям не великого князя, который еще мал годами, а бояр, которые уступают господарю волости, и так являющееся его отчиной. Еще московская сторона уступила волости Освию и Листвену от Себежа, а Долысскую и Неведревскую от Заволочья, с желанием оставить за собой к Себежу Нищу и Непоротовичи, а к Заволочью - Ясу и Середею. Однако позиция послов уже твердо определилась: отдать только сами новые города с волостями, на которых они стоят, и требовать закрепления за собой Гомеля «по старым рубежем»[35]. Тогда бояре стали оправдывать свое желание приобрести к Себежу волости Нищу и Непоротовичи тем, что через них идет дорога на Опочку, а иначе между волостями нет связи. Некоторые же гомельские села должны остаться за Москвой потому, что их держат стародубские дети боярские и тянут те села теперь к Стародубу. Возникли споры, и послов уже было хотели отправить на подворье, но они пошли еще на уступку: отказались к Заволочью волости Долысы[36]. Переговоры на этом закончились, но на следующий же день они возобновились.

С московской стороны предварительно решено было, а 9 февраля озвучено стремление закрепить за собой по 10 верст от волостей Нищи и Непоротовичи к себежскому рубежу и столько же верст от Ясы к Заволочью. От Гомеля уступалась территория на 10 верст на восток от реки Сож по речку Щенову, к с. Прибытковичи и речке Ути[37]. Послы вновь стали на старую позицию: отдать только сами городки с их волостями, а Гомель держать за собой по старым рубежам. Бояре уходили к великому князю, а вернувшись, объявили о том, чтобы на следующий день послы были у государя, и он отпустил их «к брату своему к Жигимонту»[38].

10 февраля бояре снова попытались навязать послам свои условия перемирия, уступая на этот раз гомельской территории 20 верст от Сожа

[33] Там же. С. 95.
[34] Там же.
[35] Там же. С. 96.
[36] Там же. С. 97.
[37] Там же. Восточнее современной д. Прибытковичи у д. Климовка расположены древние городище и пристань. На берегу р. Ути жители Климовки находили остатки древних лодок *(РогаяевА. Ф.* Родные названия. С. 39)
[38] СИРИО. Т. 59. №6. С. 98.

по речку Хоропот (совр. Хоропуть) и к с . Прибытковичи. Послы были непреклонны. Тогда их отвели к великому князю, который и отпустил их к Сигизмунду. Выезжать нужно было во вторник (13 февраля), но послы заявили, что могут выехать быстрее, в понедельник (12 февраля)[39].

И только пристав Федор Андреевич Невежин-Квашнин - дипломат, имевший большой опыт переговоров с ВКЛ, - сумел снова наладить отношения между послами и боярами. Переговоры возобновились бы на следующий же день, если б не болезнь одного из послов - Яна Юрьевича[40].

13 февраля прибывшим послам для начала была объявлена новая «уступка» - 30 верст от р. Сож, но, видя твердую позицию литовской делегации, бояре сказали «конечное слово»: границу провести «о половинам» - 60 верст от Гомеля и столько же от Стародуба и из волостей Нищи, Непоротовичи и Ясы уступить по 10 верст территории к Себежу и Заволочью[41]. Послы начали клясться и уверять в невозможности иных условий, кроме как закрепления за ВКЛ Гомеля со всеми его волостями и уступали московской стороне Себеж и Заволочье с их волостями, на которых они поставлены, и к последнему еще волость Долысу, а перемирие предлагалось на 5 лет. Тогда бояре заявили, что будут о том уговаривать Ивана IV («и мы на то государя хотим наводити, чтобы так учинил»)[42].

«Переговорив» с великим князем, бояре решили соглашаться на условия послов, так как «порвати с ними прибытка не будет, толко с ними валчити». Вернувшись, они произнесли все те слова, которые уже звучали из уст послов в качестве условий перемирия на пять лет. Московская сторона бралась составить списки, с которых после обсуждения с литовской делегацией была бы составлена перемирная грамота[43].

Через два дня приготовленные списки были прочитаны послам. Яну Юрьевичу показалось «нечто нам неразумно и невнятно в тех списках». На просьбу же дать обсудить списки на подворье, была оформлена только выпись неясных фрагментов грамоты. Она представляла собой перечисление гомельских волостей и сел, записанных ранее в перемирных грамотах в московскую сторону. При этом выяснилось, что три волости (Маслов и Крюков десятки, Олучичи) не были записаны никому, а «держат их силно в великого князя сторону». Литовским послам было предложено поступиться этими волостями[44].

---

[39] Там же. С. 98-99.
[40] Там же. С. 100.
[41] Там же. С. 100-101.
[42] Там же. С. 101.
[43] Там же.
[44] Там же. С. 102.

16 февраля послы сразу прошли в палату к боярам, не захотев терять время на протокольную встречу с великим князем. На вопрос бояр, что они «уразумели в тех спискех», последовал перечень тех волостей и сел, которые будто бы неправомерно были записаны в московскую сторону: Попова Гора, Дроков, ряд чечерских и пропойских сел, Крюков десяток, Олучичи, Маслов десяток[45]. Послы явно провоцировали негативную реакцию московской стороны, ведь, как и заявили в ответ бояре, те волости и села еще со времени Ивана III были записаны за Москвой. Заявление послов было отчасти справедливо. Перечисленные волости и села тянули ранее к Кричеву, Чечерску и Пропойску. Однако уже в четырех московско-литовских договорах (включая и договор 1508 г. о вечном мире) почти все они (за исключением трех выпавших из поля зрения составителей грамот волостей и некоторых сел) были признаны частью Великого княжества Московского.

Послы намеревались записать спорные территории к Гомелю, а в компенсацию за них предложили к Заволочью волости Неведревскую и Истцо. Бояре удалились к великому князю, а вернулись с указанием послам «бранно молвити». Переговоры вновь были на грани срыва, и послы, обвиненные в том, что приехали в Москву «как бы развратным обычаем», чуть было не были отправлены восвояси. Поняв, что совершенно излишне было под конец переговоров в условиях хрупкого согласия выдвигать новые требования, послы вернулись к уже почти принятым решениям[46].

Чтобы впредь не возникало недоразумений, послами было предложено в договоре снова не упоминать волостей Маслов и Крюков десяток и Олучичи, хоть их и удерживают «великого князя люди», а гомельские села «имянно написати» так, как они были перечислены в предыдущих грамотах, но тогда в московскую сторону. Последнее предложение одобрил сам Иван IV[47].

Итак, было окончательно договорено установить перемирие от Благовещенья (25 марта) 7045 (1537) г. до Благовещенья 7050 (1542) г. Условия перемирия уже известны, нужно только отметить, что к Гомелю были причислены следующие села: Уваровичи, Телешовичи, Тереничи, Кошелев Лес, Морозовичи, Липиничи, Полшане[48]. В свое время эти села, принадлежавшие разным волостям, были приписаны к Гомелю. Своим положением они как бы маркировали новую московско-литовскую границу, теперь же эти села, конечно, оказались очень далеко от восстановленной границы, на

[45] Там же. С. 102-103.
[46] Там же. С. 104.
[41] Там же. С. 104-105.
[48] Там же. С. 105; № 7. С. 128; LM. Кп. 15. № 164. P. 212.

противоположной стороне р. Сож. Других населенных пунктов, обозначавших бы теперь не западные, а восточные пределы гомельской территории, в договоре перечислено не было.

После ухода послов на подворье в набережной палате остался писарь Венцлав с королевским подьячим Угримом. Вместе с великокняжескими дьяками и подьячими они до следующего дня составляли и переписывали текст договора. И все же, когда 18 февраля должно было состояться торжественное привешивание к грамоте большой печати великого князя Ивана IV, печатей послов и писаря и целование креста как московским государем, так и послами, обнаружилось, что в тексте вместо «город Себеж и волость Себежская» записано: «города Себежа и всее земли Себежьские»[49]. Конечно, грамоту быстро исправили, инцидент был исчерпан. Дальнейшая церемония прошла без эксцессов.

20 февраля литовские послы выехали из Москвы, а 22 апреля в их сторону отправились московские послы - присутствовать на церемонии целования креста на договорной грамоте королем Сигизмундом. В июле договор был утвержден и литовской стороной.

Таким образом, ключевым в московско-литовских переговорах был вопрос о государственной принадлежности Гомеля и его территории. Литовская делегация, твердо придерживаясь инструкций, полученных на родине, в условиях постоянного давления сумела отстоять права ВКЛ на всю Гомельскую землю. В общем возобладал обычный для перемирия принцип распределения территорий: «кто чем владеет»[50]. Гомель весь, со всеми своими волостями и селами вошел в состав ВКЛ.

Характер перемирия подразумевал временный характер уступки ВКЛ Гомеля с волостями, но реальная практика показывала, что, однажды закрепленные за одной из сторон территории очень сложно было возвратить назад. Вопрос о Гомеле еще не раз ставился московскими дипломатами, но в конце концов «бояре послом Гомеля поступились»[51].

В целом в результате войны 1534-1537 гг. сформировалась линия московско-литовской границы, которая с некоторыми изменениями просуществовала вплоть до первого раздела Речи Посполитой.

---

[49] СИРИО. Т. 59. № 6. С. 106.

[50] *Шеламанова Н. Б.* Образование западной части территории России. С. 103.

[51] Памятники истории Восточной Европы. Источники XV-XVIIвв. М.; Варшава, 1997. Т. 2. «В ыпискаизпосольских книг» осношениях Российского государствас Польско-Литовским за 1487-1572 гг. С. 170.

Глава 6.
ГОМЕЛЬСКОЕ СТАРОСТВО ПОСЛЕ 1537 г.

Возвращение Гомеля со всеми волостями в состав ВКЛ было официально утверждено московско-литовским договором о пятилетнем перемирии 18 февраля 1537 г. Какие-то основные сведения о территории, отторгнутой от московских владений в 1535 г., по-видимому, должны были быть отражены в тексте договора.

Как уже отмечалось, в договорные грамоты вносился перечень в основном тех волостей и сел, которые находились вблизи от границы. Тем самым пресекались возможные претензии на пограничные территории и своеобразным образом маркировалась сама линия границы, точное определение которой в большинстве случаях не требовалось. Внутренние же пределы административно-территориальных единиц, а также границы, терявшие межгосударственный характер, оставались, как правило, вне поля зрения составителей грамот. Таким образом, и от договора 1537 г. следовало бы ожидать сведений о новой московско-литовской границе.

Однако текст договора 1537 г. заимствовал формулировки предшествующих грамот, и в перечне гомельских сел оказались только те из них, которые когда-то формировали западную московскую границу. Теперь они, конечно же, отошли на периферию. Впрочем, часть сел, приписанных в начале XVI в. к Гомелю, осталась у Москвы и была теперь отнесена к Поповой Горе[1]. «Волости» Залесье, Бабичи, Светиловичи, Голодно, Скарбовичи, Лапичи по-прежнему определяли московско-литовскую границу. На значительном участке она следовала по руслу реки Сож и ее притоку Беседи.

Те села, что в грамоте 1537 г. были записаны гомельскими, и те, что остались за Москвой, во всех договорах первой трети XVI в. непременно перечислялись отдельно от Гомеля на московской стороне. Эти села составляли два особых массива земель (с западной и восточной сторон р. Сож), вошедших в состав Гомельского уезда. Изначально же они принадлежали

[1]LM. Кл. 15. № 164. P. 211.

не Гомелю, а разным волостям (Чечерской, Стрешинской и Горвальской). Память об этом сохранялась долгое время.

Таким образом, территория, относившаяся к Гомелю, в период московского господства значительно увеличилась. Когда же в переговорах 1537 г. литовская делегация отстаивала свое право на возврат ВКЛ всей Гомельской волости в первоначальном ее составе, бояре могли претендовать на то, чтобы у Москвы остались все села, отнесенные к Гомелю после 1500 г. Так и получилось в отношении поселений северного массива земель (в левобережье Сожа). Однако западный массив земель сразу, без всякого обсуждения, был отдан ВКЛ[2]. По нему никаких вопросов или претензий с московской стороны не возникло: все села к западу от Сожа, специально записанные в тексте перемирной грамоты 1537 г., остались в составе ВКЛ. Впрочем, в данном случае, уступчивость московских бояр неудивительна. Они, видимо, прекрасно понимали, что оставить ряд тех сел в составе московских владений никак невозможно: получился бы эксклав - территория, со всех сторон окруженная литовскими владениями, - управлять и контролировать которым было бы проблематично.

Основная протяженность гомельской границы, которая приобрела теперь статус государственной, а также внутренний состав Гомельской земли, возвращенной ВКЛ, в грамоте 1537 г. не фиксировались. Кое-какие наблюдения о восточных пределах гомельской территории и выводы о ее внутреннем составе отчасти позволяют сделать материалы посольских книг. Так, постепенные уступки московской стороной гомельской территории (линия реки Сож, 10,20,30,60 верст к востоку от Сожа) определяют большое значение гомельского села Прибытковичи (в среднем течении р. Уть, левого притока Сожа). Описание двух участков предполагаемой московской стороной границы (сначала по рекам Щенове и Утье, затем по реке Хоропоть), возможно, свидетельствует о резком сужении территории Гомеля между реками Ипутью и Утью, с последующим ее расширением за с. Прибытковичи и тем местом р. Ипуть, где в нее впадает р. Хоропуть и сама она делает изгиб в своем течении с юга на запад (Карта 8). На восток гомельские земли простирались более чем на 60 верст, так как московское предложение провести границу посредине между Гомелем и Стародубом (в обе стороны по 60 верст) не было принято.

[2] Московские бояре от имени великого князя Ивана IV говорили литовским послам: «Которые села гомельские, Уваровичи и Телешовичи и иные села, имянно писаны были в перемирных грамотах в нашу сторону, и нам бы те села велети написати в королеву сторону имяны ж; и мы для покоя христьянского, чтобы кровь христьянская вперед боле того не лилася, те села гомельские велим написати в перемирную грамоту в гоподаря вашего сторону» (СИРИО. Т. 59. № 6. С. 105).

Как уже было сказано, представление о первоначальной территории Гомельской волости (то есть о территории волости до захвата Москвой) было очень устойчивым, однако те же посольские книги свидетельствуют о том, что после 1500 г. к самому Гомелю было присоединено много сел из состава Пропойской, Чечерской, Стрешинской, Горвальской, Речицкой и др. волостей. Неуверенный характер этих присоединений сохранялся длительное время, но показательно, что после возвращения Гомеля в состав ВКЛ часть их так и осталась в составе практически сразу же образованного Гомельского староства. Более того, в состав староства вошли села между Сожом и Днепром, которые в 1504—1511 гг. захватывали стародубские удельные князья и на которые позже претендовали пограничные московские наместники.

Стремление московских властей достигнуть Днепра и установить вдоль него границу с ВКЛ в принципе не увенчалось успехом. После же возврата Гомеля в состав ВКЛ, территория, подчиненная Гомелю, была вплотную приближена к Днепру.

2 июня 1504 г. посол короля Александра Ягеллончика Матвей Кунцевич среди прочего передал великому князю московскому Ивану III список с названиями волостей и сел, которые после заключения перемирия были захвачены Москвой. Среди перечисленных фигурировали горвольские и речицкие села (о них см. выше), находящиеся у берегов р. Днепр[3]. И уже в 1560 г., согласно «Реестру ревизии господарской Гомельской волости», все упомянутые горвольские села оказались в составе Гомельского староства (волости)[4]. Речицкие села, очевидно, остались в своей волости (карта 9).

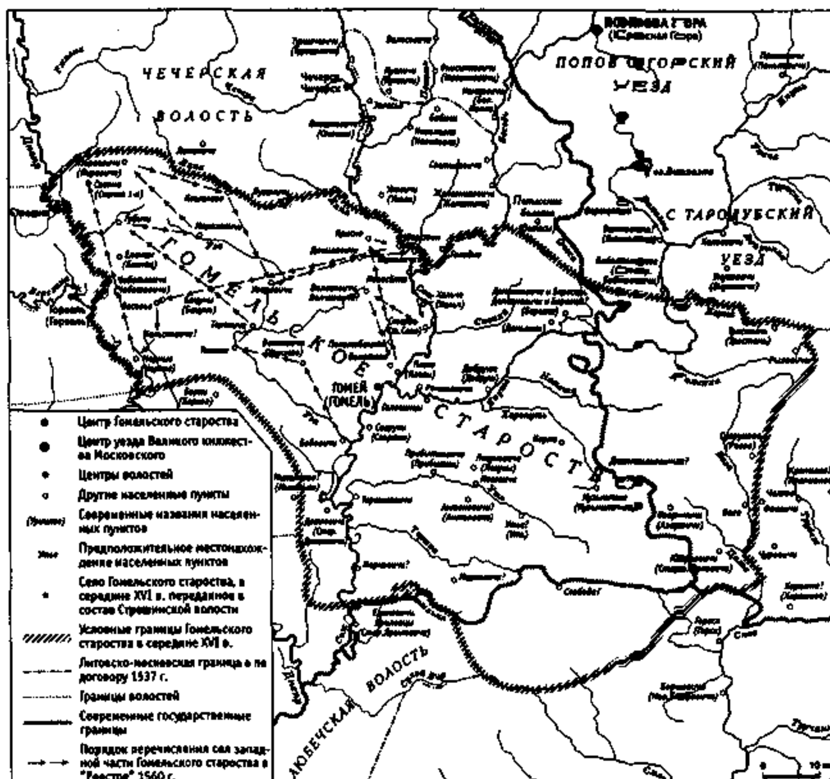
«Реестр» 1560 г. позволяет выявить более конкретно границу гомельских земель с московскими владениями на восток от р. Сож, а также восстановить полный внутренний состав гомельской территории.

Итак, в восточной (засожской) части территории Гомельского староства середины XVI в. и Гомельской волости конца XV в. почти полностью соответствовали друг другу. Изменения коснулись только соседних с Лк>-бечской волостью земель. Клин со стороны Любеча на север вдоль р. Сож был значительно сокращен. Произошло это, очевидно, в первой половине XVI в., то есть в период между временем, к которому относятся сведения «Реестра» 1526 г. и датой составления «Реестра» 1560 г. Конечно, предпочтительнее думать, что распространение территории, принадлежащей Гомелю, на земли Любеча происходило тогда, когда обе волости находились в составе одного государства (Гомель принадлежал Москве в 1500-1535 гг., а Любеч- в 1500-1508 гг.). Однако, возможно, лесные и болотистые

---

[3] Там же. Т. 35. № 80. С. 469.

[4] АВАК. Т. 13. № 100. С. 365, 366, 376.

Карта 9. Территория Гомельского староства в середине XVI в.

пространства Любечской волости, чье подчинение своему центру было лишь номинальным, беспрепятственно осваивались со стороны Гомеля и в то время, когда они находились в составе соседнего государства.

Существенные трансформации произошли в западной части Гомельской земли. Частично они являлись наследием периода московского господства (о них уже шла речь), но некоторые, видимо, можно считать результатами мероприятий властей ВКЛ.

Прикрепление стрешинских и горвольских сел к Гомелю оказалось столь прочным, что после образования Гомельского староства они вошли в его состав. «Реестр» 1560 г. перечисляет новые гомельские села на правобережье Сожа в таком порядке, что они следуют отдельно по отношению к старым селам Гомельской волости. Так, после Бобовичей следуют Волковичи (оба старые гомельские села), затем Телеши, Тереничи, Бацуны, Губичи, Морозовичи, Пиреевичи, Кошелево, Уваровичи (новые), затем перечисляются Даниловичи, Юрковичи, Новоселки, Старое, Волозковичи, Плесо, Присно, Шерстин (старые), а в конце - частновладельческие села Чоботовичи, Засовье, Кольскевичи и Чорные (из новых)[5].

Вероятно, во время проведения описания Гомельского староства из его состава было изъято село Скепно. Его придали к Стрешину, к «капитуле костела головного светого Станислава у Вильни», то есть к владениям Виленского католического епископства[6]. В то время Стрешин являлся одним из двух наиболее крупных владений католической церкви в ВКЛ (второе - Сожица (Сорица) в Витебском воеводстве)[7]. Село Скепно еще более увеличивало массив ее земель.

В составе Гомельского староства в середине XVI в. насчитывалось 49 сел. (табл. 3)[8]. Из них господарским было (принадлежало королю) 31 село. 7 сел принадлежало местным боярам (Кузьмичи, Севруки, Вага, Рыловичи, Слобода, Волчковичи (Волозковичи), Волотово), 4 села дано панам Василю и Андрею Халецким (Чоботовичи, Засовье, Кольскевичи, Черные), 3 села являлись «новорозданными», то есть совсем недавно

[5] Там же. № 100. С. 362-376.

[6] *Голубеў В. Ф.* Сялянскас зсмлсўладаннс і зсмлскарыстаннс на Бсларусі. С. 85-86. «До замку Стрешинского дано село Скепно» (АВАК. Т. 13. № 100. С. 376). Капитула - совет по управлению епископством при Вилснском епископе *(Голубеў В. Ф.* Абшчына ў сацыяльным і гаспадарчым жыцці нассльніцтва Горвальскай воласці. С. 74. Прим. 5).

[7] *Голубеў В. Ф.* Сялянскас зсмлсўладанне і землскарыстанне на Бсларусі. С. 85; *Голубеў В. Ф.* Абшчына ў сацыяльным і гаспадарчым жыцці нассльніцтва Стрэшынскай воласці Рэчыцкага павста (паводлс інвснтарных апісанняў XVI-XVIII ст.) // Пятыя Міжнародныя Доўнараўскія чытанні. Рэчыца, 22-23 всрасня 2005 г. Гомель, 2005. С. 205.

[8] При составлении таблицы использованы данные из публикации «Реестра», осуществленной Вилснской археографической комиссией в 1886 г.

пожалованы гомельскому ротмистру пану Криштофу Ленскому (Присно, Шерстин, Липиничи)[9], еще одно село (Дуровичи), видимо, уже задолго до 1560 г. принадлежало «поручнику» гомельской роты'°_ Село Хальч, видимо, сразу после возвращения Гомеля в состав ВКЛ било передано панам Халецким". В церковном владении находилось 2 села- Плесо (церкви св. Троицы в Гомеле) и Скепно (Виленского к атолического епископства). При этом последнее в 1560 г. было выведено из состава Гомельского староства.

Табл. 3. Гомельские села по «Реестру ревизии господарской Гомельской волости» 1560 г.

№	Названия сел	Принадлежность	Количество крестьян	Рабочий скот		Дымы[12]	Службы[13]	Сенокосы (в возах)	Сумма плат и доходов господарских (только денежных)[14]
				Волы	Кони				
1	Антоновичи	госп.	4	5	4	4	1	25	4 копы 6 грошей
2	Бацуны	госп.	3	3	3	3	2	12	3 коп 36 грошей 8 пенезей
3	Бобовичи	госп.	6	10	9	6	3	100	11 коп
4	Вага (Уважс)	боярск.	–	–	–	–	–	–	4 копы 26 грошей
5	Волковичи	госп.	15	22	19	12	5	105	30 коп 32 гроша
6	Волотово	боярск.	3	–	–	–	–	–	–
7	Волчковичи (Волозковичи)	боярск.	8	–	–	–	–	–	–
8	Головинцы	госп.	4	5	*	4	2	41	5 коп *грошей 4 пенези

[9] На Липиничи ротмистр «листов данины господарскос» не показал, ссылаясь на то, что они находятся у его брата Лукаша (АВАК. Т. 13. № 100. С. 376).

[10] В. Л. Носевич называет имя поручика - Ян Фащ *(Насевіч В. Л.* Гомельская валасць. С. 543). Однако в «Реестре» 1560 г. упоминается гомельский боярин Ян Фащ, владевший пятью пустовщизнами острова Дуровицкого при с. Уваровичи и Юрковичи (АВАК. Т. 13. № 100. С. 371, 372, 373). Безусловно, название острова связано с рядом находящимся селом Дуровичи, но очевидно, что гомельский боярин и поручик гомельской роты - это совсем не одно и то же лицо.

[1] В 1537 г. Есип и Остафий Халецкие получили подтвердительный привилей на имение Хальч *(Boniecki A.* Poczet rodów. S. 19).

[12] *Дым* - податная единица в ВКЛ, обычно дом и двор (хозяйство) одной крестьянской семьи *(Голубеў В. Ф.* Сялянскае землеўладанне і зсмлскарыстанне на Беларусі. С. 164).

[13] *Службы* - разнообразные по площади и составу земельные угодья, которыми распоряжались, как правило, два-три крестьянских хозяйства (дыма). Служба являлась основной единицей обложения *(Спиридонов М. Ф.* Закрепощение крестьянства Беларуси. С. 205).

[14] *Копа* - денежная единица, равная 60 грошам. *Грош* состоял из 10 *пенезей.*

9	Губичи	госп.	12	12	4	15	4	100	14 коп 14 грошей 4 пенези
10	Данилковичи	госп.	8	*	*	7	2	80	8 коп*
11	Даниловичи	госп.	8	10	6	8	4	60	9 коп 39 грошей 5 пенезей
12	Демьяновичи и Березцы	госп.	11*	19	15	10	5	*	45*
13	Добруша	госп.	10*	15	10	9	3	115	15 коп 44 гроша
14	Дуровичи	панск.	–	–	–	–	–	–	–
15	Дятловичи	госп.	1	2	2	1	1	20	2 копы 59 грошей
16	Засовье	панск.	–	–	–	–	–	–	–
17	Колькевичи	панск.	–	–	–	–	–	–	–
18	Корма	госп.	6	4	4	5	2	40	7 коп 23 гроша
19	Кошелево	госп.	12	16	13	12	4	45	8 коп 33 грошей
20	Кузьмичи (Кузьминичи)	боярск.	–	–	–	–	–	–	4 копы 16 грошей 4 пенези
21	Лагуновичи	госп.	7	10	8	7	3	30	7 коп 55 грошей
22	Липиничи	панск.	5	–	–	–	–	–	–
23	Марковичи	госп.	9	11	11	6	5	200	19 коп 10 грошей
24	Морозовичи	госп.	5	5	3	4	2	20	4 копы 5 грошей
25	Новоселки	госп.	5	5	5	5	2	60	5 коп 51 грош
26	Носовичи	госп.	2	4	4	2	2	30	5 коп 44 гроша
27	Озарчичи	госп.	1	2	2	1	1	20	3 копы 4 гроша
28	Пиреевичи	госп.	6	5	5	6	2	30	3 копы 35 грошей
29	Плесо	церк.	–	–	–	4	–	50	–
30	Прибытковичи	госп.	9	13	8	9	2	30	7 коп 4 гроша
31	Присно	панск.	26	–	–	–	–	–	–
32	Романовичи	госп.	9	18	15	8	3	220	? коп 11 грошей*
33	Рыловичи	боярск.	–	–	–	–	–	–	1 копа 9 грошей 6 пенезей
34	Севруки	боярск.	–	–	–	–	–	–	–
35	Скепно	церк.	30	–	–	–	–	–	–
36	Слобода	боярск.	–	–	–	–	–	–	–
37	Старое	госп.	10	13	11	10	4	100	13 коп 9 грошей
38	Телеши (Телешевичи)	госп.	8	11	5	8	4	72	12 коп 4 гроша 8 пенезей
39	Тереничи	госп.	2	2	1	2	1	30	3 копы 44 гроша
40	Терешковичи	госп.	4	8	4	4	2	25	6 коп 22 гроша
41	Тростынь	госп.	9	10	5	8	4	*	16 коп 34 гроша
42	Уваровичи	госп.	11*	13	13	11	5	50	14 коп 34 гроша
43	Утье	госп.	6	7	5	6	3	45	5 коп 46 грошей
44	Хальч	панск.	–	–	–	–	–	–	–
45	Чоботовичи	панск.	–	–	–	–	–	–	–
46	Чорные	панск.	–	–	–	–	–	–	–
47	Шерстин	панск.	2	–	–	–	–	–	–
48	Юрковичи	госп.	5	2	1	1	1	15	4 копы 15 грошей

Окончание табл. 3

49	Юрковичи	госп.	4	6	5	4	2	50	9 коп 15 грощей
Итого с господарской волости						202	88	–	304 копы 16 грошей 9 пенезей
* Данные неполные из-за пропусков в документе – Данные отсутствуют									

Кроме того, в церковном владении находился ряд земель и угодий в разных господарских и боярских селах[15]. Спасской церкви в Гомеле принадлежали: остров Милиненский (Милисиский)[16], пашни и сенокосы в с. Дятловичи[17], земля Живелевщина (Живиловщизна), «пустовщизны» Михаловщина (Михаловщизна) и Мехедовщина (Моходовшизна), бобровые гоны на р. Уже, часть острова Долгого при с. Волковичи[18]. Троицкой церкви в Гомеле принадлежали: земля Махалевская (Шадыевская) с тремя крестьянами при с. Романовичи[19], земля Бушмановская при с. Лагуновичи[20]. Никольской гомельской церкви принадлежали: земля Шишаптуровская в с. Добруша[21], земля Пехоцкая в с. Утье[22] и земля Колбасовщина (Ковбасовщина) в с. Старом[23]. При селе Болотове священник местной церкви св. Миколы держал землю Токареве поле[24]. Этой же церкви принадлежали пашня и сенокосы при с. Новоселки[25], пашня и сенокосы при с. Старом[26]. При с. Кошелеве церковь св. Михаила владела землей Петровщиной[27]. Наконец, в Оршу церкви св. Николы шли дани с с. Терешковичи[28].

Появление некоторых церковных владений в Гомельской земле следует отнести к XV в. Так, священники оршанской церкви св. Николы получили

[15] О церковном землевладении в Гомельской земле см.: *Жудро Ф. А., Сербова И. Л., Довгялло Д. И.* Город Гомель: Гсографичсско-статистичсский очерк // Записки Северо-Западного отдела Императорского Русского географического общества. Вильна, 1911. Кн. 2. С. 307-309; *Макушников О. А.* Гомель с древнейших времен до конца XVIII в. С. 139-152; *Кузьмин А. В.* Гомельская и Жлобинская епархия // Православная энциклопедия / Под ред. Патр. Алексия II. М., 2006. Т. 12. С. 10.

[16] *Островом* в большинстве случаев называли свободное от деревьев пространство посреди леса. Однако и иная особенность лесной растительности (например, лиственный лес посреди хвойного) также могла быть названа островом.

[17] АВАК. Т. 13. № 100. С. 356; АЮЗР. Т. 1. № 142. С. 153.

[1]АВАК. Т. 13. № 100. С. 363-364; АЮЗР. Т. 1. № 142. С. 153.

" АВАК. Т. 13. № 100. С. 344. Земля Михалевская (АЗР. Т. V. № 16. С. 38).

[20] АВАК. Т. 13. № 100. С. 352.

[21] Там же. С. 345.

[22] Там же. С. 357.

[23] Там же. С. 374.

[24] АЗР. Т. 5. № 16. С. 65. Фрагмент с описанием владения церкви св. Миколы в Болотове пропущен в публикации «Реестра», осуществленной в 1886 г.

[25] АВАК. Т. 13. №100. С. 373.

[26] Там же. С. 375

[27] Там же. С. 369.

[28] Там же. С. 355.

бортные земли, с которых собирали дань, еще при князе Семене Ивановиче Можайском[29]. В начале XV в. у них возникли проблемы с въездом за данью на территорию Великого княжества Московского, но после заключения «вечного» мира с Москвой (1508 г.) король Сигизмунд приказал Мстиславскому князю Михаилу Ивановичу и кричевскому наместнику Васке Ошушкину раз в год пропускать оршанских священников на территорию соседнего государства[30]. В 1541 г. было получено подтвержение на владение бортными землями и разрешение на проезд для сбора с них дани[31].

Также еще в XV в. Никольская церковь в Гомеле получила от князя Семена Ивановича Можайского земли Севостьяновщину и Богдановщину с пашнями и ботными деревьями[32]. В 1549, 1568, 1584 гг. были получены подтверждения на эти владения[33].

Специфика церковных владений (земли, пашни, бортные угодья и т. д.) не позволяет точно определить их местоположение. Принято называть остров Милиненский (Милисиский) Мильчицким[34], что явно соотносит его с возникшим позже поселением Мильчей. Однако село Дятловичи, к которому относилась указанная земля, расположено слишком далеко от слившихся с городом Гомелем в 1983 г. деревень Новой и Старой Мильчи. Дятловичские земли фиксировались у р. Сож и, очевидно, не заходили за находившееся чуть севернее оз. Глушец. Впрочем, в первой половине XIX в. Старая Мильча называлась Поповой Мильчей, что может указывать на ее былую церковную принадлежность[35].

Следует заметить, что подробное описание «Реестра» 1560 г. коснулось только тех сел, которые относились к господарской волости Гомельского староства, то есть оставались в территориальной общине (волости), чье существование выражалось в подчинении, как правило, одному землевладельцу (в данном случае - королю)[36]. Именно для них подсчитывались дымы, службы, платы и доходы, определялось качество земли, обозначались границы

[29] АЗР. Т. 2. № 48. С. 59-60.

[30] Там же.

[31] Там же. № 208. С. 373. В заголовке документа церковь св. Николы ошибочно названа гомельской.

[3!] АЗР. Т. 3. СПб., 1848. № 19. С. 21-22.

[35] Там же.

[34] *Жудро Ф. А., Сербова И. А., Довгялло Д. И.* Город Гомель: Гсографичсско-статистический очерк. С. 308; *Кузьмин А. В.* Гомельская и Жлобинская епархия. С. 10.

[35] *Рогалев А. Ф.* От Гомиюка до Гомеля. С. 193. Милча Поповская отмечена к западу от Гомеля и на карте 1777 г. (Бслицкой округ// Атлас, состоящий из 12 окружных и 1 генеральной карты).

Голубеў В. Ф, Сельская грамада ў Бсларусі XVI-XVIII стст. паводлс дакумснтаў маснтка Брашэвічы Вілснскага каталіцкага біскупства і сусcдніх всcак // Зборнік навуковых прац у гонар 70-годдзя Міхаіла Фсдаравіча Спірыдонава. Мн,, 2007. С 140, 154.

владений, места угодий и т. д. Боярские и церковные села в разной степени интересовали ревизоров. Они считались выведенными из состава волости. Так, боярское село Севруки только упоминалось (даже владельцы его не названы). У других боярских сел были названы лишь владельцы, а, например, сельцо Кузьминичи, пожалованное Исаю Харковичу «до воли», а также церковное село Плесо подробно описывались. Села панов Халецких, поручика и ротмистра Гомельской роты не стали объектами внимания ревизоров. Все поселения административно относились к Гомелю, но формально не входили в состав господарской Гомейской волости - доходы с них шли (кроме оговоренных случаев) в пользу непосредственных владельцев, а не короля.

В целом земли, относившиеся к Гомелю, простирались от р. Днепр на западе далеко за реку Сож на востоке, вклиниваясь в российскую территорию. На большей своей протяженности северные, восточные и южные пределы староства определяли московско-литовскую границу. При этом на севере она была четко обозначена участками рек Сож, Беседь и Корна, но не выявлена в болотах между Беседью и Ипутью; на востоке фиксировалась поселениями с левой стороны р. Ваги (приток Сновы); на юге терялась в неосвоенных местах между рекой Сож и правым притоком Десны Сновом.

Западная гомельская граница во второй половине XVI в. вновь претерпела существенные изменения.

Сформировавшаяся к середине XVI в. территория Гомельского староства, начала уменьшаться уже с 1560 г. Тогда от нее было отнято село Скепно. К концу XVII ст. в господарской волости, принадлежащей староству, осталось только 18 сел и 2 слободы. Инвентарь 1681г. (Inwentarz Starostwa Homelskiego) перечисляет следующие гомельские села: Волковичи (Wołkowicze), Староселье (Starosiele), Поколюбичи (Pokolubicze), Бобовичи (Bobowicze), Костюковка (Kosciukowka), Марковичи (Markiewicze), Корма (Korma), Старые Юрковичи (Staree Jurkowłcze), Добруша (Dobrusza), Романовичи (Romanowicze), Маркевичи (Markiewicze), Утье (Ucie), Демьяновичи (Demianowicze), Березцы (Berescij), Логуны (Łohuny), Прибытковичи (Prsybytkowicze), Озаричи (Ozarczyce), Белица (Bielica) и слободы: Юрковская (Jurkowska) и Крупецкая (Krupiecka)[37]. От численного состава сел былой господарской волости осталось менее половины. Виной тому не столько военные разорения[38], сколько последовательная передача его поселений соседним административно-территориальным единицам и переход части сел в частное владение.

[57] НИАБ. Ф. 694. Оп. 7. Д. 259. Лл. 11-20.

[58] *Насевіч В. Л.* Гомельская воласць. С. 543.

[39] *Голубеў В. Ф.* Сялянскас зсмлоўладаннс і зсмлскарыстаннс на Беларусі. С. 86; *Он же.* Абшчына ў сацыяльным і гаспадарчым жыцці нассльніцтва Стрэшынскай воласці. С. 205-206.

С рубежа XVI-XVII вв. из состава Гомельского староства пропадает целый ряд сел (Губичи, Кошелево, Морозовичи, Пиреевичи, Телеши, Тереничи, Уваровичи). Зато они появляются в числе стрешинских владений[39]. По мысли В. Ф. Голубева, в архиве Виленского епископства не случайно сохранилась выписка из ревизии Гомельского староства 1560 г. с перечислением сел Морозовичи, Губичи, Пиреевичи, Кошелево[40]. Возможно, не все эти села стали принадлежать католической церкви, но административно они вышли из подчинения Гомелю.

Четыре села, в 1560 г. доставшиеся Халецким (Чоботовичи, Засовье, Кольскевичи, Черные), были отделены от основного массива гомельских земель территорией вдоль р. Узы, перешедшей к Стрешину. Видимо, в связи с этим они стали тянуть к Горволю или, вероятнее, к Речице[41].

Удаленные от гомельской территории Липиничи, вероятно, вновь были возвращены в состав Чечерской волости[42]. Неизвестна судьба Дятловичей и некоторых других сел.

Таким образом, со второй половины XVI в. наблюдается тенденция возврата отнесенных при московской власти к Гомелю сел в подчинение своим первоначальным центрам. Село Кошелево, правда, принадлежало до этого Горвальской, а не Стрешинской волости. Однако уже передача одного этого села Стрешину свидетельствовала о ликвидации чересполосицы владений, которая явно существовала до 1500 г. (карта 6).

По договору 1537 г. Москва вернула Гомельскую землю в состав ВКЛ в тех границах, которые она имела до 1500 г. (то есть до присоединения к Великому княжеству Московскому). Это, конечно, касалось лишь тех границ, что продолжали соседствовать с московскими владениями. В отношении же других, внутренних, участков гомельских границ власти ВКЛ сохранили устоявшуюся за годы московского господства административно-территориальную систему и даже реализовали несостоявшееся стремление России довести территорию Гомеля до Днепра. И вот, через некоторое время территория Гомельской земли фактически возвращается к тем пределам, в которых она существовала в XV в. Исключение составляли лишь естественно освоенные территории к югу и западу от Гомеля.

Таким образом, в Гомельской волости (старостве) после 1537 г. произошли определенные изменения, первоначально характеризовавшиеся сохранением

[40] Там же.
[41] Среди горвальских сел, известных по инвентарям XVIII в., ни одно из четырех сел Халецких не названо *(Голубеў В. Ф.* Абшчына ў сацыяльным і гаспадарчым жыцці насельніцтва Горвальскай воласці. С.66-67, 69).
[42] Липиничи уже в «Реестре» 1560 г. названы «селом Чечерским» (АВАК. Т. 13. № 100.

того территориального устройства, которое сложилось при московской власти. Однако уже с середины XVI в. начинает проявляться тенденция возврата московских присоединений к Гомелю к своим первоначальным центрам (за некоторыми исключениями). Если отбросить фактор внутренней колонизации, то можно прийти к выводу, что Гомельская земля в конце XVI - XVII вв. вновь возвращается к тем пределам, которые она имела до 1500 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование формирования территории Гомельской земли в конце XV - первой половине XVI в. показало, что в составе Великого княжества Московского она значительно увеличила свои пределы за счет осколков соседних волостей, захваченных вместе с Гомелем в 1500 г. и позже. Однако в 1537 г. восточная часть Гомельской волости была возвращена ВКЛ в тех границах, которые она имела до 1500 г. При этом некоторые отнесенные после 1500 г. к Гомелю села и волости так и остались у Москвы. В западной части Гомельской земли были сохранены все территориальные преобразования, осуществленные при московской власти. Кроме того, нереализованное стремление московской стороны установить границу по Днепру за счет земель Стрешинской, Горвольской и Речицкой волостей было отчасти принято властями ВКЛ: к Гомелю были присоединены некоторые стрешинские и горвольские села.

Таким образом, территория Гомельского староства, образованного уже в 1535 г., не стала полностью тождественной прежней волости. В составе староства остались территории к западу от древней волости вплоть до Днепра. При распространении московского влияния в регионе они были либо присоединены к Гомельскому уезду, либо были временно захвачены, либо являлись лишь объектом притязаний.

Уже с середины XVI в. Гомель начинает терять свои территориальные приобретения на западе. В итоге волость (с определенными оговорками) вернулась к своим прежним пределам, определенным для начала XVI в. - времени захвата Москвой.

Следует еще раз заметить, что серьезные территориальные изменения коснулись лишь западной части Гомельской земли, района между Сожем и Днепром, непосредственно примыкавшем к последнему. Тем не менее уже этого достаточно для того, чтобы существенно скорректировать выводы О. А. Макушникова о пространственной протяженности Гомельской волости в XII-XIV вв.[1] Исследователь перенес данные середины XVI в.

[1] *Макушнікаў А. А.* Рубяжы Гомійскай воласці ў XII-XIV стст. С. 42-59.

(конкретно - «Реестра ревизии господарской Гомельской волости» 1560 г.) на значительно более ранний период, что по отношению к восточной части гомельских земель со значительным обобщением и учетом колонизационного фактора, может быть, и имеет смысл. Однако представления о западной части Гомельской волости, безусловно, ошибочны. О. А. Макушников, опираясь на «Реестр» 1560 г., причислил к гомельским такие села, как Чоботовичи, Губичи, Скепно, Черное, Перевичи, Липиничи, Кошелево[2]. Однако все они были включены в состав Гомельской земли только в XVI в.

Представляется естественным прохождение древней границы Гомельской волости по линии, не более чем на 10 км отстоящей от р. Сож и ее притоков Узы и Липы, вплотную к непроходимой местности, известной как Кобылье болото. Такой она прослеживается и во второй половине XV в.

Некорректно также использование метода ретроспекции и при реконструкции восточной (засожской) части Гомельской волости. Здесь, конечно же, необходимо учитывать фактор внутренней колонизации. Освоение и заселение территории к востоку от Сожа продолжалось в течение XV-XVI вв. и в последующее время.

С левой стороны р. Сож (к востоку от Гомеля) в Гомельскую волость вклинивались с юга любечские земли, а с севера - чечерские, оставляя для собственно гомельских земель широкий коридор, который вел к значительному массиву земель, считавшемуся гомельским в XVI в. Такая конфигурация территории волости может свидетельствовать о том, что какое-то время она развивалась лишь на незначительном расстоянии в левобережье Сожа, а затем стала распространяться на незанятые земли на юг, север и восток, огибая к этому времени приблизившиеся владения соседних территориальных образований. Можно предполагать, что первоначально волость вообще складывалась только в правобережье р. Сож, непосредственно около самого Гомеля. Крупная водная артерия могла являться значительной преградой для сельского расселения и затруднять связи общины, сбор налогов и т.д. Гомельские села впервые начинают упоминаться в источниках только во второй половине XV в. Почти все они находились на правой стороне р. Сож. Только первая половина XVI в. дает сведения о поселениях в левобережье Сожа.

Наблюдение за расположением гомельских сел в середине XVI в. показывает, что колонизационный поток от Гомеля двигался по направлению к востоку вдоль значительной водной артерии региона реке Ипути, а также по другим сравнительно мелким притокам Сожа - Утье, Терюхе. Видимо,

[2] Там же. С. 45.

ко второй половине XVI в. население преодолело водораздел между Сожем и Сновом (приток Десны) и стало расселяться на правых притоках р. Снов и в верховье самой этой реки. Таким образом, пограничный регион, каким являлась Гомельская земля, испытал территориальные преобразования, связанные не только с политическими событиями, но и с естественным процессом колонизации и освоения пустующих земель.

Гомель исторически принадлежал Северской земле[3]. Однако после 1535 г. - возвращения в состав ВКЛ - город стал тяготеть к так называемым Поднепровским волостям (Бобруйской, Горвальской, Кричевской, Могилевской, Мозырской, Речицкой, Свислочской, Чечерской и др.) и в ходе административно-территориальной реформы 1565-1566 гг. вошел в состав Речицкого повета Менского воеводства. Изменение территориальной структуры в регионе предопределило то обстоятельство, что гомельские земли прочно интегрировались с внутренними областями ВКЛ, были включены в процесс этногенеза белорусов и в итоге стали частью Республики Беларусь.

---

[3] О принадлежности Гомеля к Северской земле см.: *Русина Е. В.* Персональный состав ссвсрских князей во второй половине XIV в. // Историческая генеалогия. Екатеринбург, Париж, 1993. Вып. 2. С. 14; *Она же.* Сівсрська земля. С. 43, 51. Е. В. Русина со ссылками на источники показывает, что даже в XVII в. сохранялось представление о Гомеле, как о ссверском городе *(Русина О.* Сівсрська земля. С. 44).

ГОМЕЛЬСКАЯ ЗЕМЛЯ[1]

Н. Б. Шеламанова

В правобережье Сожа у границ с Литвой в 1503-1537 гг. Стародубский уезд сменялся Гомельским. В определении Гомельской земли в XVI в. встречаются большие трудности, так как каких-либо описаний ее этого времени не имеется.

Есть перечисление пограничных гомельских волостей в материалах переговоров 1526 г. и описание Гомеля 1640 г., данные которого безоговорочно переносить нельзя[2]. Я. Натансон-Лески, который первый обратил внимание на этот документ, писал, что территория Гомеля в XVII в. не изменилась как-то по сравнению с XVI в., но это неверно[3]. Приходится для определения территории Гомеля пользоваться описанием 1640 г.[4] с осторожностью.

Гомель (Гомель), известен с XII в., на Соже в устье Ипути. В XIV в. вместе с Черниговом присоединен к Литве, с ним же в 1500 г. перешел к России, но в 1537 г. уступлен Литве. Окончательно присоединен к России в 1772 г. Входил в Могилевскую губернию вначале как местечко, с 1854 г. - как уездный город. Современный областной центр БССР[5].

[1] *Отрывок из диссертации: Шеламанова Н. Б. Образование западной части территории России в XVI в. в связи с ее отношениями с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой: дис. ... канд. истор. наук. Науч. рук-лъ М. Н. Тихомиров. М., 1970. С. 499-509. Текстсносок, выделенных курсивом, относится к замечаниям и уточнениям В. Н. Темушева. Также большинство сносок Н. Б. Шеламановой проверено и уточнено.*

[2] *Описание Гомеля 1640 г., т.е. «Реестр ревизии Гомельской волости», относится не к этому году, а к 1560-му. (Спиридонов М. Ф. Гомельская волость в 1560 г. // Тез. Докл. 1-й Гомельской обл. научн. Конф. по историческому краеведению (февраль 1989 г.). Тезисы докладов. Гомель, 1989. С. 52-53).*

[3] *Учитывая иную датировку рассматриваемого документа (1560 г.), наблюдения Я. Натансона-Леского следует признать справедливыми.*

[4] АЗР. Т. 5. СПб., 1853. № 16. С. 37-67; *Natanson-Leski J.* Dzieje granicy wschodniej Rzeczypospolitej. Lwów; Warszawa, 1922. Cz. 1: Granica Moskiewska w epoce Jagiellońskiej. S. 135. Prz. 235-237.

[5] *Без-Корнилович М. О.* Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии. СПб., 1855. С. 211-215; Городские поселения в Российской империи. СПб., 1860. Т. 1.С. 173-176; *Дембовецкий А. С.* Опыт описания Могилевской губернии. Могилев,

От конца XV - XVI в. в Гомельской земле известны по актам Литовской метрики села: Дуровичи, Волосовичи, Даниловичи, двор Хальче (1483 г.), Дятловичи и Волковичи- церкви Спаса в Гомеле[6], Тростань (1560 г.)[7]. В посольских документах в 1532 г. упоминаются села Юрковичи, Бобовичи, Даниловичи, в 1537 г. - Прибытковичи. По перемирию 1537 г. за Гомелем записаны волости: Уваровичи, Телешовичи, Тереничи, Кошелев Лес, Морозовичи, Лапиничи, Полешане. Волости Олучичи и Крюков и Маслов десятки были уступлены Литве, но в перемирных грамотах записаны они не были ни за одной из сторон, так как до этого платили дань обоим государствам. В реестре черниговских границ начала XVI в. у рубежей Любеча названы гомельские села Слободка - у Позняковичей и Марковичи - у Яриловичей; граница Гомеля с Любечем здесь указана - от Утьи в Сож, вниз по Сожу до Сокольего Гнезда и далее суходолом к Днепру у Колодчичей. Между Сухим Виром, притоком левым Сожа и Горском на Снови -до Стародубского рубежа с Гомелем (Марковичи) граничил и Чернигов (у Вел. Листвена - см. ниже). Волости Телешевичи, Тереничи, Уваровичи, Морозовичи, присоединены были к Гомелю после 1500 г. из завоеванных Россией стрешинских сел, Кошелев Лес - из горвольских, Липиничи и Полешане - из чечерских[8].

Итак, у западных границ Гомеля в междуречье Сожа и Днепра по описи Гомельского замка 1640 г. отыскиваются - у границ с Чечерском села:

Липиничи (в XVI в. наполовину чечерские, наполовину гомельские) в 1640 г. «новорозданные» земли, пользуемые вместе с рогачевцами и чечерцами, - на левом берегу Липы, притока Сожа; Кошелево (Кошелев Лес XVI в., присоединенный к Гомелю от Горволя) - на ее правом берегу; оба села в верховьях Липы; Дуровичи (Дуравичи), известные с конца XV в., в описи 1640 г. упоминающиеся вскользь рядом с другими селами - ниже Кошелева на правом берегу Липы.

1884. Кн. 2. С. 57-60; Słownik geograficzny królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Т. 3. Warszawa, 1882. S. 117-118; *Любавский М. К.* Областное деление. С. 239; *Семенов И. П.* Географичсско-статистичсский словарь Российской империи. СПб., 1860. Т. 1. С. 657-658; *Семенов В. П.* Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т. 9. СПб., 1905. С. 535-537; *Виноградов Л.* Гомель, его прошлое и настоящее. М., 1900; *Лебедев С. М.* Гомель. Мн., 1957. С. 3-18; Административно-территориальное деление СССР. М., 1967. С. 329.

[6] *Ни Дятловичи, ни Волковичи полностью церкви Спаса в Гомеле не принадлежали.*

[7] *Село Тростань известно с 1550 г.* (СИРИО. Т. 59. № 21. С. 346)

"АЗР.Т. 1.№81.С. 101-102;АЮЗР.Т. 1.№142.С. 153;СИРИО.Т.35. С. 751-752,861;Т.59. С. 183; МАМЮ. Т. 1. С. 63-65; *Филарет, архим. (Ф. И. Гумилевский).* Историко-статистическос описание Черниговской епархии. Чернигов, 1875. Кн. 7. С. 362-365; *Лазаревский А.* Описание старой Малороссии. Материалы для истории заселения, землевладения и управления. Киев, 1888. Т. 1. Полк Стародубский. С. 418-419; *Любавский М. К.* Областное деление. С. 239.

У границ со Стрешиным:

Пиревицкое (в XVI в. стрешинское); Скрепино (Скрепно XVI в. стрешинское) «новорозданное» в 1640 г., оба северо-восточнее Стрешина; Губичи (стрешинское в XVI в.), южнее Стрешина.

У границ с Горвалем:

Чеботовичи, Засовье, Козькевичи, Чорное (Чоботовичи, Засовье, Келскевичи-Корскевичи, Черный - горвальские села XVI в.), Чеботовичи, Черное - в левобережье Днепра, в 1640 г. «новорозданные». Козькевичи-Корскевичи, Засовье, а также Буцони - Буцуничи и Бокиниш, упоминаемые в 1504-1526 гг., не обнаружены[9], отмечено, что земли с. Бацуни смежны с землями Тереничей, Чеботовичей и др.

. У границ с Речицей:

села по нижней Узе, притоку Сожа ниже Гомеля: Телешевичи, Бобовичи (известные с 1532 г.), Волковичи и Дятловичи, оба известные с 1560 г. — по правому берегу Сожа - первое выше, второе - ниже Узы.

По верхней и средней Узе расположены были присоединенные к Гомелю в 1500 г. от Стрешина села Морозовичи (левый берег), Уваровичи, Тереничи, Телешевичи (правый берег). Между Узой и Сожем расположены были Волковичи, Старое, Новоселки, Хальче, Даниловичи - выше Гомеля по Сожу (два последних известны с конца XV в.); Юрковичи (в районе Хальчи, точно не отождествляются)[10] и «новорозданные» в 1640 г. Шерстин и Присно выше устья Беседи, ниже устья Липы, у границ уже с российскими Светиловичами, Бабичами".

Таким образом, в середине XVII в. к Гомельскому повету в Речи Посполитой были присоединены стрешинские и горвольские села по левому берегу Днепра. В XVI в., следовательно, западные рубежи Гомеля до Днепра не доходили. Граница 1503-1537 гг. Гомеля с Литвой проходила -

[9] *Обнаружены Засовье и Бацунь, и именно между и чуть севернее Чеботовичей и Теренич.*

[10] *На современной карте у р. Сож между деревнями Новоселки и Шерстин отмечены Юрковичи* (Гомельская область. Атлас. С. 17). *Сведения «Реестра» 1560 г. допускают возможность нахождения ceia в этом месте. Однако ни на одной карте ранее 1942 г. Юрковичи не встречаются. Есть только одно свидетельство о существовании археологического памятника возле современной д. Юрковичи, но неизвестно, к какому времени он относится (Рогалев А. Ф.* Топонимический словарь Встковского района. С. 176).

[1]АЗР. Т. 5. № 16. С. 37-67; СИРИО. Т. 35. С. 469,495,751-752; Атлас Российской империи, состоящий из 45 карт. СПб., 1792. Могилсвскос наместничество: Лухиничи, Кошслева, Дуравичи, Пиревичи, Губичи, Чеботовичи, Бобовичи, Дятловичи, Морозовичи, Тереничи, Хальч, Новоселки, Шсрстино, Борхова; Список населенных мест Гомельского округа. Гомель, 1927. Уваровский район; № 255 - с. Тслеши, № 265 - Тереничи, № 279 - с. Уваровичи, № 287 - с. Чеботовичи, № 305 - с. Черное; Дятловичский район: № 3 - с. Бобовичи, № 51 - с. Ст. Дятловичи, № 55 - с. Тсрсшковичи; Веткинский р-н: № 61 - с. Новоселки, № 119-е. Хальче, № 126-е. Шерстин, № 71 -с. Присно, № 132-д. Юрковичи.

от границ с Чечерском у Липиничей далее на запад через верховье Липы, огибая Кошелев Лес на Липе и Морозовичи в верховье Узы, до стрешинских Пиреевичей, Скрепина и Губичей. Далее граница сворачивала на юг между Днепром и Узой, между гомельскими Уваровичами, Тереничами и Телешевичами и горвольскими Чеботовичами - Черной и речицкими селами (из них отыскивается на левом берегу Днепра Борхов), с гомельской стороны в низовье Узы и по Сожу ниже ее устья в XVI в. - сс. Бобовичи, Дятловичи. Границу, таким образом, можно приблизительно провести почти ровной линией между Днепром и Узой и далее между Днепром и Сожем до любецкого рубежа, района Исаковичей на Днепре - Яриловичей на Соже.

Напомним, что, поскольку Любеч отошел к Литве в 1508 г., а Гомель в 1537 г., небольшой участок гомельско-любецкого рубежа 1508-1537 гг. был государственной границей. Этот участок границы в районе Дятловичей гомельских - Исаковичей любецких, Слободы и Марковичей гомельских - любечских Яриловичей подробно рассматривается вместе с гомельско-черниговским рубежом.

Граница России с Литвой 1503 г. в районе Гомеля показана в литературе в основном верно, за исключением некоторых работ, где западная граница Гомеля проведена по Днепру (Н. И. Павлищев, настенная карта «Образование Русского централизованного государства», 1963 г.) или, наоборот, по Сожу (А. Добряков)[12]. Следует отметить, что в большинстве работ граница на севере проводится слишком ровно на запад от Сожа, т. е. не показывается клин на юг к Лапичам, и таким образом часть кричевской территории у Сожа оказывается включенной в Гомельскую землю[13]. Такой неточности избегает только Я. Натансон-Лески.

В левобережье Сожа у границ со Стародубом (государственная граница с 1537 г.) по описи 1640 г. в Гомельском старостве известны села:

Демьяновичи - на правом берегу Ипути, Добруша - ниже по Ипути, у устья ее левого притока Хоропути, Романовичи еще ниже, Головинцы и Лагуновичи - ниже устья Ипути на Соже у самого Гомеля.

На Хоропути - ее. Корма на левом, Данилковичи, и Кузминичи на правом берегу, в верховье, недалеко от Стародубской границы.

По Утье - левому притоку Сожа ниже Ипути - Терешковичи у устья, выше по левому берегу - Антоновичи, Утье, по правому - Прибытковичи (Прибытки), известные с 1537 г., Носовичи, Озаричи.

[12] *По Сожу границу проводил также Л. Коланковский (Kolankowski L.* Zygmunt August, Wielki książę Litwy do r. 1548 r. Lwów, 1913. S. 265; Tab. IV. Granica Litwy z Moskwą).

[13] *Локализация Лапичей на правой стороне р. Сож, очевидно, не соответствует действительности. Клина на юг к Лапичам не существовало.*

На юге у границ с любечскими Яриловичами - с. Марковичи в левобережье Терюха, также левого притока Сожа, ниже Утьи, известное из описи Черниговских границ начала XVI в.

На юго-востоке у границ с Черниговым - Юрковичи на Цате, притоке Снови выше Горска, известные с 1532 г.; Вага - на одноименной реке, притоке правом Снови, выше Цаты - у границ со Стародубом, на востоке.

На северо-востоке - Тростин (с. Засуха-Тростань, Старая Тростань) на левом берегу Карны (Кормы) - левого притока Сожа, верховья которой подходят здесь близко к верховью Снови, у границы с «московскими» селами Бобовичами и Микуличами; с. Тростин известно по грамоте 1560 г., найденной Филаретом. Южнее его - с. Рыловичи, также известное по грамоте 1560 г. Не обнаруживается с. Слобода « на границе Московской», известное по описанию черниговских границ, и Севрюки также «на границе Московской». Есть село Севрюки на Соже между устьями Ипути и Утьи, но это далеко от границы[14].

Сопоставление с известными селами Стародубского уезда XVI в. дает о стародубско-гомельской границе 1537 г. представление очень приблизительное. Кроме упоминаемых в дипломатических документах нескольких сел и деревень XVI в.: д. Онкушино (не отождествляется), Боровичи (может быть, Бобовичи? Известна д. Боровичи нарч. Бычихе, но в Новгород-Северском уезде); с. Микуличи, по литовской грамоте 1560 г., на границе с Рыловичами и Тростиным - литовскими (сами Микуличи отождествляются Филаретом с д. Николаевкой у Рыловичей) у верховьев Карны - левого притока Ипути и верховьев Снови - правого притока Десны-все 1550 г.; с. Бобовичи (1560 и 1592 гг.) - на правом берегу Ипути, выше устья Карны, по грамоте 1560 г. литовское село Тростин граничило с «московскими Бобовичами». В грамоте 1498 г. кн. Ив. Бор. Глинский получил в Стародубском повете подтверждение на людей Внучковичей и Халеевичей. Филарет приписывает им ее. Внуковичи на рч. Синявке (Синем Колодезе) и Халеевичи; в XVI в. Внуковичи не упоминаются[15].

[14] *Филарет, архим. (Ф. И. Гуммевский).* Историко-статистичсское описание Черниговской епархии. Чернигов, 1874. Кн. 6. С. 362-366; в универсале Богдана Хмельницкого 1656 г. сщ. Тростянское указано в Мглинской волости (АЮЗР. Т. 3. СПб., 1861. №357. С. 544); *Лазаревский* Л. Описание Старой Малороссии. Т. 1. С. 418-419; Список населенных мест Гомельского округа: Гомельский р-н: № 115 - с. Романовичи, № 152 - д. Севрюки, № 2 - с. Плесы; Добрушинский р-н: № 24 - с. Корма, № 81 - д. Ст. Добруш; Красно-Рудский р-н: № 29 - с. Кузьминичи, К» 34 - с. Уть; Носовичский р-н: № 50 - с. Марковичи, № 58 - с. Носовичи, № 73 - с. Прибытки; Список населенных мест Российской империи: Черниговская губерния. СПб., 1866. № 2412 - хут. Вага, № 2473 - д. Тростань, № 2272 - с. Риловичи (Рыловичи).

[15] *Упоминаются в росписи дорог на Северщину в 1534 г.* (Радзивилловские акты. № 18. С. 71).

В акте передачи Стародуба 1619 г. указаны села: Невзоровское (с. Невзоров на рч. Кроне) северо-восточнее Стародуба, Кропивка (с. Кропивна в левобережье Трубежа, правого притока Снови, юго-зап. Ропска или д. Крапивная на рч. Бабинце, юго-вост. Стародуба), 2 дер. Халеевичи (на рч. Сичевке, северо-западнее Стародуба и на р. Ипути, на левом берегу, выше Бобовичей), Дареевичи - на рч. Берестянке, несколько южнее Халеевичей, Остроглядово (с. Остроглядов на рч. Петрятинке), д. Волкова (не отыскивается), с. Ропкея (?) (Ст. Ропск на р. Ропе, правом притоке Снови), Обеовичи (?), Фоевичи - в верховьях Ваги. Кроме Ропска и Волковой все эти села и деревни упоминаются в грамотах Сигизмунда III 1610-1612 гг. В этих грамотах названы еще некоторые деревни и села в Стародубском уезде, отыскать удалось их не все. Севернее Стародуба обнаруживаются: Найпутовичи (Наипотовичи на рч. Жече), Росуха, известные по описанию черниговских границ начала XVI в., д. Дерновичи (Берновичи), д. Сергеевская (с. Сергеевск), д. Янкова (Яцковичи), сц. Новое (с. Новое Село), д. Решотки, сц. Костино (Костичи), д. Кустичи, д. Пятовская (с. Пятов) - северо-западнее Стародуба. К югу от Стародуба: д. Меринова (Мироновка на Бабенце), д. Гринево (с. Гринев на рч. Узрое), сц. Очкино (с. Очкин в устье Вабли у Судости)[16], д. Хоромна на рч. Столпне (с. Хоромное); сц. Курковичи -далеко на юге, в верховье Ревны, левого притока Снови.

По грамоте Сигизмунда III 1620 г., подтвержденной Богданом Хмельницким в 1656 г. в Стародубском уезде Рубцам, у них были села: Курозново (правый берег Снови), Раженичи (Рудня на Снови), Бобкн (правый берег, ниже по Снови), Черноокое (левый берег, против Бобков), Брахлов (по обеим сторонам Снови) с землями Ляхов (сщ. Любечанах - правый берег, у Ропска), Ключ, Головская, Стровская, Ковбасовская и сщ. Полховым (Полхово, правый берег) и Стобковым (с. Истобки левый берег, ниже Черноокова). Это верховье Снови по обоим берегам до Ропска. В другой грамоте 1620 г. волость Тополь отдана мозырскому старосте Стравинскому (в правобережье рч. Титвы, северного притока Снови)[17].

Таким образом, для определения стародубско-гомельской границы 1537 г. имеется очень мало данных. Граница XVIII-XX вв. на этом участке отодвинулась несколько на запад, в пределы Гомеля. Для XVI в. мы мо-

[16] *Это строго на запад, а не на юг от Стародуба.*

[17] СИРИО. Т. 59. С. 345-346; РГАДА. Ф. 79. Кн. 22. Лл. 136-137; 1619 г. Д. 2. Лл. 64-66; *Анпилогов Г. Н.* Новые документы о России конца XVI- начала XVII в. М., 1967. С. 86; *Сухотин Л. М.* Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. 1610-1611 гт.М., 1911. С. 109;АК)ЗР.Т.rV.Cn6., 1863. С. 454 *(нет такой страницы);* Список населенных мест Российской империи. Черниговская губерния. № 2264 - хут. Николаевска, № 2461 - с. Бобовичи Старые, № 3228 - д. Невзоров, № 2345 - с. Кропивна, № 3112 - с. Халеевичи Старые, № 3116 - с. Дареевичи, № 3132 - сц. Остроглядов(о), № 3274- с. Ропск Старый,

жем проследить границу очень приблизительно от Лапич в правобережье Сожа на восток к Сожу к Ухову Стародубскому, севернее позднейших сел гомельских Присно и Шерстина[18], древних Даниловичей. Далее, видимо вниз по Сожу до Беседи; в низовье Беседи Стародубская волость Голодно. От Беседи на восток к Ипути и Бобовичам, оставляя на юге гомельские Демьяновичи на Ипути. От Ипути на восток по Карне, затем огибая гомельские села Тростин и Рыловичи, на юг к Цате, оставляя на востоке в Стародубском уезде Ропск, Кропивну, Чуровичи, Фоевичи на Ваге. Между стародубскими Чуровичами и гомельскими Юрковичами. И по Цате к Снови, севернее Горска, где к стародубско-гомельскому рубежу подходил черниговский.

От Снови граница гомельско-черниговская по описанию черниговских границ начала XVI в. приблизительно прослеживается к Смячу - притоку Десны и от него к Сухому Виру - притоку Сожа, до любецкого рубежа. Граница с Любечем прослеживается от Сухого Вира к Колодчичам любецким у Днепра в устье Сожа и далее на север вдоль Сожа к Яриловичам любецким; пограничными здесь являются гомельские села Слобода и Марковичи. Далее неясно к Сожу и Сокольему Гнезду (не определяется) и к р. Утье и
от нее к Игоревичам (также не отождествляются). (Карта 10).

Стародубско-гомельская граница правильно показана у Я. Натансона-Леского. У большинства же исследователей она сдвинута на запад, вероятно согласно позднейшей границе XIX в., так что район Тростино-Рыловичей отнесен к Стародубу. Такая пограничная линия характерна и для советских картографических работ.

№ 2410 - с. Фоевичи, № 3155 - Найпотовичи, № 3239 - д. Росуха, № 3200 - д. Бсрновичи, № 3120-е. Ссргесвск, № 3216-д. Яцковичи, № 3218-е. Новое, № 3189 -с. Рсшотки, № 3119 — с.устичи, № 3141 -с. Пятовск, № 3306-е. Мериновка, №3317-с. Гринев, № 2353 -с.Хоромное, № 3158 - с. Курковичи, № 2307 - с. Курознов, № 2305 - д. Рудня, № 2284 - д. Бобки, № 2286 - д. Черноокова, № 2287 - д. Полхова, № 2290 - с. Истобки, № 2295 - с. Топаль Великая; *Филарет, архим. (Ф. И, Гумилевский).* Историко-статистичсскос описание Черниговской епархии. Кн. 7. С. *361-534; Лазаревский А.* Описание старой Малороссии. Т. 1.С. 146-153,162-170, 222-223, 362, 382-384, 389-390, 395-400,403-412.

[18] *Пресно и Шерстино - тоже древние села Гомеля, упоминаемые в 40-е гг. XV в.*

Карта 10. Гомельская земля по Н. Б. Шеламановой.

ПОСЕЛЕНИЯ ГОМЕЛЬСКОЙ ЗЕМЛИ В XV - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в.

Географический указатель-комментарий'

В географическом указателе-комментарии приведены населенные пункты, в той или иной степени относившиеся в XV - первой половине XVI в. к Гомельской земле. Здесь перечислены поселения и волости: 1) непосредственно входившие в состав Гомельской волости (повета) до 1500 г., Гомельского уезда 1500-1535 гг., Гомельской волости (староства) с 1535 г.; 2) временно, на короткий срок, присоединенные к Гомелю из Пропойской, Чечерской, Стрешинской, Горвольской и Речицкой волостей; 3) в которых распоряжалась гомельская администрация (волость Олучичи). Кроме того, представлены некоторые пограничные с Гомельскими землями населенные пункты.

Выделение периода существования Гомельского уезда -1500-1535 гг. - условно. На самом деле уезд с центром в Гомеле начинает формироваться только с 1518 г., т. е. со времени ликвидации Стародубского удельного княжества, частью которого была Гомельская земля.

Указатель не ориентирован на отражение принадлежности населенных пунктов тому или иному владельцу. Приоритет остается за показом территориального состава Гомельской земли в целом. Нужно отметить, что на Гомельской территории располагались крупные панские (Халецких, Саковичей и др.) и боярские (Ивана и Нечая Хомыров и др.) владения; также земли нескольких сел, острова, угодья принадлежали гомельской церкви св. Спаса Черниговской и Брянской епархии.

---

[1]В основу данного указателя положены методики, разработанные М. Ф. Спиридоновым и А. И. Грушей *(Спиридонов М. Ф.* Населенные пункты Менского повета в 1567 г. // Актуальный пытанні вывучэння і выдання Мстрыкі Вялікага Княства Літоўскага: Матэрыялы міжнароднай навук.-практ. канфер. (Мінск, 11-12 лістапада 2003 г.). Мн., 2005. С. 160-162; *Груша АЛ.* Мстадычныя рэкамендацыі па публікацыі рукапісных актавых кірылічных крыніц у Беларусі (XIII-XVIII стст., перьид Вялікага княства Літоўскага). Мн., 2003. С. 152-156).

Указатель состоит из основных и отсылочных статей. В структуру основных статей входят следующие позиции:

1. Современное название населенного пункта. В соответствии с государственной принадлежностью вторым названием даны белорусская или украинская формы написания;

2. Тип, административно-территориальная принадлежность населенного пункта. В случае, если местоположение населенного пункта не определено, сразу приводится третья позиция, после которой следует обозначение *не идент.* Если же населенный пункт, чье местоположение точно известно, к настоящему времени прекратил свое существование или слился с соседним, то дается последняя форма его написания в найденном источнике (карты, списки населенных мест и т. д.) и указывается административно-территориальная принадлежность того населенного пункта, который существует до сих пор и с которым соседствовал или слился исчезнувший;

3. Название населенного пункта или территориальной единицы в той форме, в которой она отражена в источниках.

4. Дата первого упоминания населенного пункта или территориальной единицы (волости).

5. Тип поселения или территориальной единицы (волость) вместе с обозначением его административно-территориальной принадлежности. Если административно-территориальная принадлежность населенного пункта или волости была подвижной (а это характерно для большинства), то указывается также время их вхождения в то или иное территориальное образование. Отражено также изменение статуса некоторых поселений. Так, Бабичи в первой трети XVI в. являлись селом, а в московско-литовском договоре 1537 г. названы волостью, то есть приобрели статус волостного центра.

Отсылочные статьи упорядочивают поиск населенных пунктов и территориальных единиц. От различных форм написания, отраженных в источниках, можно перейти к современным населенным пунктам (если они локализованы) или наиболее часто встречающимся формам их названий (если не локализованы).

По отношению не ко всем поселениям Гомельской земли и ее окрестностей существует убежденность в правильности локализации. Поэтому высокая степень вероятности в отождествлении древнего населенного пункта с современным отмечена обозначением *вер.,* условная же, как правило, ложная, идентификация фигурирует под обозначением *маловер.*

В указателе приняты следующие сокращения:

в наст. вр. не сущ-ет - в настоящее время не существует; вер. - вероятно; ВКЛ - Великое княжество Литовское; ВКМ - Великое княжество

Московское; вол. - волость; г. - город; кн-ва - княжества; маловер. - маловероятно; не идент. - неидентифицировано; обл. - области; ок. - около; ошиб. - ошибочно; п/с - поселковый совет; пгт. - поселок городского типа; пов. - повет; р. - река; РБ - Республика Беларусь; р-на - района; РФ - Российская Федерация; с. - село; с/с - сельсовет; снп. - сельский населенный пункт; совм. влад-е - совместное владение; ст-во - староство; сц. - сельцо; у. - уезд; ц. - центр.

Агирево *см.* Гирово

Азаричи, снп. Спиридоно-Будского с/с Злынковского р-на Брянской обл. **РФ, Озарчичи,** *1560,* с. Гомельской вол. (ст-ва)

Антоновичи *см.* Антоновка

Антоновка, Антонаўка, д. Носовичского с/с Добрушского р-на Гомельской обл. РБ, *вер.* **Антоновичи,** *1560,* с. Гомельской вол. (ст-ва)

Бабичи, Бабічы, д. Нисимковичского с/с Чечерского р-на Гомельской обл., **Бабичи,** *1503,* до 1500 - с. Чечерской вол., 1500-1535 - с. Гомельского у., с 1537 - вол. Поповогорского у.

Бацуни *см.* Бацунь

Бацунь, Бацунь, д. Кривского с/с Буда-Кошелевского р-на Гомельской обл. РБ, **Буцони, Бацуни,** *1504,* с. Горвольской вол., ок. 1404-1511 - с. Гомельского у., с ок. 1535 - с. Гомельской вол. (ст-ва)

Березки, Бярозкі, д. Демьянсковского с/с Добрушского р-на Гомельской обл. РБ, *вер.* **Демьяновичи и Березцы, Демияновичи и Бересцы,** *1560,* с. Гомельской вол. (ст-ва)

Бобовичи *см.* Старые Бобовичи

Бобовичи, Бабовічы, д., ц. с/с Гомельского р-на Гомельской обл. РБ, **Бобовичи,** *1560,* с. Гомельской вол. (ст-ва)

Большие Немки, Вялікія Нямкі, ц. Великонемковского с/с Ветковского р-на Гомельской обл. РБ, *вер.* **Немковичи,** *1440-е, вер.* с. Чечерской вол., *маловер.* 1440-е гг. - с. Гомельской вол. (пов.), *вер.* ок. 1529-1531 - с. Гомельского у.

Большой Листвен, Великий Листвен, с, ц. с/с Городнянского р-на Черниговской обл. Украины, **Листвен,** *1526,* с. Черниговского у.

Борки *см.* Борхов

Боровичи *см.* Новые Боровичи

Борхов, Борхаў, д. Озерщинского с/с Речицкого р-на Гомельской обл. РБ, *вер.* **Борки,** *1527,* с. Речицкой вол., *вер.* ок. 1404-1511 - с. Гомельского у.

Босатковичи, Батковичи, *не идент., 1504,* с. Речицкой вол., ок. 1404-1511 - с. Гомельского у.

Буцони *см.* Бацунь

Вага, снп. Челховского с/с Климовского р-на Брянской обл. РФ, Вага, Уваже, *1560,* с. Гомельской вол. (ст-ва)

Великий Листвен, Великий Листвен, с, ц. с/с Городнянского р-на Черниговской обл. Украины, **Листвен,** с. Черниговского у. на границе с Гомельской вол. на границе с Гомельской вол.

Верещаки, с, ц. с/с. Новозыбковского р-на Брянской обл. РФ, **Верещаки,** *1534, вер.* с. Стародубской вол.

Видуйцы, Відуйцы, д. Белодубровского с/с Костюковичского р-на Могилевской обл. РБ, **Видуйцы,** *1560,* с. Крической вол., *вер.* до 1529- с. Олучицкой вол.

Виловка *см.* Вихолка

Вихолка, снп. Катичского с/с Новозыбковского р-на Брянской обл. **РФ,** *вер.* **Виловка,** *1531,* с. Стародубской вол.

Влазовичи, с, ц. с/с Суражского р-на Брянской обл. РФ, **Влазовичи,** *1526,* с. Дроковской вол.

Внуковичи, с, ц. с/с Новозыбковского р-на Брянской обл., **Унуковичи,** *1498,* с. Стародубской вол.

Волковичи *см.* Урицкое

Волковичи, *1537, не идент.,* с. Чечерской вол.

Волозковичи *см.* Волосовичи

Волосовичи, Валасовічы, д. Полесского с/с Чеческого р-на Гомельской обл. РБ, **Волосавичи,** *1527,* с. Чечерской вол., ок. 1529-1531 - с. Гомельского или Стародубского у.

Волосовичи, Волчковичи, Волозковичи, *не идент.,* с. Гомельской вол. (пов.), *ок. 1447,* до 1500- с. Гомелькой вол. (пов.), 1500-1535- с. Гомельского у., с 1535 - с. Гомельской вол. (ст-ва)

Волосовщина, *1560, не идент.,* пуст. с. Даниловичи Гомельской вол.

Волчковичи *см.* Волосовичи

Выстриганов, *1527, не идент.,* с. Чечерской вол.

Гиров, Гіраў, д. Белоболотского с/с Речицкого р-на Гомельской обл. РБ, *вер.* **Агирево,** *1527,* с. Речицкой вол., *вер.* ок. 1404-1511 - с. Гомельского у.

Гоботовичи *см.* Чеботовичи

Головинцы, Галавінцы, д. Улуковского с/с Гомельского р-на Гомельской обл. РБ, **Головинцы,** *1560,* с. Гомельской вол. (ст-ва)

Голодно, *в наст. вр. не сущ-ет,* ок. д. Беседь Ветковского с/с Ветковского р-на Гомельской обл. РБ, **Голодн»,** *1503,* до 1500 - с. Чечерской вол., 1500-1535 - с. Гомельского у., с 1537 - вол. Поповогорского у.

Гомель *см.* Гомель

Гомель, Гомель, г., ц. обл. **РБ, Гомель, Гомий,** *1142,* г., до 1500 - ц. вол. (пов.) ВКЛ, 1500-1535 - ц. у. ВКМ, с 1535 - ц. ст-ва (вол.) ВКЛ

Гомий *см.* Гомель

Горваоіь, Горваль, д. Глыбовского с/с Речицкого р-на Гомельской области РБ, **Горволь,** *конец XIV в.,* г., ц. вол. ВКЛ

Горволь *см.* Горваль

Горек, Гирськ, с, ц. с/с Щорского района Черниговской обл. Украины, **Гореск,** *1526,* с. Черниговского у. на границе с Гомельской вол.

Губичи, Губічы, ц. с/с Буда-Кошелевского р-на Гомельской обл. РБ, **Губичи,** *1527,* с. Стрешинской вол., *вер.* ок. 1527 - с. Гомельского у.

Данилковичи, *1560, не идент.,* с. Гомельской вол. (ст-ва)

Даниловичи, Данілавічы, д. ц. с/с Ветковского р-на Гомельской обл. РБ, **Даниловичи,** *ок. 1447,* до 1500-е. Гомелькой вол. (пов.), 1500-1535 - с. Гомельского у., с 1535 - с. Гомельской вол. (ст-ва)

Демияновичи и Бересцы *см.* Березки

Демияновичи и Бересцы *см.* Демьянки

Демьянки, Дзям'янкі, д., ц. с/с Добрушского р-на Гомельской обл. РБ, *вер.* **Демьяновичи и Березцы, Демияновичи и Бересцы,** *1560,* с. Гомельской вол. (ст-ва)

Демьяновичи и Березцы *см.* Березки

Демьяновичи и Березцы *см.* Демьянки

Деревины, Деревини, с, ц. с/с Городнянского района Черниговской обл. Украины

Добруш, Добруш, г., ц. р-на Гомельской обл. РБ, **Добруша,** *1560,* с. Гомельской вол. (ст-ва)

Добруша *см.* Добруш

Дроков *см.* Старый Дроков

Дуравичи, Дуравічы, д. ц. с/с Буда-Кошелевского р-на Гомельской обл. **РБ, Дуровичи,** *ок. 1447,* до 1500- с. Гомелькой вол. (пов.), 1500-1535 - с. Гомельского у., с 1535 - с. Гомельской вол. (ст-ва)

Дуровичи *см.* Дуравичи

Дятловичи *см.* Старые Дятловичи

Еленец, Елянец, д. Старобудского с/с Буда-Кошелевского р-на Гомельской обл. РБ, **Еленцы,** *1527,* с. Стрешинской вол., с ок. 1527- с. Гомельского у.

Железники, Жалезнікі, д. Светиловичского с/с Ветковского р-на Гомельской обл. РБ, **Железниковичи,** *1537, вер.* до 1500-е. Чечерской вол., 1500-1535 - с. Гомельского у., с 1537 - *вер.* с. Поповогорского у.

Железниковичи *см.* Железники

Залесье, Залессе, д., ц. с/с Чечерского р-на Гомельской обл. РБ, **Залесье, Залесе,** *1503,* до 1500 - с. Чечерской вол., 1500-1535 - с. Гомельского у., *вер.* с ок. 1525 - с. вол. Маслов десяток, с 1537 - вол. Поповогорского у.

Засовье, в *наст. вр. не сущ-ет,* ок. д. Чеботовичи, ц. с/с Буда-Кошелевского р-на Гомельской обл. РБ, **Засовье,** *ошиб.* **Засуев,** *1504,* с. Горвольской вол., ок. 1504—1511 - с. Гомельского у., с ок. 1535- с. Гомельской вол. (ст-ва)

Заспа, Заспа, д., ц. с/с Речицкого р-на Гомельской обл. РБ, **Заспа, Заспичи,** *сер. XVв.,* с. Речицкой вол., *вер.* ок. 1504-1511 - с. Гомельского у.

Зеленово, *1527, не идент.,* с. Чечерской вол.

Зенковичи *см.* Самотевичи

Зенковичи, *в наст. вр. не сущ-ет,* ок. д. Самотевичи Белодубровского с/с Костюковичского р-на Могилевской обл. РБ, **Зенковичи,** с. Кричевской вол., *вер.* до 1529 - с. Олучицкой вол.

Игоревичи, Огоревщина, *1526, не идент.* с. Гомельской вол.

Исаковичи, Ісакавічы, д. Страдубского с/с Лоевского р-на Гомельской обл. РБ, **Исаковичи,** *1560,* с. Любечской вол.

Кавычицы, Кавычыцы, д. Бороньковского с/с Костюковичского р-на Могилевской обл. РБ, **Ковычичи,** *1527,* с. Кричевской вол., *вер.* до
1529 - с. Олучицкой вол.

Калскевичи *см.* Келскевичи

Карповичи *см.* Павло-Карповский

Келскевичи, Калскевичи, Кольскевичи, Скольскевичи, *1504, не идент.,* с. Горвольской вол., ок. 1504-1511 -с. Гомельского у., с ок. 1535- с. Гомельской вол. (ст-ва)

Кибилщичи *см.* Кибирщина

Кибирщина, снп., ц. с/с Красногорского р-на Брянской обл. РФ, **Кибилщичи,** *1526,* с. Поповогорской вол.

Киселевка, Кісялёўка, д. Белодубровского с/с Костюковичского р-на Могилевской обл. РБ, **Слобода,** *1526,* с. Олучицкой вол., с 1529 — с. Кричевской вол.

Кисловичи, *не идент., 1504,* с. Речицкой вол., ок. 1404-1511 - с. Гомельского у.

Клеевичи, Клеявічы, д. Белодубровского с/с Костюковичского р-на Могилевской обл. РБ, **Уклеевичи,** 7527, с. Кричевской вол., вер. до 1529 - *вер.* с. Олучицкой вол.

Ковычичи *см.* Кавычицы

Колодчичи *см.* Колочин

Колодчичи *см.* Холмечь

Колочин, Калочыи, д. Холмечского с/с Речицкого р-на Гомельской обл. РБ, *вер.* **Колодчичи,** *1526,* с, совм. влад-е Любечской и Речицкой вол.

Кольскевичи *см.* Келскевичи

Корма, Карма, д., ц. с/с Добрушского р-на Гомельской обл. РБ, **Корма,** *1560,* с. Гомельской вол. (ст-ва)

Костюковичи, Касцюковічы, г., ц. р-на Могилевской обл. РБ, *вер.* **Костюково,** *1508,* с. Олучицкой вол., с 1529 - с. Кричевской вол.

Косткжово *см.* Костюковичи

Кошелев лес *см.* Кошелево

Кошелево, Кошалёва, ц. с/с Буда-Кошелевского р-на Гомельской обл. РБ, **Кошелев Лес, Кошелево,** *1503,* до 1500 - с. Горвольской вол., 1500-1535 - с. Гомельского у, с ок. 1535 - с. Гомельской вол. (ст-ва)

Красная Гора (до 1922 - Попова Гора), пгт., ц. р-на Брянской обл. РФ, **Попова Гора,** г., до 1500 - ц. вол. Мстиславского кн-ва ВКЛ, 1500-1518 - ц. вол. Стародубского кн-ва ВКМ, с 1518 - ц. у. ВКМ

Крюков десяток, вол. Гомельского у, образована ок. 1525

Кузнецевичи, *1526, не идент.,* с. Поповогорской вол.

Кузьминичи, Кузьмінічы, д., ц. с/с Добрушского р-на Гомельской обл. РБ, **Кузьмичи,** *1560,* с. Гомельской вол. (ст-ва)

Кузьмичи *см.* Кузьминичи

Кукличи *см.* Пукличи

Кукличи, Куклічы, д. Залесского с/с Чечерского р-на Гомельской обл. РБ, **Кукличи, Пукличи,** *1527,* с. Чечерской вол., ок. 1529-1531 - с. Гомельского или Стародубского у.

Лагуновичи *см.* Логуны

Лапичи, Лапічы, д. Уваровичского п/с Буда-Кошелевского р-на Гомельской обл. РБ, *маловер.* **Лапичи,** *1503,* до 1500- с. Чечерской вол., 1500-1535 - с. Гомельского у., с 1537 - вол. Поповогорского у.

Леваши, Левашы, д. Заспенского с/с Речицкого р-на Гомельской обл. РБ, **Лемешевичи,** *ошиб.* **Левошевичи,** *1504,* с. Речицкой вол., *вер.* ок. 1504—1511 - с. Гомельского у.

Липиничи, Ліпінічы, д., ц. с/с Буда-Кошелевского р-на Гомельской обл. РБ, **Липиничи,** *1503,* до 1500- с. Чечерской вол., 1500-1535 - с, совм. влад-е Гомельского у. и Чечерской вол., с ок. 1535 - с. Чечерской вол.

Листвен *см.* Большой Листвен

Логуны, Лагуны, д. Носовичского с/с Добрушского р-на Гомельсской обл. РБ, **Лагуновичи,** *1560,* с. Гомельской вол. (ст-ва)

Лоев, Лоеў, пгт., ц. р-на Гомельской обл. РБ, **Лоева Гора,** 7505, *вер.* с. Любечской вол.

Лоева Гора *см.* Лоев

Локичи, *1526, не идент.,* с. Пропойской вол.

Лугиничи, Лугінічы, д. Октябрьского с/с Буда-Кошелевского р-на Гомельской обл. РБ, **Лугиничи,** *1526,* с. Чечерской вол.

Лучин *см.* Олучичи

Лучицкая *см.* Олучичи

Лучичи *см.* Олучичи

Любеч, Любеч, пгт., ц. с/с Репкинского р-на Черниговской обл. Украины, **Любеч,** *882,* г., ц. вол. ВКЛ, 1500-1508 - ц. вол. ВКМ

Марковичи, д., *в наст. вр. не сущ-ет,* ок. д. Студеная Гута Терюхского с/с Гомельского р-на Гомельской обл. РБ, *вер.* **Марковичи,** *1526,* до 1500- с. Гомельской вол. (пов.), 1500-1535 - с. Гомельского у., с 1535 - с. Гомельской вол. (ст-ва)

Марковичи, Маркавічы, д., ц. с/с Гомельского р-на Гомельской обл. РБ,вер. **Марковичи,** *1526,* до 1500-с. Гомелькойвол. (пов.), 1500-1535 - с. Гомельского у., с 1535 - с. Гомельской вол. (ст-ва)

Маслов десяток, вол. Гомельского у., образована ок. 1525

Мглин, г., ц. р-на Брянской обл. РФ, **Мглин,** *конец XIV в., г.,* до 1500 — ц. вол. Мстиславского кн-ва ВКЛ, 1500-1518 - ц. вол. Стародубского кн-ва ВКМ, с 1518 - ц. вол. Карачевского у. ВКМ

Микуличи *см.* Николаевка

Михальки, Міхалькі, д. Стукачевского с/с Гомельского р-на Гомельской обл. РБ, **Михалкове,** *1527,* речицкий «заход»

Мокрое, Мокрае, д. Броньковского с/с Костюковичского р-на Могилевской обл. РБ, **Мокрое,** *1526,* с. Олучицкой вол., с 1529 - с. Кричевской вол.

Морозовичи, Марозавічы, д., ц. с/с Буда-Кошелевского р-на Гомельской обл. РБ, **Морозовичи,** *1503,* до 1500 - с. Стрешинской вол., 1500-1535 - с. Гомельского у., с 1535 - с. Гомельской вол. (ст-ва)

Навилавка *см.* Новиловка

Немковичи *см.* Большие Немки

Николаевка, *в наст. вр. не сущ-ет,* ок. снп. Рыловичи (Сновское), ц. с/с Новозыбковского р-на Брянской обл. РФ,*маловер.* **Микуличи,** *1550,* с. Стародубской вол.

Нисимковичи, Нісімковічы, д., ц. с/с Чечерского р-на Гомельской обл. РБ, **Онисимковичи,** *1531,* с. Чечерской вол., *вер.* ок. 1529-1531 - с. Гомельского или Стародубского у.

Новиловка, Навілаўка, д., ц. с/с Ветковского р-на Гомельской обл. РБ, **Навилавка,** *1527,* до ок. 1525 - с. Чечерской вол., с ок. 1525 - *вер.* с. вол. Маслов десяток

Новоселки, Новасёлкі, д. Шерстинского с/с Ветковского р-на Гомельской обл. РБ, **Новоселки,** *1440-1442,* до 1500- с. Гомелькой вол. (пов.), 1500-1535 - с. Гомельского у., с 1535 - с. Гомельской вол. (ст-ва)

Новые Боровичи, Нові Боровйчі, с, ц. с/с Щорского р-на Черниговской обл. Украины, **Боровичи,** *1526,* с. Черниговского у. на границе с Гомельской вол., *вер.* ок. 1550 - с. Стародубского у.

Носовичи, Насовічы, д., ц. с/с Добрушского р-на Гомельской обл., **Носовичи,** *1560,* с. Гомельской вол. (ст-ва)

Огоревщина *см.* Игоревичи

Озарчичи *см.* Азаричи

Олучичи, Лучичи, Лучитцкая, Лучин, *1488,* ц. вол., вол., спорная между ВКЛ и ВКМ, с 1529 - в составе Кричевской вол.

Онисимковичи *см.* Нисимковичи

Оношки, *в наст. вр. не сущ-ет,* ок. д. Залесье, ц. с/с Чечерского р-на Гомельской обл. РБ, *вер.* **Оношковичи,** *1527,* до ок. 1525 - с. Чечерской вол., с ок. 1525 - *вер.* с. вол. Маслов десяток

Оношковичи *см.* Оношки

Ореховичи, Орехвичи, *1531, не идент.,* с. Чечерской вол., ок. 1529—1531 - с. Гомельского или Стародубского у.

Орлово гнездо, ориентир для обозначения границы

Павло-Карповский, *в наст. вр. не сущ-ет,* ок. д. Нисимковичи, ц. с/с Чечерского р-на Гомельской обл. РБ, *маловер.* **Карповичи,** *1527,* с. Чечерской вол., *вер.* ок. 1529-1531 - с. Гомельского или Стародубского у.

Панкевичи *см.* Паньковичи

Паньковичи, *в наст. вр. не сущ-ет,* слилось с с. Творишино, ц. с/с Гордеевского р-на Брянской обл. РФ, **Панкевичи,** *1526,* с. Поповогорской вол.

Папоротки, Папароткі, *в наст. вр. не сущ-ет,* ок. д. Казаковка Каменковского с/с Славгородского р-на Могилевской обл. РБ, *вер.* **Папорочичи,** *1527,* с. Пропойской вол.

Папоротная, Папаротная, д. Белодубровского с/с Костюковичского р-на Могилевской обл. РБ, *вер.* **Папорочичи,** *1527,* с. Пропойской вол.

Папорочичи *см.* Папоротки и Папоротная

Пиревицкое *см.* Пиревичи

Пиревичи, Пірэвічы, д., ц. с/с Жлобинского р-на Гомельской обл. РБ, **Пыреевичи, Пиревицкое,** *1527,* с. Стрешинской вол., *вер.* ок. с. Гомельского у.

Плесо *см.* Плесы

Плесы, Плесы, д. Поколюбичского с/с Гомельского р-на Гомельской обл. **РБ, Плесо,** *1560,* с. Гомельской вол. (ст-ва)

Познаховичи, *1526, не идент.,* с. Любечской вол.

Поколюбицкая *см.* Поколюбичи

Поколюбичи, Пакалюбічы, д. ц. с/с Гомельского р-на Гомельской обл. РБ, **Поколюбицкая,** *1560,* земля с сеножатями с. Волозковичи (Волчковичи)

Полесье, **Палессе,** д., ц. с/с Чечерского р-на Гомельской обл. РБ, **Полесье,** *1531, вер.* с. Пропойской вол.,.ок. 1529-1531 - с. Гомельского или Стародубского у.

Полесье, Палессе, д., ц. с/с Чечерского р-на Гомельской обл. РБ, *маловер.* **Полешане, Полшане,** до 1500 - с. Чечерской вол., 1500—1535 - с. Гомельского у., *вер.* с 1535 - с. Чечерской вол. (ст-ва)

Полешане *см.* Полесье

Полшане *см.* Полесье

Попова Гора см. Красная Гора

Потесы, д. Неглюбского с/с Ветковского р-на Гомельской обл. РБ

Пресно *см.* Присно

Прибытки, Прыбыткі, д., ц. с/с Гомельского р-на Гомельской обл. РБ, **Прибытковичи,** *1537,* до 1535 - с. Гомельского у., с 1535 - с. Гомельской вол. (ст-ва)

Прибытковичи *см.* Прибытки

Присно, Прысно, д. ц. с/с Ветковского р-на гомельской обл. РБ, **Пресно, Присно,** *1440-1442,* до 1500 - с. Гомельской вол. (пов.), 1500-1535 - с. Гомельского у., с 1535 - с. Гомельской вол. (ст-ва)

Пропоеск *см.* Славгород

Пропоиск *см.* Славгород

Пропойск *см.* Славгород

Пыреевич *см.* Пиревичи

Рагозичи, *1526, не идент.,* с. Поповогорской вол.

Речица, Рэчыца, г., ц. р-на Гомельской обл. РБ, **Речица,** *1214,* г., ц. вол. ВКЛ

Рогов, с, ц. с/с Злынковского р-на Брянской обл. РФ, **Супруново, Рогово,** *1552,* с. Гомельской вол. (ст-ва)

Рогово *см.* Рогов

Романовичи, Раманавічы, д. Улуковского с/с Гомельского р-на Гомельской обл. РБ, **Романовичи,** *1560,* с. Гомельской вол. (ст-ва)
Рыловичи *см.* Сновское

Светиловичи, Свяцілавічы, д., ц. с/с Ветковского р-на Гомельской обл. РБ, **Светиловичи, Святиловичи,** *1503,* с. Чечерской вол., до 1500 - с. Чечерской вол., 1500-1535- с. Гомельского у, с 1537- вол. Поповогорского у.

Свободка *см.* Слобода

Себровичи, Сябровічы, д. Ленинского с/с Чечерского р-на Гомельской обл. РБ, *маловер.* **Скарбовичи,** *1503,* до 1500 - с. Чечерской вол., 1500-1535 - с. Гомельского у., с 1537 - вол. Поповогорского у.

Севруки *см.* Севрюки

Севруки, *1560, не идент.,* с. Гомельской вол. (ст-ва), «на границы Московской»

Севрюки, Сеўрукі, д. Ченковского с/с Гомельского р-на Гомельской обл. РБ, **Севруки,** *1560,* с. Гомельской вол. (ст-ва)

Серебронский ез, *1526,* перегорода р. Днепр чуть выше устья р. Сож

Скарбовичи *см.* Себровичи

Скепно *см.* Скепня

Скепня, Скепня, д. Пиревичского с/с Жлобинского р-га Гомельской обл. РБ, **Скепно, Скрепна,** с. Стрешинской вол., с 1535 - с. Гомельского ст-ва, ок. сер. XV в. - с. Стрешинской вол.

Скольскевичи *см.* Келскевичи

Скрепна *см.* Скепня

Славгород, Слаўгарад, г., ц. р-на Могилевской обл. РБ, **Пропойск, Пропоиск, Пропоеск,** г., ц. волости ВКЛ

Слобода *см.* Киселевка

Слобода, *в наст. вр. не сущ-ет,* ок. с. Деревины, ц. с/с Городнянского р-на Черниговской обл. Украины, *вер.* **Свободка,** *1440-1452,* с. Гомельской вол., *вер.* **Слободка,** *1526,* с. Гомельского у., *вер.* **Слобода, Слободское,** *1560,* с, сц. Гомельской вол. (ст-ва)

Слобода, Слабада, д. Кузьминичского с/с Добрушского р-на Гомельской обл. РБ, *маловер.* **Свободка,** *1440-1452,* с. Гомельской *вол., маловер.* **Слободка,** *1526,* с. Гомельского у., *маловер.* **Слобода, Слободское,** *1560,* с, сц. Гомельской вол. (ст-ва)

Слободка *см.* Слобода

Слободское *см.* Слобода

Сновское, снп., ц. с/с Новозыбковского р-на Брянской обл. РФ, **Рыловичи,** *1560,* с. Гомельской вол. (ст-ва)

Сокольє гнездо, Соколское гнездо, ориентир для обозначения границы

Стародуб, г., ц. р-на Брянской обл. РФ, **Стародуб,** *ок. 1079,* г., ц. вол., до 1500 - ц. кн-ва ВКМ, 1500-1518 - ц. кн-ва ВКМ, с 1518 - ц. у. ВКМ

Старое Село, Старае Сяло, д. Хальченского с/с Ветковского р-на Гомельской обл. РБ, **Старое,** *1560,* с. Гомельской вол. (ст-ва)

Старое *см.* Старое Село

Старые Бобовичи, с, ц. с/с Новозыбковского р-на Брянской обл. РФ, **Бобовичи,** *1532,* с. Стародубской вол.

Старые Дятловичи, Старый Дзятлавічы, д. Бобовичского с/с Гомельского р-на Гомельской обл. РБ, **Дятловичи,** *1560,* с. Гомельской вол. (ст-ва)

Старые Халеевичи, снп. Запольско-Халеевичского с/с Стародубского р-на Брянской обл. РФ, *вер.* **Халеевичи,** *1498,* с. Стародубской вол.

Старые Юрковичи, снп. Новоюрковичского с/с Климовского р-на Брянской обл. РФ, **Юрковичи, Ярьковичи,** *1532,* до 1535 - с. Гомельского у., с 1535 - с. Гомельской вол. (ст-ва)

Старые Ярыловичи, Старі Ярйловйчі, с. Новоярыловичского с/с Репкинского р-на Черниговской обл. Украины, **Яриловичи, Яриловцы, Ериловичи,** *1526,* с. Любечской вол.

Старый Дроков, д. Овчинского с/с Суражского р-на Брянской обл. РФ, **Дроков,** *конец XIV в.,* г., до 1500 - ц. вол. Мстиславского кн-ва ВКЛ, 1500-1518 - ц. вол. Стародубского кн-ва ВКМ, с 1518 - ц. вол. Карачевского у. ВКМ

Стрешин, Стрэшын, пгт. Жлобинского р-на Гомельской обл. РБ, **Стрешин,** *конец XIV в.,* г., ц. вол. ВКЛ

Струмень, Струмень, д. Коротьковского с/с Кормянского р-на Гомельской обл. РБ, **Струмень,** *1527,* с. Чечерской вол., *вер.* ок. 1529-1531 - с. Гомельского или Стародубского у.

Супруново см. Рогово

Телешевичи *см.* Телеши

Телеши, Целяшы, д., ц. с/с Гомельского р-на Гомельской обл. РБ, **Телешевичи, Телеши,** *1503,* до 1500 - с. Стрешинской вол., 1500-1535 - с. Гомельского у., с ок. 1535 - с. Гомельской вол. (ст-ва)

Тереничи, Цярэнічы, д., ц. с/с Гомельского р-на Гомельской обл. РБ, **Тереничи,** *1503,* до 1500 -с. Стрешинской вол., 1500-1535 - с. Гомельского у., с ок. 1535 - с. Гомельской вол. (ст-ва)

Терешковичи, Цярэшкавічы, д., ц. с/с Гомельского р-на Гомельской обл. РБ, **Терешковичи,** *1560,* с. Гомельской вол. (ст-ва)

Тростань, д., ц. с/с Новозыбковского р-на Брянской обл. РФ, **Тростынь,** 7550, с. Гомельской вол. (ст-ва)

Тростынь *см.* Тростань

Туришчевичи *см.* Турищевичи

Турищевичи, Турышчэвічы, д. Чечерского с/с Чечерского р-на Гомельской обл. РБ, **Туришчевичи,** /570, с. Чечерской вол.

Уваровичи, Уваравічы, пгт. Буда-Кошелевского р-на Гомельской обл. РБ, **Уваровичи,** 7505, до 1500- с. Стрешинской вол., 1500—1535 — с. Гомельского у., с ок. 1535 - с. Гомельской вол. (ст-ва)

Уклеевичи *см.* Клеевичи

Унуковичи *см.* Внуковичи

Урицкое, Урыцкае (до 1925 - **Волковичский Крупец),** д. ц. с/с Гомельского р-на Гомельской обл. РБ. **Волковичи,** 7560, с. Гомельской вол. (ст-ва)

Уть, Вуць, д., ц. с/с Добрушского р-на Гомельской обл. РБ, *вер.* Утье, 7560, с. Гомельской вол. (ст-ва)

Утье *см.* Уть

Уховичи *см.* Ухово

Ухово, Ухава, д. Светиловичского с/с Ветковского р-на Гомельской обл. РБ, *вер.* **Уховичи,** 75I7, *вер.* до 1500 - с. Чечерской вол., 1500-1535 - с. Гомельского у., с 1537 - *вер.* с. Поповогорского у.

Фоевичи, снп. Челховского с/с Климовского р-на РФ, **Фоевичи,** *1610,* с. Стародубской вол.

Халеевичи *см.* Старые Халеевичи

Халеевичи, снп. Староруднянского с/с Новозыбковского р-на Брянской обл. РФ, *вер.* **Халеевичи,** *1498,* с. Стародубской вол.

Хальч, Хальч, д. ц. с/с Ветковского р-на Гомельской обл. РБ, Хальче, *1437,* до 1500- с. Гомельской вол. (пов.), 1500-1535 - с. Гомельского у., с 1535 - с. Гомельской вол. (ст-ва)

Хальче *см.* Хальч

Ходимско *см.* Хотимск

Холмечь, Холмеч, д., ц. с/с Речицкого р-на Гомельской обл. РБ, *вер.* **Колодчичи,** *1526,* с, совм. влад-е Любечской и Речицкой вол.

Холмич *см.* Холмечь

Хотимск, Хоцімск, д. Белодубровского с/с Костюковичского р-на Могилевской обл. РБ, **Ходимско,** 7527, с. Кричевской вол., *вер.* до 1529 - с. Олучицкой вол.

Чеботовичи, Чабатовічы, д., ц. с/с Буда-Кошелевского р-на Гомельской обл. РБ, **Чоботовичи,** *ошиб.* **Гоботовичи,** *1504,* с. Горвольской вол., ок. 1404—1511 - с. Гомельского у., с ок. 1535 - с. Гомельской вол. (ст-ва)

Черное, Чорнае, д. Белоболотского с/с Речицкого р-на Гомельской обл. РБ, **Черный, Чорные,** *1504,* с. Горвольской вол., ок. 1404-1511 - с. Гомельского у., с ок. 1535 - с. Гомельской вол. (ст-ва)

Черные *см.* Черное

Черный *см.* Черное

Чечерск, Чачэрск, г., ц. р-на Гомельской обл. РБ, **Чечерск, Чичерск,** *1159,* г., ц. вол. ВКЛ

Чичерск *см.* Чечерск

Чоботовичи *см.* Чеботовичи

Шерстин, Шарсцін, ц. с/с Ветковского р-на, **Шерстино, Шерстин,** *1440-е,* до 1500- с. Гомелькой вол. (пов.), 1500-1535 - с. Гомельского у., с 1535 - с. Гомельской вол. (ст-ва)

Шерстино *см.* Шерстин

Юрковичи *см.* Старые Юрковичи

Юрковичи, Юркавічы, д. Шерстинского с/с Ветковского р-на Гомельской обл. РБ, *вер.* **Юрковичи,** *1532,* до 1535 - с. Гомельского у., с 1535 - с. Гомельской вол. (ст-ва)

Ярьковичи *см.* Старые Юрковичи

Список сокращений

АВАК	Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией
АЗР	Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией
АЮЗР	Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией
ДДГ	Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. М.; Л., 1950.
МАМЮ	Документы Московского архива Министерства юстиции
НИАБ	Национальный исторический архив Беларуси
«Пам'ять» 1527 р.	«Пам'ять» 1527 р. // Русина О. Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського. Кйі'в, 1998. С. 207-215
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей
Радзивилловские акты	Памятники истории Восточной Европы. Источники XV-XVII вв. Т. VI. Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки. Первая половина XVI в. М.; Варшава, 2002
РГАДА	Российский государственный архив древних актов
РИБ	Русская историческая библиотека
СИРИО	Сборник Императорского Русского Исторического общества
LM	Lietuvos Metrika - Lithuanian Metrica - Литовская метрика

Список карт и таблиц

Карты

Таблицы

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Акты Русского государства 1505-1526 гг. М., 1975.

Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией. Т. XIII. Вильна, 1886.

Акты Литовской метрики. Т. 1. Вып. 2. 1499-1507 гг. Варшава, 1897.

Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. I. 1340-1506. СПб., 1846.

Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. II. 1506-1544. СПб., 1848.

Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. III. 1544-1587. СПб., 1848.

Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. V. 1633-1699. СПб., 1853.

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1. СПб., 1863.

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. III. СПб., 1861.

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. IV. СПб., 1863.

Аніійлогов Г. И. Новые документы о России конца XVI - начала XVII в. М, 1967.

Атлас, состоящий из 12 окружных и 1 генеральной карты, представляющей Могилевскую губернию. Могилев, 1777.

Большой всемирный настольный атлас Маркса / Под ред. Э. Ю. Петри и Ю. М. Шокальского. СПб., 1910.

Военно-топографическая карта. Могилевская губерния. СПб., 1850. 3 версты в дюйме.

Генеральный план Белицкого уезда / Генеральное межевание Могилевской губернии. 1784.

Генеральный план Рогачевского уезда / Генеральное межевание Могилевской губернии. 1784.

Генеральный штаб Красной Армии. Карты. М., 1942. Л. N-36-XXVII, N-36-XXVIII, N-36-XXXIII, N-36-XXXIV.

Географический атлас Российской империи, Царства Польского и Великого кн. Финляндского, расположенный по губерниям на двух языках / Соч. и грав.: 6-го Кл. Пядышев. СПб., 1821. № 13, 21.

Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988.

Гомельская область. Атлас. Мн., 2006. Масштаб 1:200 000.

Документы Московского архива Министерства юстиции. Т. 1. М., 1897.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. М.; Л., 1950.

Инвентари Кричевского староства. 1670-1747 гг. // НИАБ. КМФ-5. Он. 1. Ед. хр. 1922, 1923, 1924, 1925, 1926, 1927, 1928, 1929, 1930, 1931, 1932, 1933, 1934, 1935, 1936.

Инвентарь Гомельского староства. 1681 г. // НИАБ. Ф. 694. Оп. 7. Д. 259. Лл. 1-22 об.

Инвентарь Чечерского староства. 1680 г. // НИАБ. Ф. 694. Оп. 4. Д. 888. Л. 30-30 об.

Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в Центральном архиве в Витебске / Под ред. Д. И. Довгялло. Вып. 28. Витебск, 1900.

Карта Могилевской губернии / Испр. и доп. А. Ильин. СПб., 1871. Масштаб: в 1 дюйме- 15 верст (1:630 000).

Карта Могилевской губернии. СПб., 1880. Масштаб: в 1 дюйме - 20 верст (1:840 000).

Литовская метрика. Отдел 1.4.1. Книги записей // Русская историческая библиотека. Т. XXVII. СПб., 1910.

Метрыка Вялікага княства Літоўскага: Кніга 44: Кніга запісаў 44 (1559-1566) / Падрыхт. АЛ. Груша. Мн., 2001.

Ограничение Кричевского староства. 1604 г. // НИАБ. Фонд 694. Опись 4. Ед. хр. 1155. Ч. 1. Л. 60-71

Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1. М., 1977. С. 34-35.

Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. I // Сборник Императорского Русского Исторического общества. Т. 35. СПб., 1882.

Памятники дипломатических сношений России с азиатскими народами. Т. 1 // Сборник Императорского Русского Исторического общества. Т. 41. СПб., 1884.

Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. II // Сборник Императорского Русского Исторического общества. Т. 59. СПб., 1887.

Памятники дипломатических сношений России с азиатскими народами. Т. II // Сборник Императорского Русского Исторического общества. Т. 95. СПб., 1895.

Памятники истории Восточной Европы. Источники XV-XVII вв. Т. II. «Выписка из посольских книг» о сношениях Российского государства с Польско-Литовским за 1487-1572 гг. / Составитель Б. Н. Морозов. М.; Варшава, 1997.

Памятники истории Восточной Европы. Источники XV-XVII вв. Т. VI. Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки. Первая половина XVI в. / Составитель М. М. Кром. М.; Варшава, 2002.

Перапіс войска Вялікага княства Літоўскага 1528 года. Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кн. 523. Кн. Публічных спраў 1. Мн., 2003.

Полное собрание русских летописей. Т. II (Ипатьевская летопись). М, 2001.

Полное собрание русских летописей. Т. VI. Вып. 2. (Софийская вторая летопись). М, 2001.

Полное собрание русских летописей. Т. VII (Летопись по Воскресенскому списку). М., 2001.

Полное собрание русских летописей. Т. VIII (Летопись по Воскресенскому списку). М, 2001.

Полное собрание русских летописей. Т. XI (Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью). М, 2000.

Полное собрание русских летописей. Т. XII (Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью). М, 2000.

Полное собрание русских летописей. Т. XV (Рогожский летописец. Тверской сборник). М., 2000.

Полное собрание русских летописей. Т. XVII (Западнорусское летописание). М., 2008.

Полное собрание русских летописей. Т. XXIII (Ермолинская летопись). М., 2004.

Полное собрание русских летописей. Т. XXVI (Вологодско-Пермская летопись). М, 2006.

Полное собрание русских летописей. Т. XXXV (Московский летописный свод конца XV в.). М., 2004.

Полное собрание русских летописей. Т. XXVIII (Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись)). М.; Л., 1963.

Российской атлас, из 44 карт состоящий и на 42 наместничества империю разделяющий. СПб., 1792.

Сборник Муханова. СПб., 1866.

Спіс населенных пунктаў усходнебеларускіх губерняў у 1783-1785 гг. // *АнішчанкаЯ. К.* Генеральнае межаванне ў Беларусі. Дапаўненне да кнігі «Генеральнае межаванне ў Беларусі». Горкі-Магілёў, 2002. С.38-120.

Список населенных мест Гомельского округа. Гомель, 1927.

Список населенных мест Могилевской губернии. Могилев, 1910.
Список населенных мест Российской империи. Черниговская губерния. СПб., 1866.
Список населенных мест Черниговской губернии. Чернигов, 1924.
Хроника Быховца. М., 1966.
Długosz J. Dziejów polskich ksiąg dwanaście. T. V. Ks. XII. Kraków, 1870.
Lietuvos Metrika - Lithuanian Metrica - Литовская Метрика. Kn. 3 (1440-1498) / Parenge L. Anufute ir A. Baliulis. V., 1998.
Lietuvos Metrika - Lithuanian Metrica - Литовская Метрика. Kn. 4 (1479-1491) / Parenge L. Anutute. V., 1994.
Lietuvos Metrika - Lithuanian Metrica - Литовская Метрика. Kn. 5 (1427-1506) / Parenge E. Banionis. V., 1993.
Lietuvos Metrika - Lithuanian Metrica - Литовская Метрика. Kn. 225 (1528-1547): 6-oji Teismf bylf knyga / S. Lazutka, I. Valikonyte ir kt. V., 1995.
Lietuvos Metrika - Lithuanian Metrica - Литовская Метрика. Kn. 8 (1499-1514) / Parenge A. Baliulis irkt. V., 1994.
Lietuvos Metrika- Lithuanian Metrica- Литовская Метрика. Kn. 229. (1540-1541): 10-oji Teismf bylf knyga / Parenge S. Lazutka, I. Valikonyte, S. Viskantaite-Savidöeviene. V., 2003.
Lietuvos Metrika- Lithuanian Metrica- Литовская Метрика. Kn. 15 (1528-1538) / Parenge A. Dubonis V., 2002.
Lietuvos Metrika - Lithuanian Metrica - Литовская Метрика. Kn. 224 (1522-1530): 4-oji Teismf bylf knyga / S. Lazutka, I. Valikonyte ir kt. V, 1997.
Magn Ducatus Lituaniae infuos Palatinatus et Districtus divisus deliniatus a Rever Parte Ioanne Nieprecki. Norimberga, 1749// *КазлоўЛ. Р.* Старажытная картаграфія Беларусь вып. 1. Мн., 2005. С. 24-25.
Perthees de H.K. Polonia secundum legitimas proiectionis stereographicae regulas et iuxta recentissimas observationes adhibitis. MDCCLXX // *Madej J.* "Polonia... 1770" Karola de Perthflesa na tle osiemnastowiecznej kartografii polskiej i krajow ościennych. Warszawa, 1987.
Polonia. Atlas map z XVI-XVIII wieku. W., 2005.
Vitoldiana. Codex privilegiorum Vitoldi Magni Ducis Lithuaniae 1386-1430 / Zebrał i wydał J.Ochmański. Warszawa-Poznań, 1986.

Исследования, справочные издания

Аверьянов К. А. Купли Ивана Калиты. М, 2001.

Алексеев Ю. Г. Победа на Ведроше // Rossica antique 2006. Исследования и материалы. СПб., 2006.

Анішчанка Я. К. Беларусь у другой палове XVIII ст. // Нацыянальны Атлас Беларусі. Мн., 2002. С. 270-271. [карта]

Анішчанка Я. К. Генеральнае межаванне на Беларусі. Мн., 1996.

Арсеньев Ю. В. Новые данные о роде Масловых // Летопись историко-родословного общества в Москве. М., 1912. Вып. 2 (30). С. 43-67.

БазилевичК. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952. С. 518-521.

БазилевичК. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952.

Без-Корнилович М. О. Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии. СПб., 1855.

Бережков Н. Г. Литовская метрика как исторический источник. Ч. 1. О первоначальном составе книг Литовской метрики по 1522 год. М.; Л., 1946.

Бычкова М. Е. Русское государство и Великое княжество Литовское с конца XV в. до 1569 г.: опыт сравнительно-исторического изучения политического строя. М., 1996.

Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в. М., 1986.

Виноградов Л. А. Гомель. Его прошлое и настоящее. М., 1900.

Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI-XVII вв. М., 1962.

Витов М. В. Приемы составления карт поселений XV-XVII вв. по данным писцовых и переписных книг (на примере Шунгского погоста Обонежской пятины) // Проблемы источниковедения. Вып. V. М., 1956. С. 240-245.

Витов М. В. Севернорусская топонимия XV-XVIII вв. // Вопросы языкознания. 1967. №4. С. 75-91.

Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. VIII. Ч. 3. Могилевская губерния / Сост. Ген. штаба капитан Черницкий. СПб., 1848.

Вяроўкін-Шэлюта У. Саковічы // Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя. У 2 т. Т.2. Мн., 2007. С. 536-537.

Вяроўкін-Шэлюта У. Халецкія // Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя. У 2 т. Т.2. Мн., 2007. С. 711-712.

Галубовіч В. Дакументы па гісторыі Рэчыцкага павета ў кнігах запісаў метрыкі Вялікага княства Літоўскага за перыяд праўлення Уладзіслава IV Вазы // Трэція Міжнародныя Доўнараўскія чытанні. Рэчыца, 14-15 верасня 2001 г. Мн., 2002. С 240-253.

Гарады і вёскі Беларусі: Энцыклапедыя. Кн. 1. Гомельская вобласць. Мн., 2004.

Гарады і вёскі Беларусі: Энцыклапедыя. Кн. 2. Гомельская вобласць. Мн., 2005.

Голубеў В. Ф. Абшчына ў сацыяльным і гаспадарчым жыцці насельніцтва Горвальскай воласці Рэчыцкага павета (Паводле інвентарных апісанняў першай паловы-сярэдзіны XVIII ст.) // Чацвёртыя Міжнародныя Доўнараўскія чытанні. Рэчыца, 18-19 верасня 2003 г.: в 2 ч. Ч. 2. Гомель, 2004. С. 64-75.

Голубеў В. Ф. Абшчына ў сацыяльным і гаспадарчым жыцці насельніцтва Стрэшынскай воласці Рэчыцкага павета (паводле інвентарных апісанняў XVI-XVIII ст.) // Пятыя Міжнародныя Доўнараўскія чытанні. Рэчыца, 22-23 верасня 2005 г. Гомель, 2005. С. 204-214.

Голубеў В. Ф. Сельская грамада ў Беларусі XVI-XVIII стст. паводле дакументаў маёнтка Брашэвічы Віленскага каталіцкага біскупства і суседніх вёсак // Зборнік навуковых прац у гонар 70-годдзя Міхаіла Фёдаравіча Спірыдонава. Мн,2007.С. 134-155.

Голубеў В. Ф. Сялянскае землеўладанне і землекарыстанне на Беларусі: XVI-XVIII стст. Мн., 1992.

Городские поселения в Российской империи. Т. I. СПб., 1860.

Горский А. А. Московские «примыслы» конца XIII-XV в. вне Северо-Восточной Руси // Средневековая Русь. Вып. 5. М., 2004. С. 114-190.

Готье Ю. В. Замосковный край в XVII в. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1937.

Груша А.І. Канцылярыя Вялікага княства Літоўскага. Мн., 2004.

Груша А.І. Метадычныя рэкамендацыі па публікацыі рукапісных актавых кірылічных крыніц у Беларусі (XIII—XVIII стст., перыяд Вялікага княства Літоўскага). Мн., 2003.

Грушевський М. Історія України-Руси. Том IV. Київ, 1993.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1995,

Дегтярев А. Я. Русская деревня в XV-XVII вв. Очерки истории сельского расселения. Л., 1980.

Дембовецкий А. С. Опыт описания Могилевской губернии. Кн. 2. Могилев, 1884.

Жудро Ф. А., Сербова И. А., Довгялло Д. И. Город Гомель. Географическо-статистический очерк // Записки Северо-Западного отдела Императорского Русского географического общества. Кн. 2. Вильна, 1911. С. 293-354.

Зайцев А. К. Черниговское княжество//Древнерусские княжества X-XШ вв. М., 1975. С. 57-117.

Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Гомельская вобласць. Мн., 1985.

Зимин А. А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М., 1991.

Зимин А. А. Россия на рубеже XV-XVI столетий. М., 1982.

Зимин А.А. Служилые князья в Русском государстве конца XV- первой трети XVI в. // Дворянство и крепостной строй России XVI-XVIII вв. Сб. ст. М., 1975. С. 28-56.

Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV - первой трети XVI в. М., 1988.

Казлоў Л. Р. Беларусь у працах польскіх картографаў (XVI-XX стст.). Мн., 2004.

Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. V М., 1993.

Кондратьев И. Лоевске староство у 1585 - середйні XVII ст. // Пятыя Міжнародныя Доўнараўскія чытанні. Рэчыца, 22-23 верасня 2005 г. Гомель, 2005. С. 195-204.

Коцебу А. Свитригайло, великий князь Литовский или Дополнение к историям Литовской, Российской, Польской и Прусской. СПб, 1835.

Кром М. М. Меж Русью и Литвой. Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV - первой трети XVI в. М., 1995.

КромМ. М. Стародубскаявойна(1534-1537гт.)//Очерки феодальной России. Вып. 3. М., 1999. С. 85-148.

Кузьмин А. В. Гомельская и Жлобинская епархия // Православная энциклопедия / Под ред. Патр. Алексия II. М, 2006. Т. 12. С. 8-12.

Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV в.: внешнеполитические договоры. М., 2003.

Кучкин В. А. К изучению процесса централизации в Восточной Европе (Ржева и ее волости в XIV- XV вв.) // История СССР. 1984. № 6. С. 149-162.

Лазаревский А. Описание старой Малороссии: Материалы для истории заселения, землевладения и управления. Киев, 1888. Т. 1. Полк Стародубский.

Лебедев С. М. Гомель. Мн., 1957.

Любавский М. К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого литовского статута. М., 1892.

Макушников О. А. В поисках древнего Гомия. Гомель, 1994.

Макушников О. А. Гомель с древнейших времен до конца XVIII в. Гомель, 2002.

Макушнікаў А. А. Рубяжы Гомійскай воласці ў XII-XIV ст. (спроба рэканструкцыі) // Гістарычна-археалагічны зборнік. Ч. 2. Мн., 1993. С. 42-59.

Медушевская О. М. Картографические источники XVII—XVIII вв. М., 1957.

Медушевская О. М. Картографические источники первой половины XIX в. М., 1959.

МяцельскіА. А. Старадаўні Крычаў: Гіст.-археал. нарыс горада ад старажыт. часоў да канца XVIII ст. Мн., 2003.

Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века 1601-1608. М., 2003.

Насевіч В. Л. Гомельская воласць // Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя. У 2 т. Т.1. Мн., 2007. С. 543.

Насевіч В. Л. У складзе Вялікага княства Літоўскага // Памяць. Веткаўскі раён. Кн. 1. Мн., 1997. С. 41-46.

Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Историко-географическое исследование; Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. СПб., 2002.

Наумов Е. П. К истории летописного «Списка русских городов дальних и ближних» //Летописи и хроники. 1973 г. М., 1974. С. 150-163.

Памяць: Брагін. р-н: Гіст.-дакум. хронікі гарадоў і р-наў Беларусі / Уклад. І.Ф. Ганжураў. Мн., 2003.

Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Буда-Кашалёўскага р-на. У 2 кн. Кн. 1 / Уклад. У.Я.Райскі.Мн.,2001.

Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Веткаўскага р-на. У 2 кн. Кн. 1 / Уклад. У. Я. Райскі. Мн., 1997.

Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Веткаўскага р-на. У 2 кн. Кн. 2 / Уклад. У. Я. Райскі. Мн., 1998.

Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Гомельскага р-на. У 2 кн. Кн. 1 / Уклад. М. 3. Башлакоў, Т. А. Карасік. Мн., 1998.

Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Гомельскага р-на. У 2 кн. Кн. 2 *1* Уклад. М. 3. Башлакоў, Т. А. Карасік. Мн., 1998.

Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Рагачоўскага р-на. Мн., 1994.

Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Рэчыцкага р-на. У 2 кн. Кн. 1 / Уклад. П. П. Рабянок. Мн., 1998.

Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Чачэрскага р-на / Уклад І.Я. Райскі, Я. А. Шыпенка. Мн., 2000.

Пашкова Т. И. Местное управление в Русском государстве первой половины XVI в. (наместники и волостели). М., 2000.

Пашуто В. Т., Флоря Б. Н. Хорошкевич А. Л. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982.

Пичета В. И. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве. М., 1958.

Раздорский А. И. Торговля Курска в XVII веке (По материалам таможенных и оброчных книг города). СПб., 2001.

Рогалев А. Ф. От Гомиюка до Гомеля: Городская старина в фактах, именах, лицах. Гомель, 2006.

Рогалев А. Ф. Родные названия: Топонимический словарь Гомеля и окрестностей. Гомель, 2003.

Рогалев А. Ф. Топонимический словарь Ветковского района Гомельской области. Гомель, 2004.

Русина Е. В. Персональный состав северских князей во второй половине XIV в. // Историческая генеалогия. Екатеринбург, Париж, 1993. Вып. 2. С. 14-18.

Русина О. В. Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського. Кйі'в, 1998.

Сліж Н. У. Шляхецкі род Халецкіх у гісторыі Рэчыцкага павета // Шостыя Міжнародныя Доўнараўскія чытанні. Міжнародная навуковая канферэнцыя, 14-15 лістапада 2007 г.: [матэрыялы]. Ч. 2: Рэчыца ў часе і прасторы: 795 год заснавання горада. Гомель, 2008. С. 62-81.

Семенов В. П. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т. IX. СПб., 1905.

Семенов И. П. Географическо-статистический словарь Российской империи. Т. 1. СПб., 1860.

Спиридонов М. Ф. Беларусь на карце Вялікага княства Літоўскага 1613 г.// Пстарычны альманах. Т. 8. Гародна, 2003. С.

Спиридонов М. Ф. Гомельская волость в 1560 г. // // Тез. докл. 1-ой Гомельской обл. научн. конф. по историческому краеведению (февраль 1989 г.). Гомель, 1989. С. 52-53.

Спиридонов М. Ф. Беларусь в конце XVI в. // Закрепощение крестьянства Беларуси (XV-XVI вв.). Мн., 1993. Приложение, [карта]

Спиридонов М. Ф. Закрепощение крестьянства Беларуси (XV-XVI вв.). Мн., 1993.

Спиридонов М. Ф. Населенные пункты Менского повета в 1567 г. // Актуальныя пытанні вывучэння і выдання Метрыкі Вялікага Княства Літоўскага: Матэрыялы міжнароднай навук.-практ. канфер. (Мінск, 11-12 лістапада 2003 г.). Мн.,2005.С. 159-190.

Спірыдонаў М. Ф. Беларусь у другой палове XVI ст. // Нацыянальны Атлас Беларусі. Мн., 2002. С. 266-267. [карта]

Спірыдонаў М. Ф. Беларусь у канцы XVI ст. // Атлас гісторыі Беларусі ад старажытнасці да нашых дзён. Мн., 2006. С. 22-23. [карта]

Спірыдонаў М. Ф. Беларусь у канцы XVI ст. // Энцыклапедыя гісторыі Беларуси У 6 т. Т. 2. Мн, 1994. С. 394-395. [карта]

Спірыдонаў М. Ф. Рэчыцкі павет у канцы XVI ст. // Атлас гісторыі Беларусі ад старажытнасці да нашых дзён. Мн, 2006. С. 42. [карта]

Спірыдонаў М. Ф. Сялянства ў перыяд усталявання паншчыны і прыгонніцтва // Гісторыя сялянства Беларусі: у 3 т. Т. 1. Мн, 1997. С. 47-102.

Спіс публікацый М. Ф. Спірыдонава // Зборнік навуковых прац у гонар 70-годдзя Міхаіла Фёдаравіча Спірыдонава. Мн, 2007. С. 397-429.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1. СПб, 1893.

Сухотин Л. М. Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. 1610-1611 гг. М, 1911.

Танков А. А. Историческая летопись курского дворянства. Т. 1. М., 1913.

Темушев В. Н. Западная граница Великого княжества Московского к 1380 г. // Куликовская битва в истории России: Сб. статей. Под ред. А. Н. Наумова. Тула, 2006. С. 82-109.

Темушев В. Н. К вопросу о московско-литовской границе XV в. (Владения князей Крошинских) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 3 (21). Сентябрь 2005. С. 102-103.

Темушев В. Н. Литовско-тверская граница (проблемы интерпретации источников) // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 2. Мн., 2007. С.135-142.

Темушев В. Н. Литовско-московский договор 1449 года. Раздел сфер влияния в Восточной Европе // Весці Нацыянальнай Акадэміі Навук Беларусь Серыя гуманітарных навук. 2005. № 5. Ч. 2. С. 77-80.

Темушев В. Н. Начало складывания московско-литовской границы. Борьба за Ржевскую землю // Российские и славянские исследования: Сб. науч. статей. Вып. I.Мн., 2004. С. 71-80.

Темушев В. Н. Река Угра - вековой страж московско-литовской границы // Новая локальная история. Вып. 2. Новая локальная история: пограничные реки и культура берегов: Материалы второй Международной интернет-конференции. Ставрополь, 20 мая 2004 г. Ставрополь, 2004. С. 305-318.

Темушев В. Н. Ржевский участок литовско-московской границы в конце XIV - начале XVI в. // Материалы по археологии Беларуси. № 14. Памятники эпохи железа и средневековья Беларуси. Мн., 2007. С. 241-250.

Темушев В. Н. Сведения о московско-литовском пограничье в посольских книгах времени Ивана III // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. СПб., 2006. С.294-306.

Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962.

Тихомиров М. Н. Список русских городов дальних и ближних // Исторические записки. 1952. Т. 40. С. 214-259.

Филарет, архим. (Ф. И. Гумилевский). Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Кн. 6. Чернигов, 1874.

Филарет, архим. (Ф. И. Гумилевский). Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Кн. 7. Чернигов, 1875.

Флоря Б. Н. Борьба московских князей за смоленские и черниговские земли во второй половине XIV в. // Проблемы исторической географии России. Вып. 1.М., 1982. С. 58-80.

Хорошкевич А. Л. Документы начала XV в. о русско-литовских отношениях // Культурные связи России и Польши XI-XX вв. М., 1998. С. 39-57.

Цемушаў В. М. Перыферыйныя княствы ў сістэме абароны ВКЛ (Вяземскае княства ў 15 ст.). // Канструкцыя і дэканструкцыя Вялікага княства Літоўскага: матэрыялы міжнар. навук. канф., Гродна, 23-25 крас. 2004 г. Мінск, 2007. С. 95-102.

ЧерепнинЛ. В. Русская хронология. М, 1944.

Шеков А. В. Верховские княжества (Краткий очерк политической истории. XIII - середина XVI вв.). Тула, 1993.

Шеламанова Н. Б. Образование западной части территории России в XVI в. в связи с ее отношениями с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой: дис.... канд. истор. наук. Науч. рук-ль М. Н. Тихомиров. М., 1970.

Янин В. Л. Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII-XV веков. М., 1998.

Boniecki A. Poczet rodów w Wielkim Ksęstwie Litewskim w XV i XVI wieku. Warszawa, 1887.

Halecki O. Chaleccy na Ukrainie // Miesięcznik heraldyczny. 1910. № 8-12.

KelmaE. Ród Sakowiczów i jego majętności w XV i pierwszey połowie XVI wieku // Lituano-slavica Posnaniensia. Studia historica. III. Poznan, 1989. S. 155-177.

Kolankowski L. Zygmunt August, Wielki książę Litwy do r. 1548 r. Lwów, 1913.

Kuczyński S.M. Rodowód Michała Chaleckiego // Miesięcznik heraldyczny. 1934. № 1. S. 6-12; № 2. S. 17-23.

Kuczyński S.M. Ziemie czernihowsko-siewierskie pod rządami Litwy // Prace Ukraińskiego institutu naukowego. T. 33. Warszawa, 1936.

Natanson-Leski J. Dzieje granicy wschodniej Rzeczypospolitej. Cz. 1: Granica Moskiewska w epoce Jagiellońskiej. Lwyw; Warszawa, 1922.

Pietkiewicz K. Wielkie Księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiellończyka. Studiu nad dziejami państwa i społeczeństwa na przełomie XV i XVI wieku, Poznań, 1995.

Semkowicz W. O litewskich rodach bojarskich zbratanych ze szlachta polska w Horodle roku 1413 // Lituano-slavica Posnaniensia. Studia historica. III. Poznan, 1989. S. 7-139.

Skopińska Z. Traktat 31 sierpnia 1449 roku w świetle polityki Litwy i Moskwy w latach 1440-1453 //Ateneum Wileńskie. 1928. Z. 15. S. 108-150.

Słownik geograficzny królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. T. III. Warszawa, 1882.

Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego: spisy. T. 1. Województwo Wileńskie, XIV-XVIII wiek Warszawa, 2004.

Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego: spisy. T. 4, Ziemia smoleńska i wojewydztwo smoleńskie XIV-XVIII wiek Warszawa, 2003.

Wierzbowski T. Vademecum. Podręcznik dla studjów archiwalnych. Lwów-Warszawa, 1926.

Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. W, 1895.

Содержание

Виктор Николаевич Темушев

ГОМЕЛЬСКАЯ ЗЕМЛЯ
В КОНЦЕ XV - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в.
ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ
В ПОГРАНИЧНОМ РЕГИОНЕ

Редактор А. В. Кузьмин
Художественный редактор А. Ю. Никулин
Корректоры Л. С. Барышникова,
М. Г. Смирнова
Верстка Н. А. Шакиров

Формат 60x90/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 12. Тираж 500
Заказ № 63

Издательство «Квадрига»
123001, Москва, ул. Большая Садовая, дом 2/46
Тел.(495)253-92-91

ISBN 978-5-904162-10-8

Отпечатано с готовых диапозитивов в ООО «ИМИРА»
143983, Московская область, г. Железнодорожный, ул. Керамическая, дом 3
Тел. (495) 780-20-46, e-mail: imira-m@yandex.ru

МОСКОВСКО-ЛИТОВСКАЯ ГРАНИЦА в конце XV – первой половине XVI в.

ГОМЕЛЬСКАЯ ЗЕМЛЯ в конце XV – первой половине XVI в.

